М. А. АЛДАНОВЪ — ЗЕМЛИ / ЛЮДИ

М. А. АЛДАНОВЪ

ЗЕМЛИ ЛЮДИ

БЕРЛИНЪ
1932

М. А. АЛДАНОВЪ

ЗЕМЛИ, ЛЮДИ

1932

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

«Energiadruck», Berlin SW 61

ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ эту книгу вошли статьи о людяхъ, о которыхъ, пожалуй, всего больше говорили въ мірѣ въ теченіе послѣдняго года. Я соединилъ съ ихъ портретами впечатлѣнія, вынесенныя изъ недавнихъ поѣздокъ по разнымъ европейскимъ странамъ и изложенныя въ отрывочной формѣ. Разумѣется, я не ставилъ себѣ цѣлью подводить какіе бы то ни было «итоги» нашей катастрофической эпохѣ. Выводы сдѣлаетъ, если захочетъ, самъ читатель.

Авторъ.

ГАНДИ

I.

Въ этомъ помѣщеніи стѣнные часы показываютъ не Лондонское, а Нью-Іоркское время: Лондонскимъ временемъ не слишкомъ интересуется отдѣленіе Объединенной Американской печати.

Передо мной одно изъ самыхъ могущественныхъ учрежденій въ мірѣ, быть можетъ, даже самое могущественное. Трещитъ телефонъ — говорятъ, вѣроятно, изъ Нью-Іорка или изъ Чикаго? Барышня стучитъ на какой-то странной машинѣ: ея сообщеніе черезъ нѣсколько минутъ будетъ подано въ редакціи двухъ тысячъ американскихъ газетъ. Эту рукопись сегодня вечеромъ прочтетъ не менѣе пятидесяти милліоновъ людей. Радіоаппарата я не видѣлъ, но, конечно, здѣсь можно и по радіоаппарату слушать рѣчь сенатора Бора или слѣдить за Нью-Іоркскимъ матчемъ знаменитыхъ боксеровъ.

Всѣ эти чудеса создались на нашей памяти. За первыя тридцать лѣтъ двадцатаго вѣка жизнь въ бытовомъ и техническомъ отношенiи измѣнилась гораздо больше, чѣмъ за нѣсколько тысячелѣтiй предшествовавшей исторiи, — скажемъ, отъ Соломона до Людовика XIV. Да еще мiровая война, да еще русская революцiя, — немало видѣло наше удачливое поколѣнiе.

Завѣдующiй отдѣленiемъ готовъ помочь.

— Я сдѣлаю все возможное, но обѣщать не могу ничего: весь Лондонъ хочетъ видѣть Ганди. Если-бъ вы оставались долго, это можно было бы устроить, но вы уѣзжаете....

Любезный американскiй журналистъ хорошо знакомъ съ Ганди и пользуется его благосклонностью: ѣздилъ къ нему въ Индiю въ ту пору, когда махатма еще не былъ такъ знаменитъ. Кромѣ того, весь мiръ очень ухаживаетъ за американскими журналистами. Кромѣ того, индусы ухаживаютъ за американскими журналистами особенно: ихъ тактика отчасти заключается въ томъ, чтобы жаловаться Соединеннымъ Штатамъ на Англiю.

— Я предлагаю вамъ слѣдующее: поѣдемъ къ Ганди наудачу. Если будетъ возможно, я васъ ему представлю. Если нельзя, тѣмъ хуже...

Прямо отсюда къ Ганди; изъ Америки въ Азiю!

Поправку на мѣсто дѣйствiя, долженъ постоянно имѣть въ виду человѣкъ, который хочетъ что-либо понять въ самой фантастической изъ всѣхъ возможныхъ

біографій: въ необычайной исторіи о томъ, какъ присяжный повѣренный сталъ богомъ.

Самъ Ганди, впрочемъ, себя богомъ не считаетъ. Но его богомъ считаютъ — или считали — сотни милліоновъ людей. Въ Индіи распространены его изображенія въ образѣ Кришну; говорятъ, будто они есть — или были — въ любой индусской хижинѣ. Ганди три раза въ одномъ только 1921 году печатно протестовалъ противъ этого на страницахъ «Молодой Индіи»[1]. Надо войти въ положеніе человѣка, который вынужденъ писать письма въ редакцію съ убѣдительнымъ заявленіемъ о томъ, что онъ не Богъ Кришну. И не такъ просто что-либо понять въ психологіи страны, гдѣ такія письма въ редакцію возможны. Обращаться, напримѣръ, въ «Temps» или въ «Berliner Tageblatt» съ подобнымъ письмомъ было бы явно неудобно.

II.

Какъ намъ разобраться во всемъ этомъ? Въ Индіи шестьсотъ государствъ, двѣ тысячи триста сословно-кастовыхъ дѣленій людей[2], двѣсти двадцать два языка, — изъ нихъ болѣе тридцати главныхъ (по

[1]) «La jeune Inde» (сборникъ статей), стр. 61—62.

[2]) На югѣ Индіи существуютъ, напримѣръ, касты правой и лѣвой руки, и, кажется, никто изъ изслѣдователей не можетъ понять, что это значитъ. Касты эти рѣзко враждебны другъ другу.

даннымъ оффиціальнаго англійскаго изданія). Изъ трехсотъ милліоновъ населенія, трудолюбиваго, честнаго, несчастнаго, огромное, подавляющее большинство ни на одномъ изъ этихъ 222 языковъ не умѣетъ ни читать, ни писать. Безконечное множество вѣрованій. Сложнѣйшая основная религія, тѣсно связанная со сложнѣйшей мифологіей, — за ея философскими оттѣнками не всегда могъ услѣдить умъ Шопенгауэра. Въ повседневномъ же быту — культъ коровы...

Многимъ европейцамъ, вѣроятно, надо дѣлать надъ собой усиліе, чтобы отнестись серьезно къ бытовому культу коровы. Индусы — народъ очень даровитый; объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ поэзія и философія. Приходится просто признать, что многое въ Индіи намъ совершенно непонятно, и ограничиться этимъ признаніемъ. Въ корову слѣпо вѣритъ темный житель бенгальскихъ лѣсовъ, защищающій ее дубьемъ отъ тигровъ и удавовъ. Слѣпо вѣритъ въ нее и вождь сотенъ милліоновъ людей. Ганди отрицаетъ всю европейскую цивилизацію; но въ корову онъ вѣритъ твердо, и въ его писаніяхъ она занимаетъ виднѣйшее мѣсто. «Никто не почитаетъ корову больше чѣмъ я», —говоритъ онъ въ одной изъ своихъ статей. — «Не надо защищать корову насиліемъ», — пишетъ онъ еще, — «это значило бы принижать высокій смыслъ защиты коровы» [1]). Собственно, Европа на корову и не нападаетъ. Но, быть можетъ, западная цивилизація въ правѣ скромно пожелать, чтобы и ее, съ Леонардо, Декартами, Гете и Пушкиными, не такъ

[1]) La jeune Inde, стр. 229.

ужъ безжалостно разоблачали — во имя культа коровы.

Его зовутъ Могандасъ Коромшандъ Ганди. Онъ родился 2 октября 1869 года. Отецъ его былъ первымъ министромъ въ Порбандарѣ. Не зная ни мѣстнаго быта, ни мѣстныхъ политическихъ условій, не берусь сказать съ точностью, что такое порбандарскій первый министръ: можетъ быть, большой сановникъ, а, можетъ быть, нѣчто вродѣ исправника? Родители Ганди были, по словамъ его біографовъ, люди культурные и образованные. Но, очевидно, и образованіе ихъ, и культурность надо примѣнять къ Порбандарскому уровню. Мы знаемъ, напримѣръ, что Ганди былъ помолвленъ со своей нынѣшней женой восьми лѣтъ отроду, а женился на двѣнадцатомъ году. Родители его принадлежали къ одной изъ среднихъ кастъ. Они не были браманами, но надъ нечистыми возвышались неизмѣримо. Ганди самъ разсказываетъ, что въ дѣтствѣ онъ прикоснулся къ парію. Это было чуть ли не катастрофой. Браманы и кшатріи, прикоснувшіеся къ нечистому, должны совершать очистительные обряды [1]. Но мать Ганди знала простой домаш-

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ городахъ Индіи, въ Мадрасѣ, напримѣръ, для паріевъ отведены особыя улицы. На улицахъ, гдѣ ходятъ индусы высшихъ кастъ, паріи появляться не могутъ. «Чандала», — сообщаетъ авторъ труда объ Индіи, — «долженъ былъ жить вдали отъ жилищъ прочихъ людей, носить на себѣ особый знакъ, чтобы его можно было узнать, и избѣжать съ нимъ встрѣчи (прикосновеніе къ нему оскверняло); владѣть онъ могъ только низшими животными — собакой и осломъ, ѣсть изъ битой посуды, одѣваться въ платье отъ умершихъ и т. д. Подобные взгляды перешли въ плоть и кровь современнаго индуса. До сихъ поръ около 14 проц. туземнаго

ній способъ, какъ себя очистить отъ прикосновенія парія: надо немедленно прикоснуться къ мусульманину.

Со всѣмъ тѣмъ тяга къ цивилизаціи у родителей Ганди, повидимому, была и въ самомъ дѣлѣ. По крайней мѣрѣ, когда мальчику минуло восемнадцать лѣтъ, его отправили въ университетъ въ Англію.

Молодой студентъ, оставившій на родинѣ жену и сына, пробылъ въ Лондонѣ три года. Ганди старался походить на европейца, заботливо одѣвался по послѣдней модѣ, носилъ цилиндръ и каждое утро причесывался передъ зеркаломъ, что въ Индіи считается дѣломъ непозволительнымъ и грѣховнымъ. О вліяніи, оказанномъ на него англійской культурой, онъ говоритъ довольно кратко. Ганди не любитъ англичанъ: это чувствуется (правда, только чувствуется [1]) въ его писаніяхъ. Быть можетъ, поэтому онъ неохотно говоритъ о вліяніи, оказанномъ на него англійской цивилизаціей. Впрочемъ, въ числѣ книгъ, сыгравшихъ большую роль въ умственномъ развитіи Ганди, онъ называетъ сочиненія Рескина. Очень большое впечатлѣніе, по его словамъ, на него произвели Священное Писаніе — и Толстой.

Ганди окончилъ курсъ юридическаго факультета, сталъ адвокатомъ и вернулся къ себѣ на родину, гдѣ

населенія Индіи принадлежитъ къ такимъ отверженнымъ кастамъ».

[1]) Онъ говоритъ: «Нужно ненавидѣть сатанизмъ, любя сатану». Однако, несмотря на чрезвычайно вѣжливый тонъ всѣхъ его книгъ, по прорывающимся отдѣльнымъ фразамъ иногда замѣчаешь, что Ганди «сатану» все-таки не любитъ.

занялся практикой, преимущественно, по гражданскимъ дѣламъ. Впослѣдствіи — много позднѣе — онъ отрекся навсегда отъ адвокатуры и назвалъ ее грязнымъ, безнравственнымъ дѣломъ. Но въ молодые годы Ганди занимался адвокатурой съ увлеченіемъ. Мнѣ приходилось слышать, что онъ былъ превосходнымъ адвокатомъ-цивилистомъ. Во всякомъ случаѣ, онъ имѣлъ немалый успѣхъ, и въ пору расцвѣта своей адвокатской дѣятельности зарабатывалъ практикой отъ пяти до шести тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, — такой заработокъ въ Парижѣ, въ Берлинѣ, въ Петербургѣ имѣли въ то время только очень выдающіеся или очень ловкіе адвокаты.

Быть можетъ, успѣхъ Ганди покажется еще болѣе удивительнымъ, если принять во вниманіе, что онъ примѣнялъ нѣсколько своеобразные пріемы, кажется, не слишкомъ распространенные въ адвокатской средѣ. Такъ, напримѣръ, когда кліентъ ссылался на какой-нибудь законъ или рѣшеніе суда, которые не были извѣстны Ганди, будущій махатма откровенно заявлялъ, что онъ этого закона не знаетъ и постарается навести справку. Очень часто онъ сообщалъ кліентамъ о пробѣлахъ своего юридическаго образованія вообще и совѣтовалъ обратиться къ какому-нибудь болѣе опытному адвокату. «У меня было правиломъ», — говоритъ Ганди[1]), — «не скрывать своего невѣжества отъ кліентовъ». Онъ добавляетъ, что это правило производило на кліентовъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Не смѣю сомнѣваться въ свидѣтельствѣ

[1]) Mahatma Gandi at work. His own story, стр. 117.

махатмы. Однако, я не рѣшился бы посовѣтовать молодымъ помощникамъ присяжнаго повѣреннаго слѣдовать примѣру Ганди. Кліенты бываютъ разные, и возможно, что психологія ихъ въ Индіи рѣзко отличается, напримѣръ, отъ той, какая была въ Россіи. Но боюсь, что въ Петербургѣ или въ Парижѣ адвокатъ, смиренно и правдиво заявляющій кліентамъ о своемъ юридическомъ невѣжествѣ, не могъ бы съ полной увѣренностью разсчитывать на очень блестящую карьеру.

Была у этого страннаго адвоката и другая особенность. Если на судѣ, во время разбирательства дѣла, доводы противной стороны неожиданно его переубѣждали, то онъ заявлялъ суду, что противникъ поколебалъ его убѣжденіе, и что онъ съ противникомъ соглашается. Это тоже, насколько мнѣ извѣстно, пріемъ довольно необычный въ адвокатской практикѣ. Не знаю, производилъ ли и онъ чарующее впечатлѣніе на кліентовъ, но ужъ его-то я никакъ не рекомендовалъ бы начинающимъ адвокатамъ. Впрочемъ, такой случай долженъ былъ являться исключительнымъ, ибо Ганди принималъ только совершенно чистыя дѣла, правота которыхъ сомнѣній не вызывала.

Политикой Ганди не занимался; въ свободное время онъ читалъ философскія и религіозныя книги. Особенное его вниманіе останавливало древнее индусское ученіе объ «Ахимсѣ». Сущность этого ученія заключается въ недѣланіи зла и въ непротивленія злу насиліемъ.

III.

Въ 1893 году одно индусское торговое предпріятіе, имѣвшее большой судебный процессъ въ Преторіи, предложило адвокату Ганди быть его представителемъ и выѣхать для этого въ Южную Африку. Дѣло было чистое, условія хорошія. Ганди принялъ предложеніе, менѣе всего, вѣроятно, предполагая что эта поѣздка перевернетъ всю его жизнь и положитъ начало новой «карьерѣ», небывалой въ новѣйшей исторіи.

Это было за нѣсколько лѣтъ до Трансваальской войны, съ ея легендой, облетѣвшей весь міръ и надолго его взволновавшей: съ грубой властью могущественнаго иностраннаго завоевателя боролся маленькій свободолюбивый героическій народъ. Сочувствіе всего міра было на сторонѣ буровъ. По всей вѣроятности, у многихъ, отъ Вильгельма II до Мориса Барреса, неожиданное расположеніе къ свободолюбивымъ бурамъ было оборотной стороной нѣкотораго нерасположенія въ Британской Имперіи. Но въ подавляющемъ большинствѣ своемъ передовой цивилизованный міръ сочувствовалъ бурамъ такъ же искренно, какъ горячо [1]. Сколько добровольцевъ изъ разныхъ странъ Европы пошло сражаться за свободу Трансвааля!

Лордъ Байронъ, отправляясь на войну за свободу Греціи, помнилъ о греческомъ прошломъ; но, естественно, онъ не могъ предвидѣть греческое будущее: уп-

---

[1]) Были «пораженцы» въ ту пору въ самой Англіи. Такъ небезызвѣстная миссъ Гобгаузъ (дочь лорда Кертнея) ежедневно молилась Богу о ниспосланіи побѣды бурамъ.

рощенно-символически скажемъ, что Байронъ помнилъ Перикла и не предвидѣлъ генерала Пангалоса. Не говорю ничего дурного о генералѣ Пангалосѣ, но за него Байронъ, вѣроятно, жизни не отдалъ бы. Мысль о томъ, что за всякимъ торжественнымъ праздникомъ могутъ наступить весьма прозаическія будни, — довольно простая и естественная мысль; однако, приходитъ она съ опозданіемъ, да и не пріемлетъ ея освободительный энтузіазмъ. Было бы, разумѣется, очень хорошо, если бы, для выясненія своего отношенія къ той или иной освободительной войнѣ, всякій доброволецъ могъ заранѣе знать, что будетъ дѣлать послѣ побѣды страна, освобожденная при его участіи. Но осуществить это нелегко. Впрочемъ, европейскимъ добровольцамъ, храбро сражавшимся за свободу буровъ, легче было проявить нѣкоторую осмотрительность, чѣмъ за восемьдесятъ лѣтъ до того лорду Байрону.

Въ южной Африкѣ съ давнихъ временъ обосновалось около 150 тыс. индусовъ. Свободолюбивые буры обращались съ ними хуже, чѣмъ американцы обращаются съ неграми въ южныхъ областяхъ Соединенныхъ Штатовъ. Индусы въ Наталѣ были почти буквально на положеніи собакъ. Однако молодымъ отважнымъ людямъ, стекавшимся изъ разныхъ странъ Европы для борьбы за свободу бурскаго народа, это обстоятельство легко могло быть неизвѣстно, — если о немъ не имѣлъ ни малѣйшаго представленія индусъ Ганди.

Онъ очень скоро познакомился съ южно-африкан-

скими нравами. Не стоитъ разсказывать объ этомъ подробно. Кондукторъ дилижанса избилъ Ганди за то, что онъ отказался занять предложенное ему мѣсто на полу. Изъ купэ перваго класса въ поѣздѣ его выгнали, несмотря на бывшій у него билетъ. Въ гостиницы его не пускали: для индусовъ въ Южной Африкѣ есть особые ночлежные дома. Все остальное было въ томъ же родѣ. Буры объясняютъ свои дѣйствія разными недостатками индусовъ, въ частности, ихъ низкимъ моральнымъ уровнемъ, — въ отношеніи такого человѣка, какъ Ганди, это объясненіе звучитъ особенно убѣдительно.

Первой мыслью Ганди было — немедленно уѣхать назадъ къ себѣ на родину. Но затѣмъ онъ отъ этой мысли отказался: Ганди рѣшилъ, напротивъ, навсегда остаться въ Южной Африкѣ, бросить свои дѣла, адвокатуру въ Индіи, общественное положеніе, и посвятить всю жизнь освобожденію африканскихъ индусовъ.

Душевный кризисъ Ганди былъ особенно глубокъ потому, что ему пришлось оглянуться и на себя, на всю свою жизнь и на свое собственное отечество. Буры считали звѣрьми индусовъ. Но вѣдь и индусы считали звѣрьми своихъ паріевъ.

Не знаю, стоило ли Ганди большого труда признать паріевъ людьми. Онъ и теперь признаетъ законнымъ дѣленіе индусскаго народа на касты, при чемъ даетъ этому взгляду довольно замысловатое и безтолковое обоснованіе. Ганди не очень радикаленъ и въ нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ, относящихся къ той же или сходной области. Такъ, индусскіе мусульмане

въ своей печати, съ торжественной наивностью, которая отличаетъ Индію[1]), многократно спрашивали махатму, выдалъ ли бы онъ свою дочь за мусульманина, согласился ли бы онъ обѣдать съ мусульманиномъ за однимъ столомъ, и т. д. Ганди отвѣчалъ довольно уклончиво, преимущественно въ полувопросительной формѣ: «зачѣмъ же непремѣнно обѣдать за однимъ столомъ?» или «ужъ будто смѣшанные браки такіе счастливые?..» Эти мрачные идеологическіе вопросы, эти хитрые отвѣты бывшаго адвоката нельзя читать безъ улыбки. Нужно, повторяю, дѣлать поправку на Индію, — можетъ быть, прямой отвѣтъ Ганди вызвалъ бы тамъ революцію? Ламартинъ сказалъ: «Надо отдѣлиться отъ народа, чтобы думать, и надо слиться съ нимъ, чтобы дѣйствовать». Какъ бы то ни было, у себя на родинѣ Ганди является въ настоящее время главнымъ защитникомъ паріевъ. Съ большимъ рискомъ для своей популярности онъ появился въ 1921 году на конгрессѣ «нечистыхъ» и взялъ на воспитаніе «нечистую» дѣвочку.

Вопросъ объ отношеніи къ бурамъ и къ паріямъ былъ, однако, только частью душевнаго кризиса Ганди. Передъ нимъ встала вся проблема правды и неправды въ мірѣ. Рѣшалась она у него трогательно, сразу по двумъ перекрещивающимся направленіямъ. Надо было бороться съ угнетателями. Надо было также бороться съ грѣхомъ въ себѣ.

— «Толстой», — скажетъ читатель. Да, разумѣется,

[1]) Напомню сатирическія изображенія индусовъ въ блестящихъ романахъ Гексли.

безъ Толстого здѣсь не обошлось. Левъ Николаевичъ жилъ въ глуши, не читалъ газетъ и, казалось, ни о чемъ происходящемъ въ мірѣ не зналъ. Въ дѣйствительности, онъ замѣчалъ многое такое, чего совершенно не замѣчали люди, усердно читающіе газеты. Толстой чуть ли не первый обратилъ вниманіе на Ганди. У себя въ Ясной Полянѣ онъ не читалъ «Рѣчи» и «Русскаго Слова», но читалъ «Indian Opinion», — листокъ, издававшійся по-англійски въ Преторіи никому невѣдомымъ молодымъ индусомъ! Толстой написалъ Ганди письмо, въ которомъ его одобрялъ и очень сочувственно отзывался объ его взглядахъ. Завязалась оживленная переписка, — насколько мнѣ извѣстно, она до сихъ поръ не опубликована (послѣднее письмо къ Ганди написано Толстымъ за два мѣсяца до его кончины).

Въ 1904 году Ганди основалъ вблизи Дурбана земледѣльческую колонію, названную имъ «Ферма Толстого». Она существуетъ и до сихъ поръ. Это довольно типичная толстовская колонія русскаго образца 90-хъ годовъ. Но колонія эта въ теченіе многихъ лѣтъ была политическимъ центромъ Гандистскаго движенія. На «Фермѣ Толстого» создалась нынѣ столь знаменитая «Сатіаграха».

Борьба за освобожденіе, борьба съ грѣхомъ. Пониманіе грѣха у Ганди было почти то самое, которое въ свое время нѣсколько надоѣло у толстовцевъ. Онъ опростился. По его собственному выраженію, онъ «освободился отъ рабства прачешной и цырюльника»; иными словами, началъ самъ стирать свое бѣлье и

стричь на себѣ волосы. Ганди отказался отъ всѣхъ прежнихъ удобствъ и сталъ жить на три фунта стерлинговъ въ мѣсяцъ. Отказался онъ отъ супружеской жизни. Исторія его отношеній съ женой занимаетъ въ воспоминаніяхъ Ганди семь страницъ. Думаю, что въ политической книгѣ политическаго дѣятеля подобная глава является совершенно безпримѣрной, — о ней я говорить не буду, хоть Ганди самъ подарилъ эту тему всѣмъ весельчакамъ міра. Отъ «убоины» онъ отказаться не могъ, ибо не ѣлъ ея и прежде. Но со времени своего кризиса и по сей день Ганди питается только фруктами и козьимъ молокомъ (коза не священное животное), при чемъ опять-таки онъ очень подробно разсказалъ, какъ отражаются фрукты и молоко на его борьбѣ съ женскимъ соблазномъ. Толстой? Во всякомъ случаѣ, Толстой безъ его огромнаго ума, безъ его чутья и пониманія жизни, — и, вдобавокъ, безъ чувства юмора.

Быть можетъ, Ганди хотѣлъ подѣйствовать на свой народъ примѣромъ праведной жизни? Франклина спросили: «какое свойство всего полезнѣе политическому дѣятелю?» Онъ отвѣтилъ: «видимость праведника», — ужъ не знаю, былъ ли это простодушный или циничный отвѣтъ. Ганди едва ли очень думалъ о видимости. По книгамъ его выходитъ какъ-то такъ, что, борясь съ грѣхомъ внутри себя, онъ этимъ въ самомъ дѣлѣ наносилъ тяжкіе удары угнетателямъ-бурамъ. Его борьба съ бурами свелась къ митингамъ протеста, къ мирнымъ манифестаціямъ, къ «неучастію въ злѣ» безъ противленія злу насиліемъ. Въ совокуп-

ности съ «самосовершенствованіемъ» это и составило Гандистское ученіе о «Сатіаграхѣ» (Satia-graha — правда-сила).

Ганди нѣсколько разъ избивали до полусмерти, нѣсколько разъ сажали въ тюрьму. Онъ проявлялъ истинно-желѣзную волю и фанатическое упорство, — въ особенности, въ отказѣ отъ насилія. Внѣ «Сатіаграхи» не было спасенія. Ганди съ той поры ничего новаго не придумалъ. Онъ теперь борется съ англичанами точно такъ же, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ боролся съ бурами. Недавно его спросили, что онъ будетъ дѣлать, если, послѣ ухода англичанъ, на Индію нападутъ дикія Гималайскія племена, отъ которыхъ теперь ее охраняетъ англійское оружіе. Ганди отвѣтилъ, что будетъ и съ этими новыми завоевателями бороться посредствомъ Сатіаграхи, не участвуя въ злѣ, но и не противясь ему насиліемъ.

Людямъ, пожимающимъ плечами при видѣ такой политической тактики, махатма съ гордостью указываетъ, что въ Южной Африкѣ онъ этой тактикой добился успѣха. И, дѣйствительно, послѣ долгихъ лѣтъ Сатіаграхи, генералъ Сметсъ отмѣнилъ декретъ, особенно оскорблявшій индусовъ. Можно, однако, съ нѣкоторой увѣренностью утверждать, что Сатріаграха вообще здѣсь имѣла не слишкомъ большое значеніе, а внутреннее самосовершенствованіе — ровно никакого. Къ освобожденію отъ «рабства прачешной и цырюльника», къ фруктовой діетѣ Ганди, къ его безпрестаннымъ постамъ, къ его отношеніямъ съ женой буры были, навѣрное, вполнѣ равнодушны. Оскорбительный

декретъ былъ отмѣненъ по самымъ разнымъ причинамъ: потому, что за двадцать лѣтъ естественный политическій прогрессъ могъ сказаться и безъ Сатіаграхи; потому, что вѣчныя манифестаціи индусовъ, далеко не всегда безкровныя вопреки волѣ Ганди, безпокоили бурское правительство; потому, что въ самой Индіи, из-за африканскихъ событій, начались волненія, непріятныя англичанамъ; потому, что генералъ Сметсъ былъ недурной и не злой человѣкъ; потому, наконецъ, что европейская печать, хоть и безъ особой горячности (дѣло далекое), обратила вниманіе на невыносимое положеніе индусовъ въ Южной Африкѣ: въ частности, и англійскія газеты, и англійское правительство весьма рады были при случаѣ — въ самой ласковой формѣ — пройтись по адресу буровъ, пламенное свободолюбіе которыхъ достаточно дорого обошлось Великобританіи.

Добавлю, что «побѣда» была, повидимому, далеко не полной. Не берусь сказать, какова теперь жизнь Натальскихъ индусовъ. Послѣ побѣды, Ганди вернулся въ Индію; съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Однако, въ своей послѣдней книгѣ махатма вскользь, очень кратко, замѣчаетъ, что положеніе индусовъ въ Африкѣ въ послѣдніе годы опять стало хуже. Ганди довольно глухо объясняетъ это ухудшеніе тѣмъ, что среди самихъ африканскихъ индусовъ очень ослабѣла Сатіаграха. Не знаю, что именно это значитъ. Но, повидимому, по ученію махатмы, для сохраненія элементарныхъ человѣческихъ правъ, въ Африкѣ нужна весь-

ма большая и постоянная доля общенародной святости. Какъ хорошо, что въ Европѣ требованія не такъ высоки!

IV.

Тѣмъ временемъ создавалась легенда. Въ Индію давно проникъ слухъ о томъ, что появился человѣкъ (человѣкъ ли?), ведущій святую жизнь и защищающій отъ угнетателей бѣдный индусскій народъ. Легенда крѣпла съ каждымъ днемъ. Ростъ ея мнѣ непонятенъ, и я, конечно, не берусь сдѣлать его понятнымъ читателямъ. Дѣло происходитъ въ таинственной странѣ, въ странѣ чудесъ. Скажу только, что чудеса начинаютъ приписывать и самому Ганди: онъ исцѣляетъ больныхъ и воскрешаетъ мертвыхъ. По религіозному ученію индусовъ, Вишну, высшее божество Вселенной наряду съ Брамой и Сивой, нѣсколько разъ воплощался на землѣ, — въ видѣ рыбы, черепахи, кабана, льва, карлика, героя, Будды, бога Кришну. Вѣрующіе индусы ждутъ новаго земного воплощенія Вишну.

Гдѣ появились впервые картины, изображающія Ганди въ видѣ бога? Я этого не знаю. Забѣгая нѣсколько впередъ, скажу, что лѣтъ десять тому назадъ культъ Ганди въ странѣ съ шестой частью населенія всего міра достигъ высшаго предѣла. Въ ту пору жизнь индусовъ была особенно тяжела, и сотнями

милліоновъ людей точно овладѣло изступленіе. «Въ декабрѣ 1921 года» — говоритъ біографъ, — «Національный Конгрессъ всей Индіи далъ Ганди полную власть, передалъ ему свои права съ правомъ назначить себѣ и преемника. Ганди становится безспорнымъ властелиномъ индусскаго народа. Онъ можетъ вызвать политическую революцію. Онъ можетъ, если захочетъ, осуществить религіозную реформу».

Индусская интеллигенція не считала Ганди богомъ; но и она отдавала должное его святой жизни, его беззавѣтной энергіи и исключительнымъ качествамъ, которыя, конечно, и споровъ вызывать не могутъ. Въ 1922 году на свиданіе съ Ганди въ Ашрамъ прибылъ самъ Рабиндранатъ Тагоръ. Онъ не раздѣлялъ взглядовъ новаго пророка, однако, относился къ нему съ чрезвычайнымъ почтеніемъ.

Въ древней книгѣ Упанишадъ есть стихъ о высшемъ свѣтломъ существѣ, разумъ и сердце котораго — драгоцѣнный даръ людямъ. Имя этому существу Махатма (Великая Душа). Въ Индіи повидимому, любятъ прозвища, — Рабиндранатъ Тагоръ, напримѣръ, носитъ имя Гурудева («почтенный учитель»). Увидѣвъ Ганди, знаменитый поэтъ восторженно произнесъ упомянутый выше стихъ изъ Упанишадъ. Слово мгновенно распространилось по Индіи, оттуда, позднѣе, по всему міру.

Мистера Ганди больше не было.

Былъ Махатма.

V.

Дѣятельность Ганди въ Индіи свелась, главнымъ образомъ, къ борьбѣ съ англійскимъ правительствомъ за «Swaraj» (самоуправленіе). Необыкновенно популярная историческая формула «Сваракджа» гораздо короче, чѣмъ, напримѣръ, «Учредительное Собраніе на основѣ всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права»; зато она и значительно менѣе опредѣленна. Одни понимали подъ Свараджемъ широкую автономію Индіи, другіе — права доминіона, третьи — полное отдѣленіе отъ британской имперіи (англичане же находятъ, что Индія, собственно, уже имѣетъ свараджъ). Можетъ быть, именно вслѣдствіе своей неопредѣленности слово и сдѣлало блестящую карьеру. На немъ сходились всѣ индусскія партіи. Споръ между ними шелъ преимущественно о способахъ борьбы за освобожденіе.

И споръ, и борьба начались довольно давно. Міровая война чрезвычайно все осложнила. Среди индусской интеллигенціи мнѣнія раздѣлились, но отнюдь не по циммервальдской линіи. На томъ, что воевать Индіи надо, сходились люди разнаго образа мыслей. Вопросъ былъ: съ кѣмъ воевать? (такъ, приблизительно, вопросъ ставился еще въ Польшѣ и въ Ирландіи). Въ Индіи часть интеллигенціи разрѣшила вопросъ немедленно и традиціонно: разумѣется, воевать надо съ Англіей, — болѣе благопріятнаго времени для этого быть не можетъ. И въ самомъ дѣлѣ императоръ Вильгельмъ

сталъ въ 1914 году ярымъ свараджистомъ; германскій генеральный штабъ предлагалъ всяческую помощь индусскимъ революціонерамъ.

Однако, громадное большинство индусовъ признало, что воевать нужно съ нѣмцами. Послѣ сокрушенія германскаго милитаризма начнется новая эра свободы для всѣхъ народовъ міра. Поэтому надо забыть счеты съ британскимъ правительствомъ. Свараджъ будетъ добытъ вмѣстѣ съ общимъ благоденствіемъ человѣчества въ Берлинѣ (по болѣе кровожадной формулѣ: «на развалинахъ Берлина»). Хитрые индусскіе политики, однако, требовали гарантій: «нужно, чтобъ британское правительство обѣщало», и т. д.

Британское правительство обѣщало. Оно вообще не скупилось на обѣщанія во время міровой войны (какъ, впрочемъ, и другія правительства). Оно обѣщало Россіи Константинополь, мусульманамъ — полную неприкосновенность халифата, сіонистамъ — еврейскій національный домъ въ Палестинѣ, и многимъ другимъ многое другое. Въ Индіи, наряду съ физически слабыми, почти небоеспособными народами, есть племена, представляющія собой превосходный боевой матеріалъ: сикхи, напримѣръ, по общему отзыву спеціалистовъ, принадлежатъ къ лучшимъ солдатамъ міра (ихъ на западномъ фронтѣ посылали туда, гдѣ появлялась прусская гвардія).

Въ мартѣ 1918 года Людендорфъ прорвалъ англійскій фронтъ у Арраса. 2-го апрѣля Ллойдъ-Джорджъ опубликовалъ «Воззваніе къ индусскому народу». Воззваніе было столь же неопредѣленное, сколь

горячее; индусская конференція въ Дели истолковала его такъ: «дайте солдатъ и получите независимость». Правда, «дайте солдатъ» — это было настоящее время, а «получите независимость» — будущее. Но Индія съ энтузіазмомъ отвѣтила на воззваніе новымъ массовымъ наборомъ добровольцевъ. Въ общей сложности, она послала на западный фронтъ восемьсотъ тысячъ солдатъ [1]) (не считая четырехсотъ тысячъ военныхъ рабочихъ), и это обошлось ей въ сто пятьдесятъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Душою этого дѣла былъ Ганди. Война вспыхнула какъ разъ тогда, когда онъ прибылъ въ Англію послѣ своей побѣды въ Южной Африкѣ. Онъ убѣдилъ жившихъ въ Лондонѣ индусовъ въ томъ, что долгъ предписываетъ имъ принять участіе въ войнѣ на сторонѣ англичанъ, и самъ сталъ во главѣ вспомогательнаго санитарнаго отряда, — впрочемъ, тяжелая болѣзнь заставила его вернуться въ Индію уже въ декабрѣ 1914 года. Нѣсколько позднѣе у него возникли политическія сомнѣнія: газеты сообщили, что между Англіей и Италіей заключенъ тайный договоръ. Это очень огорчило Ганди: если договоръ тайный, то, можетъ быть, въ немъ есть что-либо дурное или своекорыстное? Онъ подѣлился своими мнѣніями съ вице-королемъ Индіи. Вице-король совершенно его успокоилъ.

Можно, конечно, и по сей день спорить, какая тактика въ ту пору войны наиболѣе соотвѣтствовала ин-

---

[1]) Sir Thomas W. Holderness. India's arduos Journey, p. 315. — По индусскимъ источникамъ, число солдатъ, отправленныхъ Индіей въ Европу, было еще больше: 985 тысячъ.

тересамъ индусскаго народа. Съ общей, европейской и мiровой точки зрѣнiя правильной была союзная орiентацiя. Пожалуй, она была правильной и съ частной индусской точки зрѣнiя, — хотя бы ужъ потому, что ея противники, какъ Пилсудскiй, «поставили на проигравшую лошадь». Но во всякомъ случаѣ съ точки зрѣнiя самого Ганди и его религiозно-философскаго ученiя, все, что онъ дѣлалъ въ пору мiровой войны, было чистѣйшей безсмыслицей или даже нѣкоторымъ подобiемъ интеллектуальнаго самоубiйства. Непротивленiе злу насилiемъ не слишкомъ примѣнялось въ Европѣ въ 1914 — 18 гг. Вообще Сатiаграха тутъ была совершенно ни при чемъ.

Впослѣдствiи Ганди объяснялъ свои дѣйствiя тѣмъ, что онъ въ ту пору себя чувствовалъ гражданиномъ Великобританiи. Позднѣе, по его словамъ, онъ увидѣлъ, что ошибся: индусы не граждане, а парiи Британской Имперiи. «Мои глаза открылись», — писалъ Ганди черезъ три года послѣ окончанiя войны и послѣ того, какъ англiйское правительство разъяснило, что Индiя, собственно, уже имѣетъ Сваранджъ, и что, къ сожалѣнiю, по разнымъ обстоятельствамъ, ничего больше сдѣлать въ настоящее время нельзя [1].

Теперь это у Ганди больное мѣсто, въ которое неизмѣнно тычутъ его враги. Они находятъ, что глаза махатмы открылись нѣсколько позднѣе, чѣмъ можно было бы желать. — «Зачѣмъ мы вообще сунулись

[1]) Черчилль еще недавно сказалъ, что Англiя обѣщала Индiи не права доминiона, а только одинаковый съ доминiонами почетъ.

въ міровую войну? — спрашиваютъ враги Ганди. — Намъ ее истолковала по своему нація, не пользующаяся репутаціей большой прямоты и искренности, и мы сдуру приняли англійскую версію войны. Мы пошли воевать съ нѣмцами, которые намъ никакого зла не сдѣлали, — пошли выручать англичанъ, отъ которыхъ никогда не видѣли ничего, кромѣ зла».

Противники Ганди указывали и на то, что опытъ міровой войны былъ въ его дѣятельности не первымъ: въ пору трансваальской войны онъ также стоялъ за англичанъ, хотя признавалъ, что право на сторонѣ буровъ. По мнѣнію Ганди, индусовъ одинаково угнетали и буры, и англичане; однако, индусы должны были предварительно попытаться убѣдить Англію, что ей не слѣдуетъ воевать съ бурами; а такъ какъ они этого не сдѣлали, то, какъ граждане британской имперіи, они обязаны, и т. д. Были у него и другіе доводы, — я привожу наиболѣе характерный. И тогда, какъ теперь, политическая діалектика Ганди у европейцевъ должна была вызывать нѣкоторое чувство неловкости, — за себя или за него, это ужъ каждый рѣшитъ по своему.

Впрочемъ, ссылка враговъ на то, что Ганди обманывали и прежде, его никакъ смутить не могла бы: онъ самъ писалъ, что сторонникъ Сатіаграхи долженъ и въ двадцать первый разъ повѣрить человѣку, обманувшему его двадцать разъ. Будемъ надѣяться, что ужъ въ 22-й разъ махатму не обманутъ, — если вообще здѣсь можно говорить объ обманѣ. Какъ бы то ни было, споръ индусовъ о прошлогодней оріен-

таціи насъ вообще мало интересуетъ. Важнѣе морально-философская драма самого Ганди. Ошибся ли онъ въ оріентаціи или не ошибся, — куда же дѣвалась Сатіаграха?

VI.

Зато Сатіаграха примѣнялась послѣ войны въ борьбѣ съ англійскимъ правительствомъ за Свараджъ. Разсказывать исторію этой борьбы не стоитъ, — она ничѣмъ не отличалась отъ борьбы съ бурами. Сказка про бѣлаго бычка, развязки которой мы и по сей день не знаемъ. Непротивленіе злу насиліемъ, неучастіе въ злѣ... Неучастіе въ злѣ шло такъ далеко, что, по наставленію Ганди, индусы взяли своихъ дѣтей изъ англійскихъ школъ. Противъ этого рѣшительно высказался Рабиндранатъ Тагоръ. Онъ не безъ основанія говорилъ, что, если хорошей индусской школы нѣтъ, то нельзя отказываться отъ англійской. На это Ганди отвѣчалъ критикой англійскаго воспитанія и европейской культуры вообще.

Изъ проповѣди неучастія въ злѣ выросла идея бойкота британскихъ товаровъ. Появилась знаменитая прялка, Ганди рекомендовалъ заняться пряжей всѣмъ индусамъ. Этотъ совѣтъ онъ далъ проституткамъ, на митингѣ которыхъ, не безъ театральности, появился въ 1921 г., — идея не блистала оригинальностью: у насъ въ свое время, если не въ жизни, то въ повѣ-

стяхъ съ честнымъ направленіемъ, студенты покупали для «падшихъ созданій» швейныя машины. И то же самое Ганди предписалъ Рабиндранату Тагору: «Всѣ должны прясть. Пусть займется пряжей и Тагоръ! Таковъ долгъ этого дня, а о завтрашнемъ подумаетъ Господь Богъ».

Все это было элементарно, — конечно, превышало средній уровень европейской политической элементарности. Было бы безполезно спрашивать Ганди объ его отношеніи къ республикѣ, къ монархіи, къ диктатурѣ, къ соціализму. О большевикахъ онъ въ свое время высказывался рѣзко-отрицательно. Въ послѣднее время — быть можетъ, подъ вліяніемъ Ром. Роллана — онъ сталъ сдержаннѣе и въ оцѣнкѣ большевиковъ. По крайней мѣрѣ, въ Парижѣ онъ уклонился отъ отвѣта на вопросъ о своемъ отношеніи къ совѣтскому строю, сославшись на незнакомство съ предметомъ. Вѣроятно, онъ все-таки кое-что о совѣтскомъ строѣ слышалъ? Въ крайнемъ случаѣ, онъ могъ намъ посовѣтовать бороться съ большевиками посредствомъ Сатіаграхи, и мы его поблагодарили бы за этотъ цѣнный совѣтъ.

Впрочемъ, результаты проповѣди Ганди были довольно неожиданные. Такъ, напримѣръ, въ Индіи англичане могли бы философски относиться къ Сатіаграхѣ, если-бъ гандисты ее выполняли совершенно точно. «Неучастіе въ злѣ» имѣетъ непріятныя стороны: въ нетребовательной странѣ, какъ Индія, прялка серьезно конкуррируетъ съ Манчестеромъ. Но энтузіазмъ прялки можетъ пройти, Манчестеръ можетъ приспособиться. А противъ «непротивленія злу насиліемъ» англичане,

навѣрное, ничего не имѣютъ. Бенгальскіе террористы безпокоятъ ихъ гораздо больше. Однако, не всѣ индусы понимали Ганди правильно. Онъ ѣздилъ по Индіи, — то въ поѣздѣ, то въ телѣжкѣ, то верхомъ на слонѣ, — собиралъ народъ и говорилъ рѣчи. Въ этихъ рѣчахъ махатма объяснялъ индусамъ, сколь гадокъ англійскій «сатана», — а затѣмъ призывалъ ихъ относиться къ сатанѣ любовно, какъ къ заблуждающемуся брату. Но вторая часть завѣта Ганди имѣла гораздо меньше успѣха, чѣмъ первая. Онъ самъ говоритъ, что ему «было трудно заинтересовать народъ мирной стороной Сатіаграхи». Изъ проповѣди «непротивленія» выростало «противленіе». Махатма въ своихъ рѣчахъ горячо осуждалъ индусскихъ террористовъ, — а ихъ число отъ его рѣчей увеличивалось не по днямъ, а по часамъ. Въ Пидхуни, въ Ахмедабадѣ результаты проповѣди непротивленія были таковы, что самъ Ганди пришелъ въ ужасъ и, со свойственной ему добросовѣстностью, признался въ своей «гималайской ошибкѣ» («гималайской» — по размѣру): его слушатели были недостаточно подготовлены къ Сатіаграхѣ.

Никто не можетъ требовать отъ англичанъ, чтобы они ради Сатіаграхи развалили британскую имперію. По всей вѣроятности, они правы и въ томъ, что, въ случаѣ ихъ ухода, въ Индіи наступитъ полный хаосъ. Со всѣми своими тяжкими недостатками, вѣковая англійская политика выполняетъ ту же цивилизаторскую миссію въ южной Азіи, какую вѣковая русская политика выполняла въ сѣверной. Было бы, конечно, гораздо лучше, если-бъ въ колоніальной дѣятельности

англичанъ понятіе высшей расы смѣнилось понятіемъ высшей цивилизаціи, — въ этомъ они могли бы послѣдовать примѣру французовъ. Во Франціи назначеніе негра министромъ ни у кого особеннаго интереса не вызвало, и случилось оно при самомъ «буржуазномъ» кабинетѣ, — въ Англіи ни Макдональдъ, ни Гендерсонъ негра никогда въ кабинетъ не пригласили бы. Въ частности по отношенію къ Ганди, политика британскаго правительства не отличалась большой выдержанностью: его приглашали то во дворецъ, то въ тюрьму.

Въ февралѣ 1922 года махатма напечаталъ статью, въ которой говорилъ о «кровавыхъ когтяхъ» англичанъ: «Британская имперія, покоящаяся на организованной эксплоатаціи физически-слабѣйшихъ народовъ земли и на условномъ демонстрированіи грубой силы, не можетъ существовать, если только міромъ правитъ справедливый Творецъ». Такъ писалъ Ганди. Правда, статья его заканчивалась очередной мольбой о томъ, чтобы Провидѣніе удержало индусовъ отъ насильственныхъ дѣйствій противъ англичанъ. Однако, англійскія власти не вытерпѣли и арестовали махатму. Онъ былъ преданъ суду по обвиненію въ «возбужденіи въ индусскомъ народѣ ненависти и презрѣнія къ законному правительству Его Величества».

Судъ надъ Ганди былъ довольно своеобразный. Отъ защитника онъ отказался, изложилъ въ своей рѣчи идеи Сатіаграхи, подтвердилъ свою полную вѣрность имъ и требовалъ для себя высшаго наказанія. Однако, судья Брумсфильдъ не счелъ возможнымъ

согласиться съ подсудимымъ. — «Я не могу дѣлать видъ», — сказалъ судья, — «будто я не знаю, что въ глазахъ милліоновъ людей вы великій вождь и великій патріотъ. Даже люди, расходящіеся съ вами во взглядахъ, видятъ въ васъ человѣка высокаго идеала, благородной и даже святой жизни». Разсыпался въ похвалахъ Ганди и прокуроръ. «Что вы скажете», — спросилъ въ заключеніе судья, — «если я приговорю васъ къ шести годамъ тюрьмы? Не будете ли вы считать, что это неразумно?» Ганди, дѣйствительно, находилъ, что это неразумно: онъ требовалъ больше. Оригинальный процессъ тѣмъ и кончился. При выходѣ изъ зданія суда къ ногамъ махатмы повалилась толпа индусовъ. Они искали его взгляда, — это называется «даршанъ».

Потомъ его выпустили на свободу. Потомъ... Впрочемъ, больше ничего важнаго съ той поры и не было[1]. Индусскій возъ стоитъ на томъ же мѣстѣ. Махатма Ганди требуетъ Сваражда, британское правительство отвѣчаетъ, что Индія, собственно, уже имѣетъ Свараджъ. Эти переговоры могутъ еще продолжаться довольно долго. Приходъ къ власти въ Англіи перваго соціалистическаго кабинета чрезвычайно обрадовалъ индусовъ. Приходъ къ власти второго соціалистическаго кабинета тоже ихъ обрадовалъ, но, вѣроятно, нѣсколько меньше: Макдональдъ твердо обѣщаетъ Индіи Свараджъ — всякій разъ какъ оказывается въ оппозиціи. Такъ, 24 мая 1928 года онъ

[1]) Въ настоящее время, какъ извѣстно, Ганди находится въ тюрьмѣ.

заявилъ, что предоставленіе Индіи правъ доминіона будетъ «однимъ изъ первыхъ дѣлъ рабочаго правительства» [1]). Нѣсколько раньше Макдональдъ, должно быть сгоряча, обѣщалъ Индіи даже независимость[2]). Теперь онъ, повидимому, находитъ, что Индія, собственно, уже имѣетъ Свараджъ.

Однако, строго осуждать британское правительство отнюдь не приходится, и нужно признать, что въ самое послѣднее время его моральное положеніе въ индійскомъ вопросѣ стало гораздо лучше: на Конференціи Круглаго Стола Ганди не удалось добиться соглашенія ни съ мусульманами, ни съ нечистыми. Махатма какъ-то сказалъ, что въ будущей жизни онъ хотѣлъ бы родиться паріемъ. Но въ этой жизни онъ съ паріями такъ и не сговорился. За политико-юридическимъ споромъ, конечно, крылся тотъ же индійскій діалогъ: — «А согласился ли бы махатма за однимъ столомъ обѣдать съ нечистыми?.. — «Зачѣмъ же непремѣнно обѣдать за однимъ столомъ?...» Надо, впрочемъ, думать, что препятствовалъ соглашенію не самъ Ганди. За нимъ народныя массы, и ему надо считаться съ предразсудками народныхъ массъ[3]). Эта Конференція Круглаго Стола, съ ея за-

[1]) I. T. Sunderland. India in Bondage, p. 481.

[2]) Daily Herald, 17 октября 1927 г.

[3]) Разобраться въ кастовыхъ отношеніяхъ Индіи нѣтъ никакой возможности. Достаточно сказать, что есть могущественные князья, принадлежащіе къ низшимъ кастамъ (разумѣется, не къ нечистымъ). Такъ, напримѣръ, самъ магараджа Бародскій принадлежитъ къ послѣдней изъ четырехъ главныхъ кастъ. Онъ — «судра», — вотъ какъ если бы въ Россіи царь былъ по сословію мѣщаниномъ или купцомъ второй гильдіи.

кулисными переговорами и нескончаемыми діалогами, съ гнѣвными ультиматумами и «послѣдними сроками», порою принимала комическій характеръ. Во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что мусульмане и паріи искали у британскаго правительства защиты отъ «господствующей національности», представленной въ лицѣ Ганди, не могло способствовать престижу махатмы. Высокая политика, — «совсѣмъ, какъ въ Версалѣ», — ему явно не удается.

VII.

Небольшой домъ-особнякъ на улицѣ Найтсбриджъ. Этотъ домъ почитатели сняли для махатмы на время его пребыванія въ Лондонѣ. Мы входимъ. Средній англійскій hall, — относительный комфортъ безъ особыхъ претензій на роскошь. Каминъ, кожаныя кресла, на стѣнахъ портреты старыхъ англичанъ. Индусская барышня стучитъ на машинкѣ за маленькимъ столомъ. Индусскіе секретари шепчутся, безпокойно оглядываясь по сторонамъ. Здѣсь же сынъ Ганди, молодой человѣкъ болѣзненнаго вида. Всѣ индусы въ національныхъ костюмахъ, — у гвардіи махатмы какъ бы свой мундиръ. Рѣзко выдѣляется среди нихъ плотный крѣпкій человѣкъ весьма англійскаго вида. Онъ развалился въ креслѣ у камина и скучающимъ взглядомъ окидываетъ вновь входящихъ людей. Видъ у него отрѣшенный отъ міра: и люди въ холлѣ, да и все вообще

на землѣ, ему совершенно чуждо. Это приставленный къ Ганди видный сыщикъ Скотландъ-Ярда. Его оффиціальное назначеніе — охранять махатму отъ враговъ. Не поручусь, конечно, что онъ не интересуется и нѣкоторыми друзьями махатмы. Можетъ быть, начальству интересно, — какіе люди ходятъ къ дорогому индусскому гостю.

Къ американскому журналисту выходитъ красивая дама въ индусскомъ нарядѣ, — развѣ только опытный человѣкъ съ перваго взгляда сказалъ бы, что она англичанка: у нея и цвѣтъ лица почти такой же, какъ у находящихся въ холлѣ индусовъ. Это знаменитая миссъ Слэдъ.

Американскій журналистъ меня представляетъ. Миссъ Слэдъ очень любезна. Проситъ извинить, что вышла въ такомъ костюмѣ. Этого я не понялъ, но потомъ мнѣ объяснилъ бывшій съ нами англійскій писатель: индусская форма миссъ Слэдъ была, въ виду утренняго часа, не полная, — чего-то индусскаго на ней не хватало.

... — Къ сожалѣнію, это совершенно невозможно. Махатмаджи сейчасъ уѣзжаетъ, сію минуту. Ровно въ одиннадцать часовъ махатмаджи долженъ быть...

Миссъ Слэдъ называетъ мѣсто, гдѣ долженъ быть въ одиннадцать махатмаджи. Что такое махатмаджи? Оказывается, приставка джи въ концѣ слова выражаетъ особую нѣжность. Такъ какъ прозвище «махатма» означаетъ: «великая душа», то «махатмаджи», очевидно, нужно переводить «дорогая великая душа», «великая душенька» или какъ-нибудь въ этомъ родѣ (въ

ближайшемъ окруженіи Ганди называютъ «Вари» — «отецъ»).

— Но я васъ представлю здѣсь при выходѣ, — утѣшаетъ меня миссъ Слэдъ. — Махатма сейчасъ пройдетъ...

Миссъ Слэдъ поднимается по лѣсенкѣ въ кабинетъ Ганди... Какая тема эта женщина одновременно для Толстого и для Вербицкой, для Достоевскаго и для Колеттъ Иверъ! Миссъ Слэдъ — дочь англійскаго адмирала; она принадлежала къ высшему англійскому обществу и въ ранней молодости, по классическому выраженію, «вела свѣтскій, разсѣянный образъ жизни». Какъ-то ночью, вернувшись домой съ бала, миссъ Слэдъ что-то прочла о Ганди. Это ее потрясло. Она рѣшила посвятить всю жизнь служенію махатмѣ и его дѣлу. Несмотря на уговоры самого Ганди, миссъ Слэдъ бросила семью и родину, опростилась, теперь считаетъ себя индуской и обижается, если ей напоминаютъ объ ея англійскомъ происхожденіи. Отъ палящаго индійскаго зноя ея лицо стало бронзовымъ, и, по словамъ одного изъ писавшихъ о ней англичанъ, «выдаетъ ее только говоръ, тотчасъ безошибочно признаваемый говоръ правящихъ классовъ Англіи», — отъ меня ускользаютъ эти оттѣнки англійской рѣчи и акцента.

Въ передней дома волненіе. Выходныя двери раскрываются настежь. Къ нимъ подкатываетъ автомобиль. Съ озабоченнымъ видомъ пробѣгаетъ нѣсколько человѣкъ индусовъ. Секретарь внизу встаетъ. Медленно, лѣниво поднимается съ кресла сыщикъ.

Въ холлъ вбѣгаетъ старый человѣкъ; на немъ нѣтъ ничего, кромѣ набедренной повязки. Надо ли описывать его наружность и костюмъ? Внѣшность Ганди извѣстна теперь каждому, какъ извѣстны всему міру[1]) физіономія и шляпа Шарло. Больше всего поражаетъ необычайная худоба махатмы[2]). Его ноги — двѣ спички, воткнутыя въ сандаліи. Первое впечатлѣніе, какъ такой человѣкъ можетъ жить? А второе — необыкновенная подвижность этого неестественно худого, слабаго человѣка.

Я представлялъ себѣ махатму сидящимъ въ своей келіи съ поджатыми ногами на цыновкѣ. Такимъ, дѣйствительно, я его позднѣе и увидѣлъ въ Парижѣ, — только вмѣсто цыновки была кафедра, а вмѣсто келіи «Мажикъ-Сити». Но здѣсь, у себя дома, онъ былъ весь въ движеніи. Ганди не вошелъ, а именно вбѣжалъ въ переднюю, смѣясь и что-то повторяя на бѣгу. Темные непроницаемые глаза бѣгали за огромными стеклами очковъ. Болтались часы, — тоже диковинка при столь диковинномъ костюмѣ. Онъ носитъ этотъ ко-

---

[1]) За исключеніемъ самого Ганди. Чаплинъ посѣтилъ его въ Лондонѣ, и при ихъ свиданіи выяснилось, что махатма никогда въ кинематографѣ не былъ.

[2]) Ганди вѣситъ сорокъ пять килограммовъ, — результатъ питанія лимонами и козьимъ молокомъ. Онъ вдобавокъ разъ въ недѣлю не ѣстъ ничего, а не такъ давно, постился двадцать одинъ день для того, чтобы примирить индусовъ съ магометанами. Таково его правило: передъ серьезными дѣлами серьезный постъ. Въ свое время, услышавъ о 14 пунктахъ Вильсона, махатма спросилъ американскхъ журналистовъ, сколько времени постился президентъ передъ выработкой каждаго изъ этихъ пунктовъ. Не знаю, могли ли американскіе журналисты дать ему надежныя завѣренія относительно постовъ Вудро Вильсона.

стюмъ для того, чтобы слиться съ индусскимъ народомъ. Но индусскій народъ живетъ подъ тропическимъ солнцемъ, а здѣсь Лондонъ, холодное осеннее утро, двери холла открыты настежь.

Махатма останавливается на бѣгу передъ американскимъ журналистомъ. Онъ трясется отъ холода и, видимо, съ трудомъ сдерживаетъ смѣхъ. Почему онъ смѣется? За нимъ идетъ его Эккерманъ — Эндрьюсъ, бывшій англійскій пасторъ, такъ же, какъ и миссъ Слэдъ, посвятившій свою жизнь Ганди[1]). Едва ли этотъ человѣкъ, очень мало похожій на весельчака, такъ разсмѣшилъ махатму?

Не могу разсказать ничего поучительнаго о своей бесѣдѣ съ Ганди. Онъ произнесъ нѣсколько словъ, все такъ же трясясь отъ холода и сдерживая душившій его смѣхъ. Но, по совѣсти, я не слишкомъ сожалѣю о томъ, что не имѣлъ съ нимъ разговора. Общія мѣста, которыя могъ бы сказать Ганди о Сварадж̌ѣ или о Сатіаграхѣ, ничего не добавили бы къ его книгамъ и весьма мало меня интересуютъ. Мѣсяцемъ позднѣе въ Парижѣ онъ прочелъ цѣлую лекцію и затѣмъ долго отвѣчалъ на вопросы, — любой второсортный толстовецъ могъ сказать то, что говорилъ махатма. А вотъ увидѣть его вблизи было интересно. Нѣтъ, на аскетовъ-отшельниковъ Риберы онъ не похожъ нисколько.

---

[1]) У махатмы есть горячіе поклонники и среди англичанъ, чуждыхъ ему по взглядамъ. Такъ въ ту пору, когда онъ лежалъ въ Іеравадской больницѣ, туда ежедневно приходилъ старый англійскій офицеръ: справлялся о состояніи больного и оставлялъ всякій разъ букетъ цвѣтовъ.

Онъ еще разъ пожимаетъ руку и, ежась и вздрагивая, бѣжитъ къ выходу. На улицѣ одни индусы быстро закутываютъ его въ бѣлый «хаддаръ», тоже нынѣ извѣстный всему свѣту; другіе почтительно усаживаютъ махатму въ автомобиль. За Ганди садится мрачный Эндрьюсъ. Рядомъ съ шофферомъ уже сидитъ отрѣшившійся отъ міра сыщикъ. На улицѣ выростаютъ въ довольно большомъ числѣ гиганты-городовые, — гдѣ же они были до того? Вокругъ подъѣзда мгновенно собирается толпа. Автомобиль отъѣзжаетъ. Старикъ въ бѣлой мантіи что-то говоритъ Эндрьюсу, оживленно жестикулируя и смѣясь, все смѣясь... Отчего такъ весело этому необыкновенному человѣку? Или въ самомъ дѣлѣ онъ счастливъ, несмотря на свою каторжную жизнь?

VIII.

Ганди, конечно, исключительное явленіе. Его высокія нравственныя качества, рѣдкая сила воли, совершенное безкорыстіе (во всѣхъ смыслахъ этого слова), беззавѣтная преданность индусскому дѣлу никакихъ сомнѣній вызывать не могутъ. Трудно было бы отрицать и умственныя качества махатмы: безъ нихъ онъ, вѣроятно, не могъ бы въ теченіе десятилѣтій сохранять то положеніе, которое онъ пріобрѣлъ у себя на родинѣ. Со всѣмъ тѣмъ, умственный кругозоръ Ганди чуждъ и непонятенъ громадному большинству совре-

менныхъ людей. Въ своихъ политическихъ книгахъ онъ разсказываетъ, что его и по сей день волнуютъ безысходныя мысли: напримѣръ, можно ли ему пить козье молоко? — «Я постоянно себя спрашиваю, когда же я откажусь отъ молока», — пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ. — «Все не могу отказаться отъ этого соблазна»... Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ганди согрѣшилъ еще хуже: жена соблазнила его необыкновеннымъ лакомствомъ, — приготовила для него овсяную настойку на прованскомъ маслѣ. Онъ съѣлъ это дивное блюдо, «чтобы сдѣлать удовольствіе женѣ и насладиться». — «Однако, дьяволъ только этого и ждалъ»: за грѣхъ чревоугодія махатму постигла тяжкая болѣзнь, — «я отказался отъ всякаго леченія, желая искупить свое безумство». Въ пору выздоровленія индусскій врачъ убѣждалъ Ганди питаться сырыми яйцами, но объ этомъ махатма не хотѣлъ и слышать, хотя ему обѣщали достать на рынкѣ «неоплодотворенныя яйца»[1]). У него образовался аппендицитъ, и пришлось сдѣлать операцію. Это было еще худшимъ грѣхомъ. У Ганди среди старыхъ индусовъ есть и такіе друзья, которые, повидимому, считаютъ его сибаритомъ и прожигателемъ жизни. По крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, старикъ-браманъ (его самъ Эндрьюсъ называетъ аскетомъ) прислалъ Ганди гнѣвное письмо: вмѣсто того,

[1]) Добавлю, что такъ же онъ относится и къ своей семьѣ. Во время тяжелой болѣзни своей жены Ганди рѣшительно отклонилъ требованія врача, настаивавшаго на томъ, чтобы больная питалась мяснымъ бульономъ. Онъ заявилъ, что предпочитаетъ смерть жены такому грѣху. Госпожа Ганди совершенно съ нимъ согласилась: «Лучше умру, чѣмъ оскверню свое тѣло такимъ ужасомъ», — сказала она.

чтобы рѣшиться на грѣхъ операціи, махатма могъ бы удалиться въ какую-либо уединенную пещеру и тамъ силой духа преодолѣть слабость тѣла. Ганди и самъ соглашался со старикомъ, что такъ было бы гораздо лучше. — «Да, я виноватъ», — писалъ онъ въ отвѣтъ браману, — «но, къ несчастью для меня, я далекъ отъ совершенства... Признаю, что мое согласіе на операцію было душевной слабостью».

Безполезно долго останавливаться на этой темѣ. Все мышленіе Ганди элементарно и гиперболично, — вотъ ужъ истинно «гималайское» мышленіе. Онъ съ восторгомъ цитируетъ изреченіе санскритской книги, изъ котораго можно сдѣлать выводъ, что отъ «чревоугодія» до потери разсудка и до всевозможныхъ ужасовъ только одинъ шагъ. Не скрываю, такія страницы нѣсколько раздражаютъ, — въ особенности потому, что обо всемъ этомъ разсказывается такъ обстоятельно и длинно: какое намъ дѣло до внутренней борьбы махатмы съ соблазнами молока и овсяной настойки на прованскомъ маслѣ?

Трагедія же этого человѣка въ томъ, что онъ сталъ заниматься политикой. Ни его характеръ, ни взгляды, ни способы дѣйствій не были для нея предназначены ни въ какой мѣрѣ. Надо ли говорить, что въ единоборствѣ съ Ллойдъ-Джорджемъ или даже съ Макдональдомъ Ганди имѣлъ мало шансовъ на успѣхъ? Его восторженный біографъ Ромэнъ Ролланъ оскорбилъ махатму сравненіемъ съ Ленинымъ: «для Ганди, какъ для Ленина, какъ для любой высокой души (ихъ вѣдь немного), я это ты». Ленинъ сюда приплетенъ явно

для красоты слога, — на это и отвѣчать нечего. Но къ Ганди слова «высокая душа», конечно, могутъ быть отнесены съ полнымъ правомъ. Махатма самъ сказалъ, что его цѣлью въ жизни является «Мокша», — «себя свести къ нулю и взглянуть въ лицо Господу». Какъ перевести на политическій языкъ эти слова? Какъ подвести итогъ политической дѣятельности Ганди? Вѣдь тѣ скромныя завоеванія, которыя связываются съ его именемъ, сдѣланы либо другими вопреки ему, либо имъ самимъ вопреки Сатіаграхѣ. Первый въ исторіи опытъ приложенія толстовства къ политикѣ оказался полной неудачей, — таковъ соціально-философскій результатъ гандизма. Правда, создалась легенда. Думаю, однако, что и она идетъ къ концу: никакая легенда не выдержитъ двухъ-трехъ Конференцій Круглаго Стола.

ДЕ ВАЛЕРА

I.

Настоящую статью слѣдовало бы назвать иначе: де-Валера лишь третье дѣйствіе драмы — одной изъ самыхъ мрачныхъ и кровавыхъ драмъ послѣдняго времени. Въ ней многое непонятно и почти все ирраціонально. Если что показываетъ наглядно, какъ мало мѣста занимаетъ разумъ въ политической дѣятельности людей, то пожалуй, скорѣе всего исторія партіи «Шинъ-фэнъ»[1].

Эта трагическая партія густо залита кровью своихъ враговъ и сторонниковъ. Кровь лилась во имя національной культуры, во имя самоопредѣленія народа. Будущее покажетъ историческую участь этой идеи. Объ ея внутренней цѣнности я говорить не буду, ибо нѣтъ тѣхъ аксіомъ, изъ которыхъ можно было бы тутъ исходить.

---

[1]) У насъ обычно пишутъ: «Синнъ-фейнъ». Эти слова значатъ: «мы сами».

Ирраціоналенъ самый споръ: стоило ли «возрождать» ирландскую культуру, стоило ли возвращаться къ ней людямъ, воспитавшимся на культурѣ англійской? Этотъ споръ намъ достаточно ясенъ по вопросу объ Украинѣ и Россіи. Я знаю, специалисты высоко ставятъ культуру Ирландіи, — англійская уступаетъ ей въ древности. Но всякий безпристрастный человѣкъ долженъ признать, что въ настоящее время, по сравненію съ несмѣтными богатствами англійской культуры, ирландская стоитъ недорого. Утверждать обратное могутъ лишь ирландскіе мегаломаны. Однако, само по себѣ, это обстоятельство спора не рѣшаетъ, ибо аксіомы спорящихъ разныя. «Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre» — чѣмъ не аксіома? «Шинъ-фэнъ» — «мы сами», — вотъ одинъ идеалъ. «British Commonwealth» — свободный союзъ людей разныхъ и равноправныхъ національностей, объединенныхъ сказочно-богатой культурой—другой идеалъ. «Всечеловѣкъ, гражданинъ міра» — третій идеалъ. Какъ сравнивать ихъ цѣнность? И въ логическомъ, и въ нравственномъ, и въ политическомъ смыслѣ, «всечеловѣкъ» такъ же не обязателенъ, какъ «Шинъ-фэнъ». Въ послѣднія десятилѣтія жизнь идетъ по линіи «небольшихъ стакановъ»; куда она придетъ, это другой вопросъ, и я имъ здѣсь заниматься не буду.

Въ ирландской трагедіи однако характеренъ не самый споръ, — онъ такой же, какъ въ Россіи, какъ во всѣхъ большихъ государствахъ (страны-счастливицы, почти однородныя по національному составу, какъ

Францiя, въ мiрѣ считаны). Зато особенно интересны способы разрѣшенiя этого спора въ новѣйшей ирландской исторiи. Здѣсь все смѣшалось: война, интервенцiя, революцiя, терроръ, республика, монархiя, независимость, федерацiя, — чего только не скопила жизнь, за двадцать лѣтъ, въ этой небольшой странѣ, съ населенiемъ въ пять миллiоновъ человѣкъ!

II.

Имонъ (Эдмундъ) де Валера родился въ 1882 году въ Нью-Iоркѣ. Мать его была ирландка, отецъ испанецъ (по другимъ свѣдѣнiямъ, мальтiецъ), по всей вѣроятности, еврейскаго происхожденiя. Двухъ лѣтъ отроду де Валера лишился отца. Оставшаяся безъ средствъ мать отослала ребенка въ Ирландiю, гдѣ онъ воспитывался, сначала на фермѣ у дяди, потомъ въ школѣ и въ университетѣ. У него оказались математическiя способности, и, по окончанiи университетскаго курса, онъ сталъ въ Дублинѣ не то учителемъ, не то приватъ-доцентомъ математики.

Поверхностный выводъ напрашивался самъ собой, и его, конечно, дѣлали: «Де Валера математикъ и въ политикѣ», «для де Валера жизнь есть уравненiе», «де Валера все приноситъ въ жертву своимъ политическимъ формуламъ», и т. д. Не вижу, въ чемъ сказывается непреклонно-математическiй характеръ ума и дѣятельности де Валеры. Называютъ его обычно и

идеалистомъ. Это тоже довольно условно и развѣ лишь отчасти вѣрно. Разумѣется, де Валера человѣкъ неподкупный и всю жизнь служилъ своей идеѣ. Но то же самое можно сказать о Ленинѣ. Я не очень вѣрю въ идеализмъ людей, годами жившихъ въ жаркой кровавой банѣ. Де Валера принималъ ближайшее участіе въ двухъ гражданскихъ войнахъ, былъ главнымъ руководителемъ одной изъ нихъ. Психологія ирландскихъ событій 1916-1923 года очень мало напоминала рыцарскую войну (если допустить, что рыцарская война вообще гдѣ-либо когда-либо происходила). Во всякомъ случаѣ, въ Ирландіи не было «Messieurs les Anglais, tirez les premiers» — тамъ даже и выдумать такую фразу было бы довольно трудно. Въ апрѣлѣ 1920 года, въ пору первой гражданской войны, Коллинсъ, тогда ближайшій сподвижникъ де Валеры, а впослѣдствіи смертельный врагъ, убитый другими ближайшими сподвижниками, писалъ нынѣшнему главѣ ирландскаго правительства: «Я никогда не могъ бы подумать, что на свѣтѣ есть столько подлости, безчестности, козней, посредственности и притворства».

Во всякомъ случаѣ ничто не предвѣщало бурной жизни де Валеры. Учитель гимназіи, да еще математикъ! Казалось бы, подобная карьера не ведетъ ни къ баррикадамъ, ни къ войнѣ, ни къ террору. Этотъ человѣкъ, повидимому, поздно вспомнилъ о правилѣ: «Познай самого себя». Но и правило не такое ужъ простое.

По внѣшности де Валера высокій, худой, нескладный человѣкъ съ утомленнымъ лицомъ восточнаго типа. По характеру онъ человѣкъ очень замкнутый, упрямый и мрачный. Близкіе къ нему люди какъ-то пытались вспомнить: пошутилъ ли когда-либо въ жизни «Девъ»? Оказалось, никто не могъ похвастать, что хоть разъ слышалъ какую-нибудь его шутку. По-видимому, де Валера чрезвычайно тщеславенъ. Онъ изъ тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые, вмѣсто «мы» или «наша замѣчательная партія» или «наше великое движеніе», предпочитаютъ для краткости гогорить просто «я», — разумѣется, не безъ комплиментовъ. Пріемъ не безошибочно-вѣрный, но и далеко не безнадежный: надо присматриваться къ тѣмъ, кто его пускаетъ въ ходъ. Вначалѣ люди смѣются, потомъ перестаютъ смѣяться. Изъ множества представляющихся примѣровъ вспомнимъ хотя бы Гитлера, который на этомъ построилъ свою карьеру — и чуть-чуть не попалъ изъ маляровъ въ президенты. Бернардъ Шоу въ теченіе десятилѣтій повторялъ «Шекспиръ и я», «я и Шекспиръ», — слава Богу, теперь онъ Шекспиръ. Вильгельмъ II одну изъ своихъ рѣчей началъ словами: «Всемилостивѣйшій Богъ и я» («Der gnädige Gott und ich»), — онъ вообще говорилъ о Господѣ Богѣ такъ, какъ генералъ-майоръ можетъ говорить о генералъ-лейтенантѣ, — и тоже выходило отлично въ теченіе двадцати пяти лѣтъ. — кто-жъ ему велѣлъ проиграть міровую войну?

Лѣтъ до 35 де Валера былъ весьма мало извѣстенъ у себя на родинѣ. Шинъ-фэнское движеніе бы-

ло создано другими. Главнымъ его создателемъ былъ журналистъ Гриффитъ, ставшій вождемъ партіи «Шинъ-фэнъ» (онъ же выдумалъ и самое слово) и впослѣдствіи главой ирландскаго правительства. Это былъ тоже совершенно безкорыстный человѣкъ. Ему судьба послала счастливый конецъ (особенно для ирландскаго политика): въ самый разгаръ гражданской войны, Гриффитъ за работой скоропостижно умеръ отъ разрыва сердца. Въ карманѣ у него нашли два пенса — и больше ничего: ни въ бумажникѣ, ни въ ящикахъ стола, ни въ банкахъ, нигдѣ. Это все, что оставилъ въ наслѣдство женѣ и дѣтямъ глава ирландскаго правительства, создатель большой партіи, очень нашумѣвшей въ мірѣ.

Сразу видно, что мы не въ Европѣ. Мы въ Ирландіи.

III.

3-го августа 1914 года Джонъ Редмондъ, глава ирландской фракціи въ палатѣ общинъ, въ небольшой рѣчи торжественно обѣщалъ британскому народу «дружную, лойяльную и безусловную помощь Ирландіи въ дѣлѣ борьбы съ внѣшнимъ врагомъ». Палата общинъ покрыла бурными апплодисментами это заявленіе Редмонда. Оно было до нѣкоторой степени неожиданнымъ: отношенія англичанъ съ ирландцами въ ту пору (какъ, впрочемъ, и во всѣ времена) далеко не

отличались сердечностью. «Гомруль» все не могъ осуществиться: протестантскій Ульстеръ (провинція въ Сѣверной Ирландіи, населенная преимущественно потомками выходцевъ изъ Англіи) грозилъ возстаніемъ.

Редмондъ до нѣкоторой степени сдержалъ слово: Ирландія дала британской арміи около 170 тысячъ добровольцевъ, — приблизительно столько, сколько могла дать по численности своего населенія, или лишь немногимъ меньше. Но, повидимому, энтузіазмъ ирландскихъ членовъ палаты объясняется неожиданностью первыхъ дней; во всѣхъ парламентахъ Европы тогда цѣловались и обнимались, въ порывѣ такого же восторга, люди, органически не выносившіе другъ друга, — они уже давно больше нигдѣ не обнимаются. Добавлю, что въ самой Ирландіи Редмонда и въ первые дни обнимали сравнительно мало. Скажемъ больше: его на всѣхъ ирландскихъ перекресткахъ ругали дуракомъ и идіотомъ. И даже люди, раздѣлявшіе его настроеніе въ день объявленія войны, скоро постарались объ этомъ забыть. За ошибки или неудачи партіи обычно отвѣчаетъ только вождь, — о немъ одномъ помнятъ, и собакъ на одномъ человѣкѣ вѣшать проще. Большинство ирландцевъ въ августѣ 1914-го года склонялось къ мысли, что надо принять участіе въ войнѣ на сторонѣ союзниковъ. Но, по мнѣнію многихъ изъ нихъ, объятіямъ должна была предшествовать закулисная политическая подготовка (такъ оно въ нѣкоторыхъ парламентахъ и было). — «Поче-

му Редмондъ не поставилъ Англіи условій?» — спрашивали съ негодованіемъ враги Редмонда, имѣя въ виду большую или меньшую самостоятельность Ирландіи.

Редмондъ отвѣчалъ, что благородный жестъ, сдѣланный на извѣстныхъ условіяхъ, собственно перестаетъ быть благороднымъ жестомъ. Этотъ отвѣтъ, по мнѣнію враговъ, лишь подтверждалъ то, что они говорили. Какъ бы то ни было, рѣчь, сказанная Редмондомъ 3-го августа 1914 года, и устроенная ему англичанами овація совершенно погубили на родинѣ его долголѣтній огромный престижъ. Онъ потерялъ всякую популярность и вскорѣ умеръ, забытый и одинокій.

Одному полюсу соотвѣтствовалъ другой. Очень видный ирландецъ пришелъ въ то время къ прямо противоположному выводу. Онъ также находилъ, что Ирландіи слѣдуетъ вмѣшаться въ войну, но, по его мнѣнію, Ирландія должна была оказать «дружную, лойяльную и безусловную помощь» — Германіи.

Этотъ человѣкъ, впослѣдствіи столь трагически погибшій, былъ сэръ Роджеръ Кэзментъ. Онъ является первымъ дѣйствіемъ той трехактной драмы, о которой я говорилъ.

IV.

По національности Кэзментъ былъ ирландецъ, по религіи — протестантъ. Онъ принадлежалъ въ старой семьѣ «черныхъ протестантовъ», — такъ назывались въ великобританской исторіи лютые враги католической церкви, едва ли вообще считавшіе «папистовъ» людьми. Быть можетъ, вслѣдствіе этой семейной традиціи, Кэзменту было не по пути съ католической Ирландіей. Онъ состоялъ почти всю жизнь на англійской дипломатической службѣ преимущественно въ далекихъ частяхъ свѣта, въ Африкѣ, въ Южной Америкѣ. Его очень высоко цѣнило министерство иностранныхъ дѣлъ. Особенно выдвигалъ Кэзмента сэръ Эдуардъ Грей, исходатайствовавшій для него и титулъ. По общему отзыву, это былъ чрезвычайно порядочный, благородный и независимый человѣкъ. Его называли въ «Форенъ Оффисъ» «Баярдомъ»[1]).

Одно дѣло создало ему, незадолго до войны, громкую и почетную извѣстность во всемъ мірѣ. Въ 1911 году по европейской печати поползли темные слухи о каучуковыхъ плантаціяхъ Путумайо, въ Перу. Говорили, что тамъ рабочіе-туземцы живутъ въ каторжныхъ условіяхъ и работаютъ пятнадцать часовъ въ день, что ихъ подвергаютъ всевозможнымъ истязаніямъ и даже казнятъ безъ суда. Эту каучуковую долину назвали «Чортовымъ Раемъ».

Времена были не столь безчувственныя, какъ нынѣшнія. Печать начала кампанію противъ администра-

---

[1]) Redmond Howard. Sir R. Casement, p. 12.

ціи общества Путумайо. Перуанское общество работало преимущественно на англійскія деньги, — въ него было вложено около 150 милліоновъ фунтовъ британскаго капитала (дивиденды доходили до 25%). Правительство Асквита постановило произвести разслѣдованіе. Грей поручилъ его «Баярду». Кэзментъ съѣздилъ въ «Чортовъ Рай» и представилъ правительству ужасающій докладъ. По его даннымъ выходило, что въ Путумайо было забито и загублено, за десять лѣтъ, тридцать тысячъ туземцевъ! Докладъ былъ таковъ, что британское правительство долго не рѣшалось его опубликовать, опасаясь дипломатическихъ осложненій съ Перу. Да и въ Европѣ многимъ вліятельнымъ лицамъ очень хотѣлось, чтобы непріятное дѣло было какъ-нибудь замято. Кэзментъ былъ для этого неподходящимъ человѣкомъ. Содержаніе доклада пришлось изложить, — вышелъ скандалъ на весь міръ.

V.

Дальнѣйшее совершенно непонятно. Вотъ и еще матеріалъ для размышленій о правилѣ «Познай самого себя». Образцовый англійскій дипломатъ, вѣрноподданный короля Георга, получившій отъ него титулъ, вдругъ оказался ненавистникомъ Британской имперіи.

Высказывалось предположеніе что «Чортовъ Рай» навсегда поселилъ въ Кэзментѣ отвращеніе и ненависть къ англійскимъ богачамъ. Англія однако не отвѣчала за дѣйствія акціонеровъ Путумайо. Не отвѣчало за нихъ и британское правительство. Вѣроятно, до насъ не дошла какая-то личная драма, — иначе трудно объяснить столь необыкновенную перемѣну въ человѣкѣ. Эта перемѣна не имѣла большого значенія до 1914 года. Затѣмъ дѣло приняло совершенно иной характеръ.

Съ первыхъ дней войны сэръ Роджеръ Кэзментъ появился въ Соединенныхъ Штатахъ. Къ общему изумленію, онъ повелъ въ Америкѣ рѣзкую антибританскую агитацію. Велъ онъ ее открыто и, разумѣется, тотчасъ же попалъ подъ наблюденіе англійской секретной службы. Немедленно выяснилось и то, что бывшій британскій дипломатъ вступилъ въ переговоры съ германскимъ посольствомъ, — да онъ не скрывалъ и этого. Кэзментъ на митингахъ доказывалъ

американцамъ ирландскаго происхожденія, что они должны желать побѣды Германіи и всячески ей содѣйствовать: нѣмцы разрушатъ Британскую Имперію и дадутъ Ирландіи независимость.

Въ «Форенъ Оффисъ», въ Англіи вообще, люди отъ изумленія просто протирали глаза. Можно было говорить, что Кэзментъ продался нѣмцамъ. Но повѣрить этому было невозможно, — «Баярда» достаточно знали. Какъ бы то ни было, негодованіе въ Англіи было очень велико.

Роджеръ Кэзментъ не былъ созданъ для того, чтобы ограничиться митинговыми выступленіями. Изъ Соединенныхъ Штатовъ онъ выѣхалъ въ Германію, и тамъ изложилъ представителямъ верховнаго командованія свой планъ: Кэзментъ хотѣлъ поднять въ Ирландіи вооруженное возстаніе противъ англичанъ, и просилъ военной поддержки нѣмцевъ.

Независимость Ирландіи, достигнутая при помощи интервенціи! Идея не была нова. За сто двадцать лѣтъ до того, для ея осуществленія знаменитый Гошъ чуть не высадился въ Ирландіи съ 25-тысячной арміей. Однако, съ тѣхъ поръ морская стратегія измѣнилась. Германское командованіе обсудило предложеніе Кэзмента и признало, что высадить войска въ Ирландіи невозможно. Но на всяческое содѣйствіе возстанію оно, разумѣется, было совершенно согласно. Кэзменту были предложены деньги и оружіе. Отъ денегъ онъ отказался по принципіальнымъ соображе-

ніямъ! Деньги должны дать ирландцы. Но помощь оружіемъ Кэзментъ принялъ.

Было рѣшено, что нѣмецкое коммерческое судно выйдетъ изъ Киля подъ норвежскимъ флагомъ, попытается пройти къ берегамъ Ирландіи и доставить революціонерамъ большой грузъ оружія. Были назначены время и мѣсто высадки. Судно обѣщали встрѣтить въ условленный часъ агенты Роджера Кэзмента. Самъ онъ рѣшилъ отправиться въ Ирландію на нѣмецкой подводной лодкѣ: онъ долженъ былъ стать на родинѣ руководителемъ вооруженнаго возстанія.

Путешествіе корабля «Аудъ» — настоящій романъ съ приключеніями — нѣмцы не безъ основанія разсматриваютъ, какъ блестящее дѣло войны. Не буду его разсказывать, — скажу только, что, несмотря на всѣ многочисленныя препятствія, капитанъ Шпиндлеръ пришелъ въ указанное ему мѣсто, въ указанный ему часъ, съ совершенной точностью.

На берегу никого не было!

VI.

Возстаніе было подготовлено очень плохо.

Оно соотвѣтствовало традиціямъ страны. Поколѣніе начала XX вѣка было за полтораста лѣтъ первымъ, которое не пыталось вести вооруженную борьбу съ англичанами. Многіе ирландскіе націоналисты находили, что Ирландія, уже упустившая удобный моментъ для возстанія въ пору трансваальской войны, никакъ не должна повторять ошибку. Міровая война, поглощавшая всѣ силы Англіи, создавала для борьбы съ ней исключительно благопріятную обстановку.

Съ этимъ, естественно, былъ связанъ споръ объ интервенціи. Онъ имѣлъ политическій и принципіальный характеръ. Вопросъ ставился не такъ, какъ у насъ въ 1918—20 г.г., — для ирландскихъ націоналистовъ Англія была внѣшнимъ врагомъ. Но мнѣнія были, какъ и у насъ, самыя различныя: «Допустимо»... — «Недопустимо»... — «Это нашъ долгъ»... — «Это преступленіе передъ родиной»... — «Все лучше, чѣмъ англійское владычество»... — «Германія стоитъ Англіи»... — «Надо предварительно выяснить нѣмецкія условія»... — «Нѣтъ, только внутреннія силы Ирландіи»... и т. д.

Принято было среднее рѣшеніе. Ирландскіе революціонеры постановили, что помощь отъ нѣмцевъ принять можно, но только оружіемъ и инструкторами. Нѣмецкій дессантъ признавался недопустимымъ. Эта ре-

золюція никакого практическаго значенія не имѣла, такъ какъ самъ германскій штабъ отказался отъ высадки, — разумѣется, отнюдь не по принципіальнымъ причинамъ. Однако, самая постановка вопроса представляется довольно наивной: германскіе инструкторы пріемлемы, германскія войска непріемлемы. Обсуждалось все это почти полтора года, — за это время могла кончиться и міровая война. Возстаніе было, наконецъ, назначено на первый день Пасхи 1916 года.

Шинъ-фэнеры заявляютъ съ гордостью, что революціонное движеніе въ Ирландіи было организовано по венгерскому, кошутовскому образцу[1]). Этимъ, собственно, хвастать не слѣдовало бы: революціонная техника сдѣлала успѣхи съ 1848 года. О техникѣ подготовки дублинскаго возстанія вообще и говорить не приходится: достаточно сказать, что, по свидѣтельству ирландскаго историка, лично принимавшаго участіе въ дѣлѣ[2]) предстоявшее возстаніе было предметомъ общей болтовни въ Дублинѣ! Еще удивительнѣе, однако, то, что англійскія власти въ Ирландіи не придавали этой болтовнѣ никакого значенія и никакихъ мѣръ не принимали, — полицейская техника властей стоила революціонной техники шинъ-фэнеровъ.

Въ подготовкѣ дублинскаго возстанія принималъ дѣятельное участіе и де Валера. Это былъ его революціонный дебютъ; онъ не имѣлъ военнаго образованія; однако, былъ назначенъ «командиромъ третьяго ба-

---

[1]) См. E. Brady. Jreland's secret service in England, p. 8.

[2]) Beaslai. M. Collins, v. I. p. 101.

тальона гражданской арміи», — чины въ этой арміи, вѣроятно, давались безъ особыхъ затрудненій, щедро, и не по выслугѣ лѣтъ.

За нѣсколько дней до Пасхи генералъ Френдъ, командовавшій вооруженными силами въ Ирландіи, получилъ изъ Америки сообщеніе о томъ, что въ Дублинѣ подготовляется вооруженное возстаніе. Повидимому, само по себѣ это сообщеніе большой тревоги не вызвало: англичане вообще плохо вѣрили, что ирландцы способны сойтись на какой-то программѣ и общими силами ее осуществлять. Въ представленіи рядового англичанина рядовой ирландецъ — безтолковый человѣкъ, неудачникъ и пьяница, вдобавокъ, самое неуживчивое существо на свѣтѣ. Кажется, Дизраэли сказалъ, что если гдѣ-нибудь поджариваютъ ирландца, то всегда находится другой ирландецъ, который съ удовольствіемъ поправляетъ вертелъ. Приблизительно то же самое теперь говорятъ о русскихъ, прежде говорили о полякахъ, о французахъ, а въ XVII вѣкѣ и о самихъ англичанахъ, — нѣтъ ничего легче, чѣмъ взваливать раздоры и неурядицу въ странѣ на ея національную психологію.

Однако, въ поступившемъ изъ Америки предостереженіи говорилось также о томъ, что какое-то нѣмецкое судно должно доставить въ Ирландію грузъ оружія. Это было дѣло серьезное. Генералъ Френдъ принялъ мѣры предосторожности. Вѣроятно, они были замѣчены нѣкоторыми изъ руководителей возстанія. А можетъ быть, и независимо отъ этого, болѣе прони-

цательнымъ революціонерамъ стало ясно, что возстаніе никакихъ шансовъ на успѣхъ не имѣетъ, — прежде всего по недостатку оружія. Во всякомъ случаѣ, въ послѣднюю минуту одинъ изъ главныхъ вождей, Макъ-Нейль, рѣшилъ остановить дѣло и поступилъ весьма своеобразно: онъ помѣстилъ въ газетѣ объявленіе о томъ, что возстаніе отмѣняется! Это было сказано въ объявленіи не буквально, но почти буквально, — объявленіе начиналось словами: «Въ виду весьма критическаго положенія, всѣ приказанія, отданныя на завтрашній день ирландскимъ волонтерамъ, отмѣняются»... Думаю, это единственный случай отмѣны революціи посредствомъ газетнаго объявленія.

Капитанъ Шпиндлеръ всю ночь простоялъ въ бухтѣ, съ отчаяннымъ рискомъ сигнализируя огнями. На берегу никто такъ и не появился. Дѣло провалилось. Нѣсколько позднѣе погибло и норвежское судно «Аудъ». Его пришлось взорвать, чтобы грузъ оружія не достался англичанамъ.

Почти одновременно съ «Аудъ» къ другому пункту на ирландскомъ берегу подошла германская подводная лодка. Ей удалось высадить сэра Роджера Кэзмента. Однако, злой рокъ ирландской революціи сказался и на его судьбѣ: на утро онъ былъ замѣченъ англійскимъ патрулемъ и задержанъ. Начальникъ патруля и не подозрѣвалъ, что ему попался въ руки Кэзментъ. Но, разумѣется, личность бывшаго дипломата была очень скоро установлена. Его отправили для суда въ Лондонъ.

Газетное объявленіе не достигло цѣли: часть революціонеровъ не согласилась съ мнѣніемъ Макъ-Нейля и начала возстаніе. Безъ германскихъ инструкторовъ, безъ германскаго оружія оно было обречено на неудачу. Англійская артиллерія быстро разгромила «гражданскую армію». Военно-полевой судъ приговорилъ къ смерти главныхъ виновниковъ дѣла. Шестнадцать человѣкъ было немедленно казнено. Другимъ судъ замѣнилъ казнь пожизненнымъ тюремынмъ заключеніемъ. Среди этихъ послѣднихъ находился и де Валера. Его роль въ возстаніи была не велика: третій батальонъ получилъ предписаніе защищать отъ англичанъ какой-то заводъ. По однимъ свѣдѣніямъ, де Валера сражался очень храбро. Враги же утверждаютъ, что онъ «постыдно сдался безъ единаго выстрѣла»[1]). Версія враговъ мало вѣроятна: она не согласуется съ той огромной популярностью, которой де Валера позднѣе пользовался именно въ кругу бывшихъ участниковъ возстанія 1916 года.

---

[1]) S. H. Bretterton. The Real Ireland, p. 27.

VII.

Въ совершенно иной обстановкѣ происходилъ въ Англіи судъ надъ сэромъ Роджеромъ Кэзментомъ. Онъ былъ обставленъ очень торжественно. Предсѣдательствовалъ верховный судья лордъ Редингъ; обвинялъ сэръ Фредерикъ Смитъ, впослѣдствіи лордъ Беркенхэдъ; защищалъ знаменитый ирландскій адвокатъ Селливанъ. Кэзментъ велъ себя на судѣ съ большимъ достоинствомъ. Если не ошибаюсь, его защитительную рѣчь теперь читаютъ въ ирландскихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ образецъ патріотическаго краснорѣчія. Собственно, эту рѣчь нельзя даже назвать защитительной: Кэзментъ доказывалъ, что, какъ иностранецъ и врагъ Англіи, онъ неподсуденъ британскому суду и что обвинять его въ «измѣнѣ англійскому королю» такъ же нелѣпо, какъ обвинять въ измѣнѣ англійскому королю нѣмца или турка. Присяжные съ этими доводами не согласились. Послѣ 50-минутнаго совѣщанія[1]) они вынесли обвинительный вердиктъ. Судъ приговорилъ Кэзмента къ смертной казни черезъ повѣшеніе.

Произошло то, что предписываетъ въ такихъ случаяхъ средневѣковый англійскій обрядъ. Одинъ человѣкъ въ парикѣ произнесъ торжественно «Oyez!».

---

[1]) Trial of Sir Roger Casement, edited by S. Knoth.

Другой — самъ предсѣдатель — сказалъ: «Сэръ Роджеръ Кэзментъ, вы будете отсюда отведены въ тюрьму, а изъ тюрьмы на мѣсто казни, и тамъ вы будете повѣшены за шею до тѣхъ поръ, пока не умрете. И да сжалится Господь Богъ надъ вашей душой!». Къ чему третій человѣкъ въ парикѣ добавилъ: «Аминь!». Обрядъ этотъ, не свободный и отъ кощунства, въ судѣ надъ Роджеромъ Кэзментомъ звучалъ особенно зловѣще. Какъ бы ни относиться къ идеѣ и къ дѣлу Кэзмента, этотъ человѣкъ былъ героемъ и отдавалъ жизнь за родину. А о снисхожденіи къ его душѣ молилъ Господа Бога лордъ Редингъ, — онъ же дѣловой адвокатъ Айзексъ, котораго незадолго до того вся Англія называла «Маркони-Айзексъ» и которому газеты, послѣ марконіевскаго дѣла, совѣтовали навсегда оставить политическую дѣятельность.

Вслѣдъ за судебнымъ приговоромъ извѣстнѣйшіе писатели Англіи, Холлъ Кэнъ, Голсуорти, Честертонъ, Беннетъ, Конанъ-Дойль, Джеромъ, Зангвилль, обратились къ правительству съ просьбой о помилованіи Кэзмента. Но ограниченные черствые адвокаты, управлявшіе тогда Англіей, какъ они правятъ почти всѣмъ міромъ, отказались удовлетворить эту просьбу. Роджеръ Кэзментъ былъ повѣшенъ 3-го августа 1916 года въ Пентонвилльской тюрьмѣ.

Передъ смертью онъ изъявилъ желаніе перейти въ католическую вѣру, — вѣру своего народа. Ирландскіе писатели утверждаютъ, что въ тюрьмѣ священникъ передалъ ему письмо изъ Ватикана: римскій папа по-

сылалъ сэру Роджеру Кэзменту, вмѣстѣ съ отпущеніемъ грѣховъ, свое послѣднее благословеніе.

Приведу нѣсколько строкъ изъ газетнаго отчета о казни, — добавлю, что только въ Англіи въ ту пору такой отчетъ могла пропустить военная цензура.

«Ирландскій мятежникъ Роджеръ Кэзментъ умеръ сегодня, въ девять часовъ утра, въ Пентовилльской тюрьмѣ, на англійскомъ эшафотѣ смертью предателя. Его тѣло было погребено въ негашеной извести на дворѣ тюрьмы. Послѣднія его слова были: «Я умираю за родину. Въ Твои руки, Господи, предаю свою душу»...

«Передъ воротами тюрьмы съ утра стала собираться большая толпа. Безъ двадцати минутъ девять зазвонилъ тюремный колоколъ. У стѣны, очень близко отъ мѣста эшафота, обособленно отъ толпы, стала небольшая группа ирландцевъ. Они явно собрались здѣсь для того, чтобы ихъ единомышленникъ зналъ въ свои послѣднія минуты, что по близости отъ него находятся немногочисленные друзья.

«Незадолго до девяти колоколъ пересталъ гремѣть. Наступила мертвая тишина. Всѣ понимали, что это значитъ: осужденный человѣкъ всходилъ на эшафотъ. Еще черезъ минуту раздался новый тяжелый ударъ колокола. Одновременно въ толпѣ поднялся дикій гулъ, — изъ насмѣшекъ, издѣвательства и истерическихъ рыданій»...

Предоставляю читателямъ разобраться въ морально-политической сторонѣ всего этого дѣла, — это не такъ просто. Скажу только, что въ военное время въ любой странѣ любой судъ поступилъ бы точно такъ же, какъ англійскій. Теперь всѣ англійскіе Рединги любезно-почтительно бесѣдуютъ съ министрами ирландскаго государства, которые въ 1916 году были присуждены къ смертной казни за общее преступленіе съ Роджеромъ Кэзментомъ. Точно такое же преступленіе совершилъ въ ту пору русскій подданный и австрійскій офицеръ Іосифъ Пилсудскій, — онъ, вѣроятно, также былъ бы казненъ, если-бъ попалъ въ плѣнъ въ 1916 г. Въ такихъ дѣлахъ только успѣхъ даетъ возможность отличить подвигъ отъ преступленія, а преступленіе отъ ошибки. Послѣднее вѣрно также для казнящихъ. Ибо часто (хоть и не всегда) оправдываются слова Мальбранша: «Dans les lieux où l'on brûle les sorciers on en trouve un grand nombre».

VIII.

Послѣ провала Дублинскаго возстанія, де Валера былъ перевезенъ въ Англію и заключенъ въ тюрьму «на вѣчныя времена», — смертная казнь была ему замѣнена пожизненнымъ заключеніемъ. На самомъ дѣлѣ, онъ оставался въ тюрьмѣ очень недолго. Собственно, тюрьма и положила начало блестящей политической карьерѣ де Валеры. Въ ту пору онъ былъ еще мало извѣстенъ. По случайности, товарищи избрали его старостой; желающихъ занять эту должность было, вѣроятно, немного. Онъ проявилъ твердость въ обращеніи съ тюремнымъ начальствомъ, — это создало ему популярность. Заключеніе было не очень строгое, сношенія съ «волей» поддерживались постоянно, имя де Валеры стало появляться въ печати.

Надо ли говорить, что въ Ирландіи чрезвычайно интересовались жертвами Дублинскаго дѣла. Среди шестнадцати разстрѣлянныхъ были очень видные люди. Томасъ Макъ-Дона былъ извѣстный поэтъ. Джемсъ Коноллн пользовался огромной популярностью среди рабочихъ. Престарѣлый Кларкъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей феніанскаго движенія и прожилъ большую часть жизни въ тюрьмахъ. Вокругъ возстанія уже складывалась легенда. Молва переносила и за океанъ особенно драматическіе эпизоды. Коноллн, тяжело раненый во время

уличныхъ боевъ, былъ доставленъ на мѣсто казни на носилкахъ. Пленкетъ, за нѣсколько часовъ до разстрѣла, въ полночь, обвѣнчался со своей невѣстой, — она добивалась чести носить всю жизнь его имя.

Въ самой Англіи начиналась реакція противъ расправы 1916 года. Многіе англичане чувствовали, что съ Ирландіей выходитъ не совсѣмъ хорошо: міровая война, какъ всѣмъ извѣстно, велась за освобожденіе угнетенныхъ народовъ. Кромѣ того, казнь Роджера Кэзмента и его сообщниковъ вызвала большое раздраженіе въ Америкѣ, гдѣ ирландцы пользуются немалымъ вліяніемъ. Самъ Вильсонъ былъ ирландскаго происхожденія, а въ 1916 году никакъ не приходилось раздражать президента С. Штатовъ.

Въ концѣ года на смѣну Асквиту пришелъ Ллойдъ-Джорджъ. Новое англійское правительство объявило амнистію участникамъ Дублинскаго возстанія. По тому самому дѣлу, по которому ихъ товарищи были казнены, они отдѣлались нѣсколькими мѣсяцами тюрьмы. Случайности военнаго суда, случайности спѣшнаго слѣдствія странно подѣлили ирландскихъ революціонеровъ: однихъ отправили на эшафотъ, передъ другими открыли большую политическую карьеру. Такъ часто бываетъ въ пору революціи и гражданской войны.

Де Валера, еще до амнистіи, былъ намѣченъ кандидатомъ и въ законодательныя учрежденія, и въ высшіе органы «Шинъ-фэна». Его возвышеніе произошло съ необычайной быстротою. Виднѣйшіе рево-

люціонеры погибли, освободилось много вакансій. Де Валера былъ окруженъ ореоломъ чужого мученичества. По взглядамъ, онъ въ ту пору занималъ въ партіи среднюю позицію, — почти всегда наиболѣе выгодную. Онъ говорилъ, что не является «доктринеромъ республики» и удовлетворился бы признаніемъ за Ирландіей правъ доминіона. Но, разумѣется, и независимо отъ побочныхъ обстоятельствъ, какъ человѣкъ умный, образованный, честолюбивый и упрямый, де Валера имѣлъ достаточно данныхъ для того, чтобы стать вождемъ партіи. Онъ имъ скоро и сталъ. Гриффитъ не сочувствовалъ возстанію 1916 года и не принялъ въ немъ участія. Быть можетъ, поэтому, съ одобренія самого Гриффита, на постъ главы партіи былъ выдвинутъ де Валера. Черезъ нѣкоторое время англійскія власти снова его арестовали и заключили въ Линкольнскую тюрьму.

Изъ этой тюрьмы онъ бѣжалъ 3-го февраля 1919 года. Побѣгъ его произошелъ въ чрезвычайно эффектной обстановкѣ. Какъ-то вечеромъ къ нему въ камеру зашелъ священникъ, посѣщавшій обычно заключенныхъ. Во время бесѣды съ де Валерой, священникъ разсѣянно положилъ на столъ ключъ отъ входной двери. Де Валера капнулъ воскомъ свѣчи на столъ, а затѣмъ, улучивъ моментъ, быстро сдѣлалъ отпечатокъ ключа на воскѣ. Черезъ нѣкоторое время его друзья получили изъ тюрьмы шуточную открытку. На ней былъ изображенъ пьяница, тщетно старающійся всунуть въ замокъ ключъ.

Сообразительные друзья догадались: де Валера посылалъ имъ точное изображеніе ключа, необходимаго ему для побѣга. Такой ключъ былъ немедленно изготовленъ и запеченъ въ пирогъ, посланный де Валерѣ въ качествѣ подарка отъ родныхъ. Но изготовленный по рисунку ключъ не подошелъ къ замку. Тогда въ тюрьму, опять-таки въ пирогѣ, были отправлены необходимые матеріалы. Одинъ изъ товарищей де Валеры по заключенію, знавшій слесарное ремесло, поддѣлалъ ключъ. При помощи этого ключа, де Валера въ условленное время отворилъ дверь, вышелъ изъ тюрьмы, сѣлъ въ приготовленный для него сообщниками автомобиль и скрылся.

Во всемъ этомъ дѣлѣ какъ будто много неправдоподобнаго: и камеры въ современныхъ тюрьмахъ освѣщаются не свѣчами, а электричествомъ, и дверь для бѣгства нужно открыть не одну, и сторожа сидятъ обычно у каждой двери тюрьмы, и ключъ мудрено изготовить по шуточному рисунку на открыткѣ, и передача ключей въ пирогѣ удается больше въ романахъ Понсонъ-дю-Террайля. Однако, не подлежитъ сомнѣнію, что де Валера бѣжалъ именно такимъ способомъ, — развѣ только легенда чуть пріукрасила кое-какія подробности. Остается предположить, что порядками Линкольнской тюрьмы вѣдали совершенные ротозѣи. Добавлю, что главнымъ организаторомъ побѣга былъ легендарный ирландскій заговорщикъ Михаилъ Коллинсъ, Робинъ-Гудъ революціоннаго эпоса Ирландіи.

IX.

Этотъ побѣгъ вызвалъ сенсацію въ Англіи. «По непростывшимъ слѣдамъ де Валеры» пустились не только сыщики, но и репортеры. Непростывшіе слѣды эти находились въ самыхъ разныхъ мѣстахъ Европы. Де Валера такъ найденъ и не былъ.

Побѣгъ создалъ ему на родинѣ огромную популярность. Въ Ирландіи, вдобавокъ, настроеніе совершенно перемѣнилось: прежде шинъ-фэнеры составляли въ странѣ небольшое меньшинство; на выборахъ же, послѣдовавшихъ за перемиріемъ, партія одержала полную побѣду. Всѣ только и говорили о возстаніи. Это было не совсѣмъ логично. Казалось бы, въ пору міровой войны было больше шансовъ на успѣхъ возстанія, чѣмъ послѣ 11 ноября 1918 года, когда у Англіи освободилось пять или шесть милліоновъ солдатъ. Здѣсь, до нѣкоторой степени, оправдывалось изреченіе лорда Сесиля: «Ирландія разумныхъ рѣшеній не принимаетъ принципіально». Партія «Шинъ-фэнъ» въ ту пору возлагала большія надежды на Америку: Вильсонъ принудитъ Англію дать ирландцамъ независимость. Этотъ разсчетъ, конечно, также не свидѣтельствовалъ о большой политической проницательности.

Въ январѣ 1919 года шинфэнерское національное собраніе «Дауль Эрханъ» (такъ произносится Dail

Eireann) провозгласило Ирландію независимой республикой. По предложенію Гриффита, де Валера былъ избранъ «Priomph-Aire». Повидимому, этотъ титулъ допускаетъ разное толкованіе: онъ можетъ означать и председателя «Дауль Эрхана», и министра-президента, и даже (съ большой натяжкой) главу государства. Де Валера предпочелъ последнее толкованіе и съ техъ поръ, уважая волю народныхъ избранниковъ, упорно и неизменно называлъ себя президентомъ ирландской республики. Его противники впоследствіи ожесточенно доказывали, что никто никогда президентомъ де Валеру не избиралъ, что званіе «Priomph-Aire» съ самаго начала означало лишь должность председателя Національнаго Собранія, а затемъ, въ связи съ полнымъ измененіемъ обстановки, вообще перестало означать что бы то ни было. Де Валера твердо стоялъ на своемъ: онъ президентъ ирландской республики и знать ничего не желаетъ.

Попытка Шинъ-фэна добиться международнаго признанія, разумеется, кончилась полной неудачей. «Дауль Эрханъ» обратился съ воззваніемъ «ко всемъ свободнымъ народамъ», назначилъ «пословъ» въ Парижъ, послалъ делегацію къ Вильсону съ напоминаніемъ о 14 пунктахъ. Все это было наивно — никто не собирался воевать съ Англіей из-за ирландской независимости. Свободные народы не отозвались на воззваніе, парижскіе послы вернулись домой, Вильсонъ о 14 пунктахъ позабылъ. Въ «пактъ» Лиги Націй былъ введенъ 10-й параграфъ, на неискушенный взглядъ, какъ будто, вполне невинный: по этому па-

раграфу, члены Лиги обязуются уважать территоріальную неприкосновенность всѣхъ другихъ членовъ въ ея настоящемъ видѣ («l'intégrité territoriale et l'indépendance politique présente de tous les membres de la société»). Застраховавшійся синдикатъ побѣдителей могъ отвѣтить ирландцамъ, что не имѣетъ права посягать на территоріальную неприкосновенность Англіи, — впрочемъ синдикатъ и вообще ирландцамъ не отвѣчалъ.

Парнелль оставилъ Ирландіи завѣтъ: «Добромъ отъ Англіи ничего не получишь». На чемъ былъ этотъ завѣтъ основанъ, трудно сказать. Надо вѣдь помнить, что и требованія умѣренностью не отличались. «Гомруль» съ Англіи можно было получить и добромъ, — правда, для этого потребовалось время. Но какая же страна добровольно давала полную независимость другой, слабѣйшей странѣ, имѣя на нее «историческое право»?

«Дауль Эрханъ» рѣшилъ слѣдовать своему девизу: «Мы сами». Для противодѣйствія «оккупаціоннымъ властямъ» (т. е. англичанамъ) было создано тайное ирландское правительство. Оно постановило начать борьбу за независимость Ирландіи. Лѣтъ тридцать тому назадъ здѣсь полагалось бы вспомнить стишокъ о «безумствѣ храбрыхъ».

Де Валера рѣшилъ отправиться въ С. Штаты искать «моральной и матеріальной поддержки». Моральная поддержка С. Штатовъ, собственно, могла

расцѣнивается не выше моральной поддержки любой другой страны. Съ матеріальной поддержкой дѣло обстояло иначе: деньги на все въ мірѣ послѣ войны даетъ, главнымъ образомъ, Америка. Тѣмъ не менѣе, друзья де Валеры убѣждали его остаться на родинѣ: президентъ республики долженъ принять ближайшее участіе въ возстаніи. Ему ставили даже на видъ, что отъѣздъ въ Америку передъ возстаніемъ будетъ истолкованъ для него невыгодно. Онъ и къ этому доводу былъ равнодушенъ: его мѣсто теперь въ С. Штатахъ. «Я говорилъ ему, да вы сами знаете, чего стоятъ попытки въ чемъ либо переубѣдить Дева!..» — съ горечью отвѣчалъ Коллинсъ друзьямъ, находившимъ, что де Валера долженъ остаться въ Ирландіи[1]).

Президентъ ирландской республики уѣхалъ въ Америку, переодѣтый матросомъ. Такое обстоятельство, рѣдко случающееся съ президентами, можетъ поставить въ трудное положеніе завѣдующаго церемоніймейстерской частью въ той странѣ, куда президентъ направляется. Но для газетъ, да еще для газетъ американскихъ, переодѣтый матросомъ президентъ, конечно, являлся настоящимъ кладомъ. А этотъ президентъ, къ тому же, только что бѣжалъ изъ тюрьмы. Отпечатокъ ключа на воскѣ, шуточная открытка съ пьяницей, пирогъ съ ключами и инструментами, — съ газетной точки зрѣнія лучше и выдумать ничего нельзя, — не хватало только запеченной въ пирогъ веревочной лѣстницы! Вдобавокъ, американцы были злы на Европу. Де Валерѣ былъ оказанъ

[1]) Beaslai, M. Collins, v. I, p. 269.

королевскій пріемъ. Митинги смѣнялись банкетами. Городъ Нью-Іоркъ избралъ ирландскаго президента своимъ почетнымъ гражданиномъ. Моральная поддержка была полная. Матеріальная тоже оказалась недурной : подписка на дѣло борьбы за независимость Ирландіи дала пять милліоновъ долларовъ.

Онъ вернулся въ Ирландію государственнымъ человѣкомъ. Въ С. Штатахъ политика элементарна, но это самая настоящая политика, — черезъ американскій политическій Берлицъ не мѣшаетъ пройти и революціонерамъ, и идеалистамъ. Ирландскимъ движеніемъ до де Валеры руководили писатели, чаще всего поэты. Выходило не очень удачно. Политика слишкомъ низменное дѣло для поэтовъ, — какъ извѣстно каждому, низменныя чувства писателямъ совершенно чужды и непонятны. Одна Ирландія обратилась къ поэтамъ для устроенія своихъ судебъ,—и очень плохо сдѣлала.

Оставь землѣ ея цвѣты,
Оставь созвучья Дамаскину.

X.

На родинѣ де Валеры въ его отсутствіе началась гражданская война. Она велась по старымъ, испытаннымъ методамъ, намъ достаточно хорошо знакомымъ. Боевъ не было; былъ съ обѣихъ сторонъ кровавый и безпощадный терроръ. Страшныя дѣла прикрывались благозвучными именами. Ирландскіе революціонеры убивали англійскихъ городовыхъ, грабили почту, жгли правительственныя учрежденія, — это называлось «актами освободительной борьбы». Британскія власти разстрѣливали повстанцевъ, выжигали замки и фермы, — это называлось «рейдами». О полезной дѣятельности «революціонной арміи» и британскихъ властей можно судить по слѣдующимъ даннымъ: за 1920-ый годъ ирландцами было убито 54 англійскихъ военныхъ, 182 полицейскихъ, сожжены 69 зданій суда, 533 казармы и 998 разъ ограблена почта. Англичане убили 105 повстанцевъ, 98 штатскихъ, уничтожили 323 частныхъ дома, 20 заводовъ, 255 лавокъ, 32 кооператива и 171 ферму, произведя, въ общемъ (за 14 мѣсяцевъ) 22.279 «рейдовъ». Общей статистики всѣхъ человѣческихъ жертвъ за все время этой странной войны на револьверахъ я не могъ найти, — повидимому, этому дешевому товару, въ отличіе отъ лавокъ и казармъ, счетъ велся неточно.

Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, усиленно обсуждался вопросъ: кто началъ, кто первый и т. д.

Ирландцы утверждаютъ, что начали англичане. А Ллойдъ-Джорджъ говорилъ, что къ «репрессаліямъ» британское правительство приступило лишь послѣ того, какъ революціонерами было убито свыше ста городовыхъ. Сомнѣваюсь въ такомъ долготерпѣніи британскаго правительства, но, по существу, не такъ важно, «кто первый». Людямъ, имѣющимъ поэтическія представленія о гражданской войнѣ, не мѣшаетъ заняться ирландскими событіями 1919-20 гг. Это длинная мрачная повѣсть грубѣйшихъ насилій, звѣрствъ и преступленій, далеко оставляющая за собой нашъ 1863-й годъ. Идейная и идеалистическая борьба превратилась въ кровавый спортъ, порою вырождаясь и въ чистую горгуловщину.

Для подавленія ирландскаго «бунта» англичане отправили въ Ирландію отряды изъ особо подобранныхъ людей. По цвѣту ихъ мундировъ, населеніе прозвало ихъ «The Black and Tans»; кажется, такъ называется какая-то порода собакъ. Въ Ирландіи о дѣйствіяхъ «Black and Tans» по сей день говорятъ съ зубовнымъ скрежетомъ. Надо сдѣлать, разумѣется, поправку на односторонній характеръ ирландскихъ сужденій въ этомъ дѣлѣ. Однако, британскій генералъ сэръ Генри Лоусонъ въ оффиціальномъ донесеніи правительству въ январѣ 1920 года писалъ, что карательные отряды ведутъ себя въ Ирландіи, какъ нѣмцы во время войны въ Бельгіи, — это въ ту пору было самымъ уничтожающимъ изъ всѣхъ возможныхъ сравненій.

Наиболѣе извѣстнымъ трагическимъ эпизодомъ гражданской войны было самоубійство Коркскаго лорда-мэра. Это былъ еще молодой человѣкъ, — тоже писатель и поэтъ, — Теренсъ Максуиней. Его арестовали по обвиненію въ неисполненіи какихъ-то приказовъ, — онъ доказывалъ, что всѣ приказы въ Коркѣ могутъ исходить только отъ него, какъ отъ законно-избраннаго лорда-мэра. Военный судъ приговорилъ его къ двумъ годамъ тюремнаго заключенія. Выслушавъ приговоръ, лордъ-мэръ сказалъ: «черезъ мѣсяцъ я буду свободенъ», — и сдержалъ свое слово, нѣсколько ошибшись лишь въ срокѣ. Перевезенный въ Лондонскую тюрьму, онъ объявилъ голодовку и уморилъ себя голодомъ, проявивъ нечеловѣческую силу воли: лордъ-мэръ голодалъ 74 дня. По словамъ его жены, ему въ камеру ежедневно подавался обѣдъ (къ которому онъ не прикасался): цыпленокъ, супъ, молоко, брэнди. Повидимому, Ллойдъ-Джорджъ не вѣрилъ, что человѣкъ можетъ добровольно умереть голодной смертью.

Независимо отъ своего морально-политическаго смысла, просто какъ сенсаціонный fait divers, какъ похищеніе ребенка Линдберга или харакири генерала Ноги, медленное самоубійство лорда-мэра поразило міръ. Въ разныхъ странахъ заключались пари: умретъ или не умретъ? А если умретъ, то черезъ сколько дней? Американскія газеты предписали своимъ лондонскимъ корреспондентамъ сообщать подробности о дѣлѣ каждые два часа.

Сестра лорда-мэра впослѣдствіи показывала американской комиссіи, что она обратилась по телеграфу къ Ллойдъ-Джорджу (который въ то время замирялъ Европу на какой-то международной конференціи), съ запросомъ: на кого именно слѣдуетъ возложить отвѣтственность за у б і й с т в о ея брата? Первый министръ, явно запутавшійся между простымъ чутьемъ и идеей государственнаго авторитета, по телеграфу выразилъ въ отвѣтъ сожалѣніе, что лордъ-мэръ сознательнымъ самоубійствомъ причиняетъ горе своей семьѣ. «Я называю это отвѣтомъ подлеца», — говорила съ ненавистью американскимъ сенаторамъ и епископамъ сестра лорда-мэра. Ей посовѣтовали обратиться за помощью къ англійскимъ соціалистамъ, — они могутъ въ 24 часа добиться освобожденія ея брата. У англійскихъ соціалистовъ какъ разъ тогда засѣдали національный конгрессъ и особый «Совѣтъ дѣйствія», обсуждавшій вопросъ о томъ, какъ защитить сов. Россію отъ польскаго вторженія. По недостатку мѣста, я не могу передать подробно разсказъ сестры лорда-мэра объ ея переговорахъ съ вождями рабочей партіи. «Я ихъ спросила, допустятъ ли они, чтобы мой братъ скончался, или же сдѣлаютъ что-либо для его спасенія... Имъ чрезвычайно не хотѣлось вмѣшиваться въ это дѣло. Однако, имъ чрезвычайно не хотѣлось и отвѣтить мнѣ отказомъ», — почти съ такой же ненавистью говоритъ сестра лордъ-мэра. — «Они были очень храбры, когда дѣло касалось Россіи. Но въ русскомъ вопросѣ ихъ тактика не шла въ разрѣзъ съ цѣлями ихъ правительства»... Въ концѣ концовъ,

послѣ долгихъ разговоровъ, англійскіе соціалистическіе лидеры отвѣтили, что ихъ вмѣшательство въ дѣло Коркскаго лорда-мэра было бы «неразумно». — «Онъ имѣетъ немалое сходство съ Ллойдъ-Джорджемъ», — говоритъ въ заключеніе объ одномъ изъ соціалистическихъ лидеровъ сестра лорда-мэра; въ ея устахъ это звучало приблизительно такъ: «онъ имѣетъ немалое сходство съ сатаной».

25-го октября 1920 года, на 74-ый день голодовки, Коркскій лордъ-мэръ, наконецъ, скончался. Умиралъ онъ въ бреду, говоря безсвязныя слова и напѣвая какую-то пѣсенку. «Онъ былъ совершенно безуменъ» («He was as mad as could be»), — говоритъ его жена, видѣвшая его въ послѣдній разъ за нѣсколько часовъ до его кончины. У воротъ тюрьмы, въ предсмертные часы лорда-мэра, другіе фанатики, во главѣ съ его сестрами, читали вслухъ молитвы за упокой души умирающаго. Тутъ же рядомъ толпились фотографы съ аппаратами, журналисты съ записными книжками. Все это сливалось въ совершенно бредовую сцену. О кончинѣ лорда-мэра ирландскіе революціонеры оповѣстили своихъ условной телеграммой, по формѣ нѣсколько странной: «Наша лошадь выиграла».

Ихъ лошадь, дѣйствительно, выиграла. Это дѣло очень повредило Англіи. Десмондъ Шоу назвалъ его «коронной глупостью Даунингъ-Стритъ»[1]. Повиди-

---

[1]) Desmond Schaw. The drama of Sinn-Fein, p. 327.

мому, передъ страшной смертью лорда-мэра, передъ несшимися изъ Ирландіи проклятьями, Ллойдъ-Джорджъ, человѣкъ не злой и суевѣрный, нѣсколько растерялся. Онъ разрѣшилъ революціонерамъ поставить въ соборѣ, у гроба умершаго, стражу въ формѣ республиканской арміи, разрѣшилъ покрыть гробъ шинъ-фэнерскимъ флагомъ.

Ирландскіе политическіе дѣятели сумѣли использовать дѣло, какъ слѣдуетъ. Де Валера выпустилъ о немъ воззваніе. Газеты въ Ирландіи писали, что «цивилизованный міръ содрогнулся». «Содрогаться» въ подобныхъ случаяхъ — ремесло «цивилизованнаго міра». Въ дѣйствительности, онъ не такъ ужъ интересовался ирландскими событіями. Англичане могутъ себѣ позволить больше, чѣмъ другіе народы: ихъ политическая фирма, въ смыслѣ свободы и порядка, имѣетъ достаточно старую, прочную и заслуженную репутацію. Первая въ мірѣ политическая культура метрополіи не даетъ, конечно, правъ на разныя вольности внѣ ея, но зато создаетъ очень прочную основу для publicité «въ общемъ и цѣломъ». Нѣкоторые англійскіе администраторы продѣлывали въ колоніяхъ такія дѣла, какія и не снились, напримѣръ, Муравьеву-Виленскому. Однако, этихъ администраторовъ никто «вѣшателями» не называлъ.

Ирландія не была все-же колоніей. У нея нашлись и средства, и люди для агитаціи, особенно въ С. Штатахъ. Американцы послѣ войны перестали церемониться съ Европой. Они назначили, для изслѣдованія

ирландскаго вопроса, свою комиссію, въ которую вошло около 150 епископовъ, сенаторовъ, ученыхъ. Эта комиссія допросила большое число лицъ, принимавшихъ участіе въ гражданской войнѣ, въ томъ числѣ родныхъ погибшаго лорда-мэра, и выпустила отчетъ въ тысячу съ лишнимъ страницъ[1]), съ выводами, весьма неблагопріятными для англичанъ. Но еще значительно важнѣе было общественное настроеніе въ самой Англіи. Лордъ Грей, лордъ Сесиль, Гендерсонъ рѣзко осудили ирландскую политику правительства. Архіепископъ Кентерберійскій, 17 епископовъ англиканской церкви, виднѣйшіе представители англійской литературы и науки заявили рѣшительный протестъ противъ террора въ Ирландіи. Этотъ терроръ сталъ вызывать недовольство и у англійскаго военнаго командованія. Такъ, въ февралѣ 1921 года генералъ Крозьеръ распорядился предать военному суду нѣсколько своихъ подчиненныхъ за какой-то особенно скандальный «рейдъ». Его распоряженіе не было утверждено высшимъ начальствомъ. Тогда генералъ Крозьеръ демонстративно вышелъ въ отставку, что произвело сильнѣйшее впечатлѣніе въ Англіи.

Ллойдъ-Джорджъ, со свойственной ему чуткостью, понялъ, что пора перетасовать политическую колоду. Вдобавокъ, у него всегда была слабость къ сенсаціямъ. На этотъ разъ сенсація оказалась чрезвычайной. 24-го іюня 1921 года первый министръ Великобританіи обратился по телеграфу къ мятежни-

[1]) Evidence on conditions in Ireland. American Commission, Washington 1921.

ку изъ мятежниковъ де Валерѣ (тѣмъ самымъ признавая его президентомъ), съ просьбой пріѣхать въ Лондонъ для переговоровъ о мирномъ разрѣшеніи ирландскаго вопроса! Это было почти то же самое, какъ если бы у насъ, въ 1905 году, графъ Витте вызвалъ въ Петербургъ Пилсудскаго для сходныхъ переговоровъ о Польшѣ.

Де Валера принялъ приглашеніе и выѣхалъ въ Лондонъ, во главѣ революціонной делегаціи. Исторію мирныхъ переговоровъ 1921 года изложить въ краткомъ очеркѣ невозможно. Ллойдъ-Джорджъ съ первыхъ словъ предложилъ Ирландіи тѣ же права доминіона, которыми пользуется Канада. Собственно, это можно было сдѣлать и раньше, — нельзя понять, для чего велась кровавая гражданская война! Англія — страна политической мудрости; но въ этомъ ирландскомъ дѣлѣ она была не на должной высотѣ.

Разумѣется, Ллойдъ-Джорджъ велъ переговоры очень искусно, — переговоры его стихія. Когда надо было прельщать ирландцевъ выгодами соглашенія, выступалъ онъ самъ. Когда надо было грозить новой ожесточенной войной въ случаѣ разрыва переговоровъ, онъ выпускалъ Черчилля и Беркенхеда. Ему было отлично извѣстно, что у вождей ирланской революціи началось разногласіе: Гриффитъ и Коллинсъ готовы были принять англійское предложеніе. Де Валера, впрочемъ не безъ колебаній, отстаивалъ свое: не соглашаться ни на что, кромѣ полной независимости Ирландіи.

Остальное достаточно извѣстно. Разногласіе, искусно использованное Ллойдъ-Джорджемъ, превратилось въ расколъ. Гриффитъ и Коллинсъ, вопреки волѣ де Валеры, подписали договоръ съ Англіей. «Дауль Эрханъ», послѣ бурныхъ и ожесточенныхъ преній, утвердилъ этотъ договоръ большинствомъ 64 голосовъ противъ 57. Де Валера подалъ въ отставку. Его замѣнилъ, на посту президента, Гриффитъ. Англичане ушли изъ Ирландіи. Образовалось свободное ирландское государство.

Казалось бы, на этой страницѣ ирландской исторіи бомбы и революверы должны были бы изъ нея исчезнуть. Демократическія убѣжденія де Валеры требовали подчиненія волѣ ирландскаго парламента. Но, кромѣ демократическихъ убѣжденій, у него были бурный темпераментъ, необузданное честолюбіе, неограниченная вѣра въ свой геній. Де Валера поднялъ вооруженное возстаніе противъ правительства Гриффита и Коллинса, съ которыми его тѣсно связывали «святыя воспоминанія долгихъ лѣтъ освободительной войны».

Здѣсь исчезаютъ послѣдніе слѣды разума во всей этой ирраціональной исторіи. Демократическія убѣжденія и святыя воспоминанія были мгновенно забыты. Война между де Валерой и правительствомъ Гриффита-Коллинса велась совершенно такъ же, какъ ихъ прежняя общая война съ англичанами. Бомбы, револьверы, ограбленія, казни въ качествѣ методовъ борьбы, полная деморализація страны въ ея результатѣ. «Девъ совершенно сошелъ съ ума», — гово-

рилъ Гриффитъ о своемъ бывшемъ другѣ. Де Валера проповѣдовалъ «организованный хаосъ», предписывалъ систематически взрывать мосты, поѣзда, вокзалы, разстрѣливать членовъ правительства и ихъ сторонниковъ. Его приказы исполнялись, десятки и сотни видныхъ людей убивались безпощадно. Одной изъ первыхъ жертвъ новой гражданской войны палъ національный герой Коллинсъ. Этотъ ближайшій другъ де Валеры, устроившій когда-то его побѣгъ изъ тюрьмы, попалъ въ засаду и былъ убитъ «валеристами». Правительство отвѣчало массовыми разстрѣлами своихъ недавнихъ друзей. Гриффитъ умеръ отъ разрыва сердца какъ разъ тогда, когда въ Ирландіи возродились времена Black and Tans. Но обвинять больше иностраннаго завоевателя не приходилось. Англичане могли только издали наблюдать за событіями, вспоминая ироническія слова Гладстона о «двойной дозѣ первороднаго грѣха», выпавшей на долю ирландцевъ.

Войска преемниковъ Гриффита одержали верхъ. Де Валера сложилъ оружіе. Правительство не рѣшилось казнить бывшаго президента; онъ отдѣлался годомъ тюрьмы. Затѣмъ раскололись и собственные его сторонники; онъ основалъ новую партію и отъ большевистской практики перешелъ къ демократической теоріи, дожидаясь законной побѣды на выборахъ. Дѣло хорошее, но опять таки это рѣшеніе можно было бы принять нѣсколько раньше: вторая гражданская война была неизмѣримо безсмысленнѣе первой.

Теперь ирландскій народъ далъ на выборахъ большинство валеристамъ. Путь къ программѣ де Валеры, очевидно, шелъ черезъ программу Гриффита, — въ теоріи оба были правы. Не такъ ужъ достовѣрно, что отъ сторонниковъ федераціи можно откупиться автономіей, а отъ сторонниковъ независимости федераціей, — жизнь пересмотрѣла и этотъ распространенный взглядъ. Что будетъ дальше, мы не знаемъ. Разумъ всегда побѣждаетъ, — «la raison finit par avoir raison», — говорятъ французы. Бѣда въ томъ, что разуму не къ спѣху.

АЛЬФОНСЪ XIII

I.

Полное имя испанскаго короля: Альфонсъ — Леонъ — Фернандъ — Марія — Исидоръ — Паскуаль — Маркіанъ — Антоній; полный его титулъ занялъ бы нѣсколько страницъ. Достаточно сказать, что этотъ титулъ включаетъ въ себя двадцать шесть однихъ только королевскихъ коронъ, — кромѣ герцогскихъ, княжескихъ и разныхъ другихъ. Какъ всѣ историческіе титулы, онъ, въ значительной своей части, сталъ чистой фикціей. Попытка испанскихъ королей осуществить, на самомъ дѣлѣ, права, которыя имъ даетъ титулъ, привела бы, вѣроятно, Испанію къ войнѣ съ Франціей, Австріей, Англіей, Бельгіей, Италіей и Соединенными Штатами: Альфонсъ XIII былъ королемъ Бургундіи, Фландріи, Тироля, Іерусалима, Наварры, обѣихъ Сицилій, обѣихъ Индій и т. д.

По отцу Альфонсъ XIII — Бурбонъ, по матери —

Габсбургъ. Онъ, такимъ образомъ, можетъ считаться самымъ родовитымъ человѣкомъ на землѣ: въ немъ объединились двѣ древнѣйшія династіи Европы и въ родословномъ его древѣ числятся едва ли не всѣ вообще знаменитые монархи западной Европы за тысячу лѣтъ.

Попытки подвести основаніе подъ «бѣлую кость» и «синюю кровь» не выдерживаютъ ни исторической, ни біологической критики, — это достаточно извѣстно. Но еще всего лѣтъ сто тому назадъ понятіе «бѣлой кости» было одной изъ важнѣйшихъ соціально-политическихъ силъ въ мірѣ. «Порода — вотъ тяжелая промышленность семнадцатаго вѣка», — справедливо сказалъ тонкій французскій писатель. Съ той поры значеніе этой силы упало чрезвычайно. Однако, трудно было бы утверждать, что она совершенно перестала быть силой. Я за всю жизнь видѣлъ только двухъ людей, которые, имѣя безспорныя права на «породу», были къ этому не на словахъ только, а по настоящему вполнѣ равнодушны. Можно было бы показать (я, впрочемъ, этого обобщать не буду), что хорошо помнили о своемъ происхожденіи и знатные революціонеры, — и тѣ, которые «отказались отъ титула», какъ Рошфоръ (прежній), и тѣ, которые, напротивъ, лучше умерли бы, чѣмъ произнесли или подписали бы свое имя безъ дворянской частицы (какъ одинъ весьма извѣстный нѣмецкій соціалъ-демократъ). Интересный психологическій матеріалъ по этому вопросу могла бы дать и исторія русскихъ князей-демократовъ, отъ Одоевскаго до Кропоткина.

Анатоль Франсъ говорилъ: «On est toujours le bolchévique de quelqu'un». Съ большимъ правомъ можно было бы сказать: «On est toujours l'aristocrate de quelqu'un». Въ страшныхъ романахъ Марселя Пруста показывается условность аристократизма на всѣхъ его ступеняхъ. Членъ древней герцогской семьи Германтовъ не хочетъ имѣть дѣла съ Наполеоновской знатью. И точно такія же границы устанавливаютъ въ своей средѣ горничныя и кухарки Пруста. Нѣкоторое значеніе еще могли бы имѣть только самыя высшія — и, слѣдовательно, безотносительныя—ступени въ генеалогической классификаціи человѣчества. Я потому и касаюсь этой темы: то обстоятельство, что Альфонсъ XIII — самый родовитый человѣкъ на землѣ, конечно, имѣло большое значеніе въ его психологіи.

Затѣмъ другое. Онъ родился королемъ: какъ извѣстно, его отецъ умеръ до его рожденія. Если не ошибаюсь, это въ исторіи второй случай: королемъ съ минуты рожденія былъ еще Іоаннъ I, сынъ Людовика X, — онъ, впрочемъ, оставался королемъ пять дней. На первый взглядъ, казалось бы, не все ли равно: родиться ли монархомъ или наслѣдникомъ престола? Повидимому, это далеко не все равно. По крайней мѣрѣ, человѣкъ, очень хорошо знающій Альфонса XIII, говорилъ мнѣ, что характеръ короля былъ этимъ обстоятельствомъ предрѣшенъ.

II.

Очень многое въ маѣ 1886 года зависѣло для Испаніи отъ того, родится ли сынъ или дочь у вдовствующей королевы Маріи-Христины. При жизни короля Альфонса XII, у королевы родились три дѣвочки. Если-бъ дѣвочкой оказался и тотъ ребенокъ, котораго она ждала послѣ смерти короля, то это означало бы въ будущемъ прекращеніе въ прямой линіи династіи Бурбоновъ и царствованіе старшей дочери королевы. За послѣднее столѣтіе до того въ Испаніи было три правленія женщинъ, и они оставили по себѣ не слишкомъ добрую память.

Въ этотъ день, 17 мая 1886 года, еще съ утра, до рожденія короля, особыми герольдами были вызваны во дворецъ члены правительства, дипломатическій корпусъ, высшіе чины двора, гранды Испаніи. Огромная толпа собралась на площади передъ королевскимъ дворцомъ. Газеты сообщили, что если родится принцесса, сигнальная пушка произведетъ пятнадцать выстрѣловъ, а если родится король, то двадцать одинъ выстрѣлъ. По словамъ очевидца-француза, волненіе во дворцѣ и на площади было необычайное. «У всѣхъ было сознаніе того, что участь Испаніи связана съ ожидавшимся событіемъ. Это волненіе дошло до крайняго предѣла, когда въ первомъ часу начала стрѣлять пушка. Послѣ шестнадцатаго выстрѣла толпа разразилась бѣшеными рукоплесканіями».

Съ этой же минуты вступилъ въ силу пышный старинный испанскій церемоніалъ, подобнаго которому не знаетъ, кажется, ни одна страна. Старшая фрейлина королевы, герцогиня Медина де ла Торре, положила младенца на бархатную подушку, накрыла кисеей и на золотомъ блюдѣ, спеціально для этого предназначенномъ съ незапамятныхъ временъ, вынесла Альфонса XIII въ тронный залъ, гдѣ собрались приглашенныя герольдами лица. По церемоніалу, министръ-президентъ Сагаста приблизился къ фрейлинѣ, поднялъ кисею и сказалъ: «Да здравствуетъ король!» Вслѣдъ за нимъ къ блюду подошелъ глава оппозиціи Кановасъ дель Кастилло. Онъ тоже долженъ былъ что-то произнести. Но при видѣ главы оппозиціи новорожденный вдругъ заплакалъ. Люди, мистически настроенные, могутъ усмотрѣть въ этомъ предзнаменованіе.

Имя было дано новому королю послѣ очень долгихъ споровъ и колебаній. И Габсбурги, и Бурбоны не хотѣли имени Альфонса, такъ какъ съ нимъ неизбѣжно было бы связано зловѣщее число тринадцать. Предлагали назвать новорожденнаго Фердинандомъ. Но королева считала своимъ долгомъ передъ памятью мужа дать сыну его имя. Желаніе королевы восторжествовало. Второе имя королю было дано въ честь папы Льва XIII. Очень тщательно были обдуманы и всѣ другія его имена.

Такъ появился на свѣтъ король Альфонсъ XIII.

III.

Объ его воспитаніи существуетъ цѣлая литература. У короля было три воспитателя, епископъ Кардона, генералы Санчесъ и Агуирре де Техада. Общее руководство его образованіемъ взялъ на себя извѣстный ученый, профессоръ Сантамаріа де Паредесъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія.

Волей судьбы, скрещеніе двухъ родовъ, которые могли считаться утомленными своей тысячелѣтней исторіей, дало очень одареннаго ребенка. На этомъ сходятся почти всѣ, писавшіе о королѣ Альфонсѣ XIII. Не буду повторять многочисленныхъ анекдотовъ объ его дѣтствѣ, вродѣ того, что онъ, четырехъ лѣтъ отроду, въ отвѣтъ на замѣчанія воспитателей, гордо ихъ спрашивалъ: «Кто король? Вы или я?», а нѣсколько постарше, протестуя противъ воспитательныхъ мѣръ матери, кричалъ: «Да здравствуетъ республика!» Воспитывался Альфонсъ XIII въ своеобразныхъ условіяхъ. Достаточно сказать, что ему шелъ второй годъ, когда онъ въ первый разъ, съ трибуны парламента, — правда тоже на бархатной подушкѣ и на золотомъ блюдѣ, — «открылъ сессію Кортесовъ».

Учился король прилежно. Онъ прошелъ дома общій курсъ лицея, военной Академіи, юридическаго факультета, прекрасно владѣетъ иностранными языками, перевелъ на испанскій языкъ оды Горація. Проф. Сантамаріа де Паредесъ разсказываетъ, что, желая сдѣлать ему пріятный сюрпризъ, Альфонсъ XIII пятнад-

цати лѣтъ выучилъ наизусть испанскую конституцію. Текстъ конституціи 1876 года составляетъ около тридцати печатныхъ страницъ и, по словамъ профессора, король — единственный человѣкъ въ мірѣ, знающій его наизусть. Впослѣдствіи, въ парламентскій періодъ царствованія Альфонса XIII, его любимое удовольствіе заключалось въ томъ, чтобы на засѣданіяхъ правительства, происходившихъ подъ его предсѣдательствомъ, ловить министровъ на недостаточномъ знакомствѣ съ конституціей.

Въ 1902 году шестнадцатилѣтній Альфонсъ XIII былъ признанъ совершеннолѣтнимъ. Связанныя съ этимъ торжества тоже происходили по древнему церемоніалу временъ Карла V. Въ выпущенной о нихъ книгѣ любители старины найдутъ интереснѣйшія страницы. Корона, скипетръ, мантія, драгоцѣнности, кареты, ковры, — все это какимъ-то чудомъ сохранилось въ Мадридѣ, послѣ разныхъ государственныхъ переворотовъ, которыми такъ богата исторія Испаніи.

Одинъ изъ испанскихъ историковъ лѣтъ десять тому назадъ съ преждевременнымъ удовлетвореніемъ писалъ, что царствованіе Альфонса XIII — первое въ новѣйшей испанской исторіи, не знавшее никакихъ революцій. Въ самомъ дѣлѣ, въ Испаніи за послѣднее столѣтіе нѣсколько разъ перемѣнилась династія. На смѣну Бурбонамъ пришелъ король изъ семьи Бонапартовъ, затѣмъ снова воцарились Бурбоны. Потомъ неожиданно появился на престолѣ итальянскій принцъ Савойскаго дома. Была нѣкоторое время въ Испаніи и республика, наконецъ, вернулись опять Бурбоны. При

такихъ условіяхъ того благоговѣнія передъ царствующимъ домомъ, какое есть въ Англіи, какое было въ Россіи, въ Испаніи ждать было бы трудно. Поэтому огромная популярность, окружавшая юнаго Альфонса XIII, въ значительной мѣрѣ должна быть признана его собственной заслугой. Французскій писатель написалъ о немъ въ свое время книгу «Un roi bien-aimé». Содержаніе этой книги, видное изъ ея заглавія, не было пустой оффиціальной словесностью.

Король — умный и даровитый человѣкъ, но онъ, прежде всего, — charmeur. Это говорили мнѣ люди, отнюдь къ нему не расположенные. О личномъ обаяніи Альфонса XIII писали и его враги, — правда, не всѣ; Бласко-Ибаньесъ, напримѣръ, другого мнѣнія, но онъ, по собственнымъ его словамъ, никогда съ королемъ не встрѣчался. Я просилъ своихъ собесѣдниковъ болѣе точно опредѣлить характеръ обаянія Альфонса XIII и получалъ указанія на его умъ, любезность и простоту обращенія: «онъ испанецъ до мозга костей и въ совершенствѣ владѣетъ жаргономъ севильскихъ торреадоровъ». Отвѣты были различные и по характеру, и по цѣнности. Но въ одномъ сходились почти всѣ: «c'est un charmeur».

Король зналъ наизусть конституцію; онъ, кромѣ того, и строго ее соблюдалъ, — что значительно важнѣе. Правда, въ недавно появившихся воспоминаніяхъ одного изъ испанскихъ министровъ сообщается о нѣкоторыхъ выходкахъ въ духѣ Людовика XIV, которыя изрѣдка себѣ позволялъ король Альфонсъ чуть ли не шестнадцати лѣтъ отроду. Это возможно и

правдоподобно. Однако, за горделивыми фразами юноши, не получившими тогда и огласки, оставался безспорный фактъ: правила парламентской игры соблюдались въ Испаніи до 1923 года такъ же строго, какъ, напримѣръ, въ Англіи (хотя, конечно, игра шла хуже и давала менѣе блестящіе результаты). Либералы свергали консерваторовъ, консерваторы свергали либераловъ, въ обоихъ случаяхъ король вызывалъ во дворецъ разныхъ парламентскихъ дѣятелей, совѣтовался съ ними, и, посовѣтовавшись, поручалъ одному изъ нихъ составленіе кабинета, — впредь до другого сходнаго эпизода. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ король Альфонсъ былъ даже новаторомъ.

Такъ, въ январѣ 1913 года, при образованіи кабинета графа Романонеса, король вызвалъ на совѣщаніе, въ числѣ другихъ партійныхъ вождей, лидера республиканско-соціалистическаго союза Азкарате. Это въ ту пору, кажется, нигдѣ принято не было. И теперь президентъ французской республики, выполняя однообразныя формальности средняго, нормальнаго правительственнаго кризиса (отъ пяти до десяти минутъ бесѣды съ десяткомъ всегда однихъ и тѣхъ же людей), не позоветъ во дворецъ для совѣщанія депутата-монархиста: вѣдь и Леонъ Додэ былъ долгое время членомъ палаты. Да и соціалистовъ въ такихъ случаяхъ зовутъ во дворцы лишь со времени войны. Во время этой аудіенціи король сказалъ Азкарате, что отнынѣ намѣренъ постоянно по всѣмъ серьезнымъ дѣламъ совѣтоваться не только съ монархистами, но и съ республиканцами и съ соціалистами, такъ какъ они

тоже выражаютъ испанское общественное мнѣніе. «Я себя разсматриваю, какъ президента республики», — добавилъ король. Эта бесѣда въ свое время надѣлала много шума не только въ Испаніи. Еще раньше глава республиканской партіи заявилъ, что его партія вести борьбу противъ Альфонса XIII не предполагаетъ. Другой виднѣйшій политическій дѣятель (Дато) въ разговорѣ съ французскими журналистами сказалъ, что главной соціально-политической силой Испаніи онъ считаетъ ея молодого короля.

Естественно возникаетъ вопросъ: почему человѣкъ, двадцать лѣтъ строго исполнявшій, съ большимъ умомъ и тактомъ, свои обязанности конституціоннаго монарха, неожиданно перешелъ къ диктатурѣ? Я задавалъ этотъ вопросъ всѣмъ испанскимъ политическимъ дѣятелямъ, съ которыми мнѣ приходилось разговаривать.

Республиканскіе дѣятели отвѣчали въ одинъ голосъ: король боялся отвѣтственности за военныя неудачи въ Марокко. Существовали письменныя доказательства того, что онъ лично отдавалъ военные приказы генералу Сильвестру, имѣвшіе самые плачевные результаты. Эти документы могли быть оглашены въ слѣдственной комиссіи Кортесовъ. Поэтому королю не оставалось ничего, кромѣ диктатуры.

Монархическіе дѣятели отвѣчали не менѣе единодушно: парламентская жизнь въ Испаніи совершенно выродилась къ 1923 году. Всѣ комбинаціи были испробованы, дѣла шли изъ рукъ вонъ плохо. Коррупція, «кацикизмъ», партійная грызня достигли небыва-

лыхъ предѣловъ. Поэтому королю не оставалось ничего, кромѣ диктатуры.

Не могу сказать, чтобы эти отвѣты меня удовлетворяли. Отвѣтственность за Марокко? Едва ли эта отвѣтственность могла быть особенно тяжкой по послѣдствіямъ. Такія ли бывали на нашихъ глазахъ военныя неудачи, и такія ли еще обвиненія, — не за неудачи, а за катастрофы, — возводились въ 1914—1918 гг. въ разныхъ странахъ на штатскихъ президентовъ, канцлеровъ и министровъ, — король же вдобавокъ и по конституціи былъ верховнымъ вождемъ всѣхъ вооруженныхъ силъ государства. Что могло произойти? Въ крайнемъ случаѣ, слѣдственная комиссія Кортесовъ въ почтительной формѣ поставила бы на видъ королю его неудачное вмѣшательство въ военныя дѣла. Рискъ, связанный съ введеніемъ диктатуры, былъ нѣсколько больше, — дѣло кончилось потерей трона, а могло стоить королю и жизни. Какъ умный человѣкъ, онъ, вѣроятно, хорошо это понималъ. Къ тому же, диктатура отнюдь не зажала рта обладателямъ грозныхъ документовъ: о военныхъ приказахъ короля уже давно говоритъ вся Испанія.

Не лучше и второй отвѣтъ, вдобавокъ чрезвычайно банальный: во всѣ времена установленіе диктатуры оправдывалось именно такъ, — паденіемъ политическихъ нравовъ, коррупціей, грызней партій, и т. д. Дѣла въ Испаніи до 1923 года отнюдь не были въ катастрофическомъ состояніи, и едва ли диктатура очень улучшила испанскіе политическіе нравы, — это вообще не ея дѣло.

Къ вопросу о конституціонной монархіи и о единоличной власти обычно подходятъ только съ политической точки зрѣнія, — что вполнѣ естественно. Не исключается, однако, возможность и другого подхода. За схемами есть вѣдь люди; кромѣ государственнаго права и логики, существуетъ на свѣтѣ еще психологія.

IV.

Очень трудно понять психологію человѣка, которому, въ сущности, отъ рожденія нечего желать. Право и возможность выбора изъ жизни испанскаго монарха были изъяты почти нацѣло. Едва ли не все въ его судьбѣ, въ его дѣлахъ, было предопредѣлено конституціей, традиціями, этикетомъ; ни отъ чего отступить нельзя было ни на шагъ даже въ повседневномъ времяпровожденіи. Этикетъ, соблюдаемый такъ, какъ онъ соблюдался въ Испаніи, — очень тяжелое бремя. Въ былыя времена за него человѣкъ вознаграждался властью; Людовикъ XIV могъ говорить о своемъ «чудесномъ ремеслѣ короля» («mon délicieux métier de roi»). Теперь этого нѣтъ. Не надо умиляться ни надъ той, ни надъ другой стороной блестящей исторической медали. Назвать же чудесными жизнь и ремесло Альфонса XIII могло бы только бѣдное воображеніе.

Вскорѣ послѣ своего вступленія на престолъ король Альфонсъ отправился путешествовать за-грани-

цу. Первый визитъ его былъ во Францію. Тогда и начался долгій романъ короля съ Парижемъ, послѣдней главой котораго оказалась недавняя овація у Ліонскаго вокзала. По случайности, я былъ свидѣтелемъ въѣзда въ Парижъ юнаго Альфонса XIII и живо помню благодушную, почтительно-веселую встрѣчу, устроенную парижанами девятнадцатилѣтнему монарху. Характерной для этой встрѣчи была картинка, появившаяся въ юмористическомъ журналѣ: «Послѣ визита къ президенту». На перронѣ Елисейскаго Дворца огромный швейцаръ оретъ: «Подать карету Его Величества!» (тогда еще ѣздили въ каретахъ), — къ перрону подкатываетъ дѣтская игрушечная колясочка, съ козликомъ въ упряжкѣ. Парижане обожаютъ королей — чужихъ, — это всѣмъ извѣстно. Тогда особенно ихъ умиляла юность короля Альфонса XIII. Кажется, онъ и самъ на этомъ немного игралъ. Явилась привѣтствовать короля делегація французскихъ студентовъ, — Альфонсъ XIII принялъ ее дружественно, по товарищески, и заявилъ, что изъ всѣхъ своихъ титуловъ больше всего гордится званіемъ студента: онъ, дѣйствительно, былъ разъ въ жизни (незадолго до того) въ Мадридскомъ Университетѣ и прослушалъ тамъ двѣ лекціи, при чемъ, какъ нарочно, выбралъ аудиторіи профессоровъ республиканцевъ[1]).

Иллюстрированныхъ картинокъ, посвященныхъ пребыванію короля въ Парижѣ, а затѣмъ въ другихъ странахъ, появилось великое множество. Вообще ни

[1]) Del Olmet y Caraffa. Alfonso XIII, т. 1, стр. 348.

одинъ человѣкъ на землѣ, за исключеніемъ Вильгельма II, не занималъ собой такъ много и такъ долго юмористическіе журналы всего свѣта, какъ испанскій король (въ печати появилась большая и, конечно, неполная коллекція относящихся къ нему каррикатуръ, озаглавленная «Европейскій jeune-premier»). Рисунокъ, о которомъ я говорилъ выше, былъ, конечно, незлобивый и приличный. О многихъ другихъ иллюстраціяхъ никакъ этого не скажешь, — особенно о тѣхъ, что относятся къ парижскимъ юношескимъ похожденіямъ короля, и, нѣсколько позднѣе, къ его женитьбѣ: трудно себѣ представить болѣе грубое и непристойное вторженіе въ личную жизнь ни въ чемъ неповиннаго человѣка. Это черта, которую нельзя обойти въ психологическомъ очеркѣ: во времена Людовика XIV, формы его быта и «ремесла» могли разсчитывать на всеобщій почетъ, — были разныя гарантіи такого почета, вплоть до отрѣзанія языка. Въ Англіи эти гарантіи еще и теперь прочно основываются, если не на законѣ, то на силѣ обычая. Въ другихъ странахъ положеніе парадоксальное: формы остались прежнія, но гарантій больше нѣтъ никакихъ.

Король женился въ 1906 году на принцессѣ Баттенбергской. Для него съ дѣтскихъ лѣтъ намѣчались двѣ невѣсты: одна австрійская эрцгерцогиня, другая принцесса изъ дома Бурбоновъ. Но обѣ эти партіи были отвергнуты изъ опасенія слишкомъ близкаго родства. Тогда возникла кандидатура англійской принцессы Патриціи Коннаутской. Къ этому плану въ Мадридскомъ дворцѣ первоначально отнеслись холодно:

женитьба на протестантской принцессѣ изъ не очень давней и не очень знатной великобританской династіи казалась не слишкомъ блестящей для самаго родовитаго человѣка въ мірѣ. Однако, испанское правительство держалось другого взгляда. Вопросъ о вѣрѣ былъ улаженъ: принцесса согласилась перейти въ католичество. Король отправился въ Англію и женился на британской принцессѣ, но не на той: на балу во дворцѣ онъ познакомился съ красавицей принцессой Баттенбергской и предложилъ ей руку и сердце, получивъ на это согласіе матери и правительства.

Свадьба состоялась въ Мадридѣ 31 мая 1906 года и была отпразднована съ необыкновенной пышностью, по тому же старинному церемоніалу. Въ третьемъ часу дня, послѣ вѣнчанія, кортежъ новобрачныхъ двинулся изъ церкви во дворецъ. Первая изъ сотни каретъ уже подошла ко дворцу; экипажъ новобрачныхъ, слѣдовавшій въ срединѣ поѣзда, еще находился на улицѣ Майоръ. Въ это время къ открытому окна дома № 88 подошелъ молодой человѣкъ съ огромнымъ букетомъ цвѣтовъ. Когда бѣлая карета короля, окруженная отрядомъ конной гвардіи, поровнялась съ домомъ, молодой человѣкъ бросилъ на нее свой букетъ. Раздался оглушительный взрывъ. Въ букетѣ былъ взрывчатый снарядъ чудовищной силы. Это одинъ изъ самыхъ страшныхъ террористическихъ актовъ въ исторіи: убито было тридцать семь человѣкъ, изувѣчено болѣе ста. По случайности, букетъ анархиста задѣлъ телефонную проволоку и уклонился отъ цѣли: король и королева остались цѣлы, только под-

вѣнечное платье королевы было густо залито кровью: въ карету влетѣла оторванная снарядомъ голова трубача-гвардейца. Королева впала въ глубокій обморокъ, — она въ Англіи не привыкла къ такимъ дѣламъ. Король сохранилъ хладнокровіе: для него покушенія и въ ту пору уже не были новинкой.

Бомбу бросилъ анархистъ Матео Морраль. Въ его побужденіяхъ какая-то мрачная любовная исторія странно сочеталась съ анархическими принципами. Въ смятеніи, охватившемъ улицу Майоръ послѣ взрыва, террористу удалось скрыться. Другой квартиры у него не было; не было ни сообщниковъ, ни денегъ. Примѣты его полиція знала, — онъ давно былъ у нея на счету. Пойти въ гостиницу онъ не могъ. Изъ этого положенія Морраль нашелъ своеобразный выходъ. Побродивъ до вечера по улицамъ, онъ затѣмъ отправился въ редакцію одной газеты, — газета была очень лѣвая, но связей съ ней у Морраля никакихъ не было. Онъ попросилъ редактора Накенса принять его. Оставшись наединѣ съ редакторомъ, Морраль представился: «Я тотъ самый человѣкъ, что сегодня днемъ бросилъ бомбу въ карету короля. Вы можете выдать меня полиціи, но помните, я вашъ гость!» Слова эти произвели надлежащее дѣйствіе. Редакторъ позволилъ анархисту переночевать, а на слѣдующее утро далъ ему денегъ на желѣзнодорожный билетъ во Францію. Въ дорогѣ Морраля по примѣтамъ призналъ полицейскій агентъ и пытался его задержать. Морраль выхватилъ изъ кармана браунингъ, застрѣлилъ агента, а затѣмъ покончилъ съ собой. Накенсъ же былъ арестованъ и

присужденъ къ девяти годамъ тюрьмы! Черезъ два года его выпустили на свободу.

Покушеній на жизнь Альфонса XIII было вообще довольно много. Такъ, за годъ до войны, когда король проѣзжалъ верхомъ по одной изъ Мадридскихъ улицъ, къ нему подошелъ анархистъ Санчесъ Аллегре и три раза, съ четырехъ шаговъ разстоянія, выстрѣлилъ въ него изъ револьвера. Король и на этотъ разъ проявилъ замѣчательное самообладаніе: увидѣвъ наведенный на него револьверъ, онъ мгновенно поднялъ на дыбы лошадь, — всѣ три пули попали въ нее. Это покушеніе произошло вскорѣ послѣ упомянутой выше бесѣды короля съ Азкарате и вызвало особенное негодованіе въ лѣвыхъ кругахъ. Лидеръ республиканско-соціалистическаго блока пріѣхалъ во дворецъ и просилъ передать королю его искреннее сочувствіе.

V.

Бомба, брошенная Матео Морралемъ въ свадебный поѣздъ испанскаго короля, имѣла косвенныя и отдаленныя послѣдствія, надѣлавшія въ мірѣ гораздо больше шума, чѣмъ самое покушеніе. Слѣдствіе выяснило, что, за три года до своего дѣла, Морраль служилъ въ книгоиздательствѣ, во главѣ котораго стоялъ Францискъ Ферреръ.

Теперь это имя забыто. Но было время, когда его

съ волненіемъ повторялъ буквально весь міръ. Ферреръ былъ замѣчательный человѣкъ. Словомъ «идеалистъ» съ давнихъ поръ злоупотребляютъ, — нѣкій иностранный публицистъ, повидимому, человѣкъ освѣдомленный и умница, недавно назвалъ идеалистомъ Литвинова. Однако, изъ злоупотребленій пріѣвшимся словомъ еще никакъ не слѣдуетъ, что ему ничто въ жизни не соотвѣтствуетъ. Францискъ Ферреръ, посвятившій себя народному образованію и создавшій «свободную школу», тоже давнымъ давно забытую, былъ идеалистомъ, въ самомъ настоящемъ смыслѣ слова. По складу ума и характера, онъ нѣсколько напоминалъ П. А. Кропоткина, взглядовъ держался радикальныхъ и восторженныхъ, а по натурѣ былъ человѣкъ умѣренный и кроткій. Такимъ людямъ не слѣдуетъ жить очень долго, ибо на старости къ нимъ можетъ быть отнесено мудрое слово Апокалипсиса: «Но имѣю противъ тебя то, что ты оставилъ первую любовь твою». Въ русскомъ князѣ-анархистѣ за страшными словами скрывался добрый (очень добрый) кадетъ, — да собственно съ 1914 года больше и не очень скрывался: Кропоткинъ вѣдь со времени войны свой анархизмъ извлекалъ на свѣтъ Божій рѣдко, только въ торжественныхъ случаяхъ.

Ферреру до старости дожить не довелось. По причинамъ, на которыхъ останавливаться не стоитъ, его ненавидѣли всѣ испанскіе реакціонеры. Онъ былъ оправданъ по дѣлу Морраля, — трудно было осудить человѣка за то, что работавшій когда-то въ его книгоиздательствѣ служащій совершилъ тяжкое преступле-

ніе. Но нѣсколько позднѣе, въ связи съ очередными безпорядками въ Барселонѣ, Феррера снова арестовали и предали суду, который безъ всякой вины приговорилъ его къ смертной казни. Францискъ Ферреръ былъ разстрѣлянъ 13 октября 1909 года. Его процессъ и казнь вызвали въ Европѣ всеобщее бурное, вполнѣ заслуженное негодованіе.

Дѣло было возмутительное, что и говорить. Но теперь, послѣ дѣлъ, творящихся въ Россіи уже четырнадцать лѣтъ, и при достаточно выяснившемся отношеніи къ нимъ «цивилизованнаго міра», съ горькой усмѣшкой перечитываешь старыя изданія, въ которыхъ описывается откликъ европейскаго общественнаго мнѣнія на казнь Франциска Феррера. Англійскія, французскія, нѣмецкія газеты — и соціалистическія, и либеральныя, и даже консервативныя, — печатали изо дня въ день громовыя статьи. Во всѣхъ столицахъ Европы, при переполненныхъ залахъ, шли митинги протеста. Надъ народными домами были подняты траурные флаги. Знаменитые писатели, во главѣ съ Анатолемъ Франсомъ, подписывали воззванія. Въ Бельгіи постановлено было бойкотировать испанскіе товары. Сходныя постановленія принимались въ другихъ странахъ. Всего больше волновалась либеральная Италія. Итальянскіе муниципалитеты вынесли резолюцію о «гнусной попыткѣ раздавить вѣчные принципы свободной мысли и свободнаго человѣческаго слова». Итальянскіе рабочіе забастовали. Въ Пизѣ магазины закрылись, вывѣсивъ надпись: «Закрыто по случаю

міровового траура». Много улицъ было названо именемъ Франциска Феррера.

Какъ онѣ называются теперь? И всѣ ли будущіе диктаторы приняли тогда участіе въ манифестаціяхъ, связанныхъ съ покушеніемъ на свободное человѣческое слово? Пролилъ ли, напримѣръ, слезу гуманный Талаатъ? Что писалъ Ленинъ? На какомъ митингѣ говорилъ Троцкій? Читалъ ли Дзержинскій рефератъ о новомъ звѣрствѣ испанской буржуазіи? Закрылъ ли, по случаю мірового траура, свою лавку молодой Бэла Кунъ? Перебирая эти странныя воспоминанія, я невольно съ изумленіемъ себя спрашиваю: было это или не было? И какъ же это объяснить? Неужели тогда было обманомъ все по всей линіи — отъ Анатоля Франса до лавочниковъ Пизы? Или за два десятилѣтія, правда, довольно обильныя событіями, человѣчество такъ далеко ушло впередъ?

Добавлю однако, что главное негодованіе Европы, въ связи съ дѣломъ Феррера, было направлено не противъ короля, а противъ правительства Испаніи. Министръ-президентъ Маура отказался представить королю предложеніе о помилованіи Феррера. Альфонсъ XIII сослался на долгъ конституціоннаго монарха, запрещавшій ему дѣйствовать наперекоръ волѣ парламентскаго правительства. Вдобавокъ, было достаточно ясно, что прямой расчетъ предписывалъ испанскому королю помилованіе. Со всѣмъ тѣмъ, отношеніе Европы къ королю Альфонсу XIII нѣсколько перемѣнилось. Больше о немъ никто не писалъ книгъ «Un roi bien-aimé».

Потомъ дѣло Феррера было забыто. Началась міровая война. Король Альфонсъ велъ себя весьма осторожно. Французы считали его франкофиломъ, нѣмцы германофиломъ, — должно быть, за исключеніемъ очень освѣдомленныхъ французовъ и нѣмцевъ, которые могли считать его только ловкимъ политикомъ. «Двуличіе» короля впослѣдствіи разоблачилъ Бласко Ибаньесъ въ своемъ памфлетѣ, мѣстами сильномъ и убѣдительномъ, мѣстами грубомъ и смѣшномъ. Въ этомъ разоблаченіи есть и нѣкоторая доля наивности. Почти всѣ виды нейтралитета въ пору войны прикрывали приблизительно одно и то же. Испанія въ 1914-18 годахъ дѣлала золотыя дѣла. Король Альфонсъ XIII, вдобавокъ никогда не клявшійся въ вѣрности до гроба ни той, ни другой коалиціи, началъ давать уроки реальной политики лѣтъ на десять раньше, чѣмъ, напримѣръ, идеалисты изъ Второго Интернаціонала, которые впервые стыдливо поснимали съ себя фиговые листочки лишь послѣ войны, когда дѣло коснулось Россіи. Альфонсъ XII имѣетъ передъ ними одно безспорное преимущество: онъ хоть не твердилъ десятилѣтіями о своемъ идеализмѣ.

VI.

Здѣсь, въ психологическомъ этюдѣ, по старинному обычаю біографовъ, надо было бы отмѣтить, что въ королѣ «медленно назрѣвалъ кризисъ», или, что

въ немъ «шла внутренняя эволюцiя», — это собственно можно всегда сказать едва ли не о любомъ человѣкѣ, безъ большого риска ошибиться. Менѣе элементарный психологическiй анализъ, вѣроятно, обнаружилъ бы одновременное существованiе двухъ мiровъ въ душѣ одного человѣка. Былъ умный, либеральный, современный король, искусно и тактично выполнявшiй свое конституцiонное ремесло. И былъ другой человѣкъ, послѣднiй Бурбонъ-Габсбургъ, тяготившiйся безвластной фикцiей правленiя, въ душѣ ненавидѣвшiй и презиравшiй конституцiю, либерализмъ, все современное, а иногда и проговаривавшiйся о своихъ затаенныхъ чувствахъ. Либеральный король, напримѣръ, очень любезно принималъ у себя во дворцѣ заѣзжихъ новыхъ богачей изъ Аргентины, Чили или Мексики, восторгался «Заатлантической Испанiей» и дарилъ свои фотографiи очарованнымъ гостямъ. Тотъ другой человѣкъ съ презрѣнiемъ называлъ этихъ людей «индѣйцами» и говорилъ, что за ихъ нарядами, за драгоцѣнностями ихъ дамъ ему представляются продѣтыя въ носъ кольца и подвязанные къ поясу скальпы. Либеральный король безпрекословно подписывалъ бумаги, которыя подавали ему министры изъ парламентскихъ дѣятелей. Тотъ другой думалъ (а гораздо позднѣе и сказалъ), что, за нѣкоторыми исключенiями, его министры были мошенники, да вдобавокъ въ большинствѣ и дураки. Либеральный король разсматривалъ себя, какъ президента республики. Тотъ другой въ душѣ вынашивалъ (и впослѣдствiи, въ пору диктатуры, въ знаменитой рѣчи передъ папой высказалъ)

чисто-средневѣковую философско-политическую доктрину, отъ которой не отказался бы ни одинъ изъ первыхъ Бурбоновъ и ни одинъ изъ первыхъ Габсбурговъ. Въ видимый міръ внезапно врывается міръ невидимый, человѣкомъ овладѣваетъ страстное желаніе поиграть въ другую игру. Біографы поэтовъ это называютъ кризисомъ и обычно толкуютъ съ почтительнымъ одобреніемъ. Въ политикѣ это называется перемѣной взглядовъ и только терпится очень строгими людьми.

Бранить политическаго дѣятеля за перемѣну взглядовъ занятіе весьма праздное, явно требующее избытка свободнаго времени. Обычно перемѣна взглядовъ почти не останавливаетъ и вниманія. Вотъ, напримѣръ, если бы Ганди сталъ биржевикомъ или Ллойдъ-Джорджъ генераломъ ордена іезуитовъ, это еще могло бы поразить лѣнивое человѣческое воображеніе. Кинематографическаго пріема au ralenti политическая мысль не пріемлетъ.

Думаю, что біографія Альфонса XIII можетъ быть понята такъ. Человѣкъ, по природѣ умный, энергичный и страстный, отъ рожденія поставленъ въ такія условія, при которыхъ желать ему для себя нечего: въ своей судьбѣ онъ ничего измѣнить не можетъ. Личная жизнь его связана строжайшимъ этикетомъ, и, вдобавокъ, открыта улицѣ. Божескія почести — и грубѣйшія каррикатуры. Ритуалъ временъ Карла V — и кровавыя покушенія. Въ пеленкахъ, на золотомъ блюдѣ, открылъ Кортесы, — и такъ открывай ихъ до смерти. Подписывай бумаги, не входя въ ихъ обсуж-

деніе. Произноси рѣчи, составленныя другими. При консервативномъ правительствѣ, — «я принялъ рѣшеніе», при либеральномъ правительствѣ, тоже — «я принялъ рѣшеніе» (прямо противоположное). Гастонъ Думергъ, гораздо менѣе скованный этикетомъ и, вдобавокъ, ни разу не подвергавшійся террористическимъ покушеніямъ, черезъ семь лѣтъ поблагодарилъ депутатовъ, обѣщавшихъ ему вторичное избраніе, — довольно и семи лѣтъ выставокъ по куроводству и банкетовъ муниципальной гвардіи. Я не хочу сказать, что это выше человѣческихъ силъ. Есть люди, которые всю жизнь такъ живутъ, — тихо, скромно, съ достоинствомъ. Достаточно назвать хотя бы нынѣшняго англійскаго короля. Его бабка еще не мирилась съ этой жизнью[1]). Король Альфонсъ XIII терпѣлъ ее тридцать лѣтъ, потомъ другой міръ прорвался. Въ психологическомъ отношеніи, испанская диктатура — бунтъ человѣка, изъ котораго жизнь дѣлала «роботъ». Усложненіе политической обстановки, война въ Марокко, неудачные военные приказы короля, мелочная борьба партій, все это могло ускорить дѣло. Вдобавокъ, результаты двадцатилѣтней политики примиренія оказывались не очень утѣшительными: король го-

[1]) Литтонъ Стрэчей въ своей книгѣ «Queen Victoria» разсказываетъ (по личному сообщенію одного изъ министровъ Гладстона), какъ королева писала первому министру длинныя, страстныя, иногда рѣзкія письма съ наставленіями по поводу политическихъ дѣлъ. Гладстонъ холодно-торжественно оглашалъ эти письма на засѣданіяхъ кабинета. Министры слушали въ глубокомъ молчаніи. Затѣмъ, послѣ небольшой паузы, первый министръ переходилъ къ очереднымъ дѣламъ, не допуская ни одного слова преній, — какъ если бы никакого письма не было.

ворилъ, что разсматриваетъ себя, какъ президента республики, а на улицѣ въ него палили изъ револьвера, и угроза бомбы всегда висѣла надъ нимъ, надъ его женой, надъ его дѣтьми. Могли сказаться и настроенія Пушкинскаго Бориса: «Грабь и казни, — тебѣ не будетъ хуже».

VII.

Политическія дѣла Испаніи не были катастрофическими въ 1923 году, однако, и блестящими ихъ назвать было бы весьма трудно. Историкъ, очень враждебный диктатурѣ, такъ опредѣляетъ положеніе дѣлъ передъ переворотомъ: «Правители безъ идеала и народъ безъ вѣры стояли передъ пятью важнѣйшими проблемами: Марокккская война, терроризмъ, сепаратизмъ, бюджетный дефицитъ и паденіе дисциплины въ арміи». Во главѣ правительства находился маркизъ Альхусемасъ, о политическихъ способностяхъ котораго и друзья были не слишкомъ высокаго мнѣнія.

Въ это время и появился новый человѣкъ. Большая публика еще мало его знала въ ту пору, хотя о немъ давно говорили и въ политическихъ и, особенно, въ военныхъ кругахъ. Донъ Мигуель Примо де Ривера-и-Орбанеха уже былъ далеко не молодой человѣкъ: ему шелъ пятьдесятъ третій годъ. Въ прошломъ за нимъ значилась блестящая военная карьера: онъ былъ капитаномъ двадцати трехъ лѣтъ отроду,

а полковникомъ двадцати восьми. Недоброжелатели утверждали, что столь быструю карьеру ему обезпечила протекція его дяди-фельдмаршала. Однако, вся молодость Примо де Ривера прошла на войнѣ, въ Мелиллѣ, на Кубѣ, опять въ Африкѣ. Онъ былъ раненъ въ битвѣ при Кертѣ и произведенъ въ генералы на полѣ сраженія. Имѣлъ онъ и много боевыхъ отличій, въ томъ числѣ особенно цѣнимый въ Испаніи, связанный съ пенсіей, красный крестъ Ордена Военной Заслуги.

Генералъ давно позволялъ себѣ разныя вторженія въ политику. У гражданской власти, какъ консервативной, такъ и либеральной, онъ былъ на дурномъ счету. Его считали очень безпокойнымъ человѣкомъ. Обладая даромъ слова и бойкимъ перомъ, онъ выступалъ съ рѣчами оппозиціоннаго характера, писалъ статьи въ газетахъ, полемизировалъ съ Унамуно и ругалъ правительственную политику. Несмотря на его большія связи въ аристократическомъ кругу, Примо де Ривера два раза увольняли отъ должностей — военнаго губернатора Кадикса и военнаго губернатора Мадрида. Въ 1921 году онъ унаслѣдовалъ отъ дяди титулъ маркиза д-Эстелла и званіе гранда Испаніи, а въ слѣдующемъ году былъ назначенъ главнокомандующимъ четвертаго военнаго округа и генералъ-капитаномъ Каталоніи. Въ Барселонѣ онъ немедленно разсорился съ гражданскимъ губернаторомъ по вопросу о способахъ управленія областью. Недовольное правительство вызвало обоихъ сановниковъ въ Мадридъ и, по разсмотрѣніи дѣла, не согласилось съ

Примо де Ривера, который предлагалъ ввести во всей Каталоніи военное положеніе. Генералъ уѣхалъ изъ Мадрида въ очень раздраженномъ настроеніи. Повидимому, онъ тогда въ столицѣ и подготовилъ почву для государственного переворота.

Примо де Ривера былъ очень способный человѣкъ. У него и въ Испаніи, и въ Европѣ были горячіе поклонники. Такъ, восторженную статью о немъ мы находимъ въ послѣднемъ изданіи «Британской Энциклопедіи», — радикализмъ этого изданія распространяется, главнымъ образомъ, на Россію. Авторъ статьи отмѣчаетъ «исключительные военные таланты», «рыцарскій характеръ» и «провербіальную честность» генерала. Выдающагося политическаго дарованія у Примо де Ривера не было. Въ этой области онъ былъ чистымъ импровизаторомъ. Весьма нерасположенный къ нему новѣйшій испанскій историкъ, подчеркивая полную его неподготовленность къ государственной дѣятельности, недостатокъ политической культуры, его предразсудки, легкомысліе, упрямство и непослѣдовательность въ дѣлахъ, признаетъ, однако, за бывшимъ диктаторомъ, кромѣ патріотизма и исключительной энергіи, также огромную интуицію, помогавшую ему выходить съ честью изъ самыхъ трудныхъ положеній. «Скорѣе смѣлый, чѣмъ геніальный, больше авантюристъ, чѣмъ государственный дѣятель, — онъ оставилъ печальное наслѣдство всѣхъ диктатуръ: разбитыя политическія партіи, вождей безъ престижа, поколебленные финансы, разгорѣвшіяся страсти, потря-

сенный до основанія общественный порядокъ, монархію въ опасности и раздоры въ войскахъ».

Взгляды Примо де Ривера были довольно неопредѣленные. Въ политикѣ онъ, естественно, былъ реакціонеромъ, хоть самъ неизмѣнно это отрицалъ: каждый диктаторъ обычно считаетъ реакціонными всѣ диктатуры, кромѣ своей собственной, — его диктатура, напротивъ, открываетъ міру новые пути. Однако, въ области соціальнаго законодательства Примо де Ривера во многомъ опередилъ республиканскихъ дѣятелей другихъ странъ; въ созданныхъ имъ хозяйственныхъ учрежденіяхъ работали соціалисты, чѣмъ генералъ очень гордился. Человѣкъ онъ былъ отнюдь не жестокій и для диктатора не отличался нетерпимостью. Второстепенный испанскій журналистъ, сотрудникъ небольшой газеты, показывалъ мнѣ личное письмо, которое ему прислалъ Примо де Ривера по слѣдующему поводу: цензура какъ-то запретила статью этого журналиста; онъ написалъ гнѣвное протестующее письмо самому диктатору и тотчасъ получилъ отвѣтъ, въ которомъ Примо де Ривера, защищая дѣйствія цензуры, подробно доказывалъ, почему статья не могла быть пропущена. Защищать дѣйствія цензуры — очень неблагодарное дѣло. Однако, ни одинъ другой диктаторъ, вѣроятно, не счелъ бы совмѣстимымъ со своимъ достоинствомъ давать какія-то объясненія какому-то журналисту по поводу какой-то статьи! Этотъ случай характеренъ для всего строя: Примо де Ривера установилъ въ Испаніи полудиктатуру. Опытъ его показываетъ, что полудиктатура существо-

вать долго не можетъ. Какъ человѣкъ же, этотъ политическій импровизаторъ былъ интереснѣе, способнѣе и привлекательнѣе, чѣмъ другіе, болѣе прочно держащіеся, диктаторы (не «полу»). По натурѣ, это былъ игрокъ, — и въ жизни, и въ политикѣ, — игрокъ отважный, оптимистическій и, до поры до времени, счастливый. Въ одной испанской работѣ мнѣ попались такія слова о немъ: «un triumfador de la vida». Это должно быть близко къ истинѣ.

Зналъ ли король о подготовлявшемся переворотѣ? По всей вѣроятности, не могъ не знать, хоть доказательствъ этому нѣтъ. Взаимоотношенія короля и диктатора, какъ въ періодъ диктатуры, такъ и послѣ нея, не очень ясны. Ихъ какъ будто связывала дружба; кажется, они были на ты (по крайней мѣрѣ, въ своихъ письмахъ Альфонсъ XIII обращается на ты къ генералу). Въ Испаніи долгое время держался взглядъ, что король былъ чуть только не пѣшкой въ рукахъ диктатора. Но впослѣдствіи въ 1929 году, когда Примо де Ривера безпрекословно ушелъ въ отставку по первому требованію Альфонса XIII, стали говорить, что, напротивъ, диктаторъ былъ чуть только не пѣшкой въ рукахъ короля. Вѣроятно, истина лежитъ посрединѣ: Испаніей правили два человѣка, объединившіеся для опредѣленныхъ цѣлей, или, скорѣе, по опредѣленнымъ настроеніямъ. Сомнѣваюсь, однако, чтобы атмосфера дуумвирата была очень дружественной, — дружественныхъ дуумвиратовъ исторія почти не знаетъ. По словамъ недоброжелателей, Примо де Ривера на вершинѣ власти не разъ говорилъ въ тѣсномъ пріятель-

скомъ кругу: «Ну, меня онъ (король) не пробурбонитъ!» (Намекъ на маккіавелизмъ, приписываемый династіи Бурбоновъ).

Въ ночь на 13 сентября 1923 года въ Барселонѣ у Примо де Ривера собрались участники заговора, въ громадномъ большинствѣ недовольные правительствомъ генералы. Около полуночи два полка были выведены изъ казармъ и захватили почту, телеграфъ, телефонную станцію. Было выпущено знаменитое воззваніе, изобличавшее старую правительственную систему и кратко намѣчавшее программу диктатуры. Это рѣдкій случай возстанія, начатаго не въ центрѣ, а на окраинѣ. Заговорщики, кажется, сами не очень вѣрили въ успѣхъ дѣла: по крайней мѣрѣ, у нихъ были заготовлены автомобили для бѣгства во Францію, въ случаѣ неудачи.

Однако, бороться имъ было, въ сущности, не съ кѣмъ: за исключеніемъ послѣдняго парламентскаго правительства Италіи, столь искусно отдавшаго власть Муссолини, ни одна другая власть въ исторіи не сопротивлялась возстанію такъ слабо и такъ бездарно, какъ кабинетъ маркиза Альхусемаса. Пилсудскому все-таки пришлось вести бои на улицахъ Варшавы. Примо де Ривера завладѣлъ Испаніей безъ единаго выстрѣла. Въ Мадридѣ слухи о готовящихся событіяхъ распространились еще 12 сентября, — слишкомъ много людей знало о задуманномъ дѣлѣ. Но правительство было настроено беззаботно. Въ совѣтѣ министровъ въ этотъ день обсуждался вопросъ объ открытіи выставки мебели. Извѣстіе о возстаніи въ Барсе-

лонѣ опечалило министровъ. Рѣшено было серьезно побесѣдовать съ возставшимъ генераломъ и объяснить ему, что онъ поступаетъ нехорошо. Между тѣмъ, дѣло вовсе не было безнадежнымъ. Въ распоряженіи центральнаго правительства еще были и военныя, и полицейскія силы. Генералъ Забальза, главнокомандующій третьяго округа, изъ Валенсіи по телеграфу предложилъ министру-президенту двинуть свои войска на мятежниковъ [1]). Маркизъ Альхусемасъ вяло поблагодарилъ генерала, но этимъ предложеніемъ не воспользовался.

По странной случайности, министръ иностранныхъ дѣлъ, донъ Сантьяго Альба, который считался въ правительствѣ наиболѣе энергичнымъ человѣкомъ и, вдобавокъ, самымъ рѣшительнымъ врагомъ всякаго вмѣшательства арміи въ политику, находился не въ Мадридѣ: его какъ разъ въ этотъ день вызвалъ къ себѣ король, отдыхавшій въ Санъ-Себастьянѣ. Впослѣдствіи Альба въ сдержанно-мрачномъ тонѣ разсказалъ исторію своей поѣздки. Король принялъ его чрезвычайно любезно, просилъ вечеромъ пріѣхать во дворецъ на балъ, но отъ разговора о дѣлахъ уклонился и такъ и не объяснилъ, зачѣмъ собственно его вызвалъ. «Бесѣда закончилась тѣмъ», — говоритъ министръ, — «что король милостиво предложилъ мнѣ покататься съ нимъ на его новомъ великолѣпномъ автомобилѣ... Донъ-Альфонсо самъ правилъ со своимъ обычнымъ искусствомъ, развивая, какъ всегда, большую скорость. Мы неслись по окрестностямъ Санъ-

[1]) J. L. P. La Agonia de un regimen, Barcelona 1931, p. 25.

Себастьяна, и люди, которые насъ встрѣчали, навѣрное, говорили о сердечномъ расположеніи монарха къ его министру. Король былъ такъ любезенъ, что подвезъ меня къ моей гостиницѣ». Разставшись съ Альфонсомъ XIII, министръ, очень довольный пріемомъ, но и нѣсколько недоумѣвавшій, — зачѣмъ ему надо было ѣхать въ Санъ-Себастьянъ? — вошелъ къ себѣ въ комнату. Тамъ его ждала депеша: она кратко сообщала о возстаніи, поднятомъ въ Барселонѣ генераломъ Примо де Ривера.

Донъ Сантьяго Альба бросился къ телефону и вызвалъ Мадридъ. Изъ разговора съ министромъ-президентомъ ему стало ясно, что никто не станетъ сопротивляться серьезно возстанію. Повидимому (Альба этого прямо не говоритъ), у него возникли и мысли о странной роли короля, объ этомъ непонятномъ вызовѣ въ Санъ-Себастьянъ. Министръ иностранныхъ дѣлъ немедленно написалъ прошеніе объ отставкѣ, — и уѣхалъ во Францію. Если такъ поступилъ наиболѣе энергичный членъ правительства, тотъ, котораго особенно боялись, то чего же было ждать отъ другихъ.

Трудно сказать съ полной увѣренностью, что король былъ въ заговорѣ съ генераломъ Примо де Ривера и, въ мѣру возможнаго, ему помогалъ. Но теперь враги Альфонса XIII утверждаютъ, что вся его политика въ послѣдніе годы медленно и незамѣтно подготовляла государственный переворотъ. — «Онъ все разлагалъ», — говорилъ мнѣ виднѣйшій республиканскій дѣятель. — «Онъ натравливалъ одну партію

на другую, ссорилъ лидеровъ партій, всѣмъ все обѣщалъ и незамѣтно старался всѣхъ скомпрометировать». Какъ бы то ни было, результатъ достаточно извѣстенъ. Черезъ два дня послѣ начала возстанія, генералъ Примо де Ривера получилъ отъ короля предложеніе стать во главѣ правительства. Испанское общественное мнѣніе встрѣтило это событіе довольно равнодушно. Истолковано оно было, повидимому, такъ: король пробурбонилъ парламентскихъ политиковъ.

VIII.

Фуше говорилъ: главное въ политикѣ: самому все дѣлать, быть у власти, avoir la main à la pâte, — все остальное приложится. Изреченіе это оправдывается на примѣрѣ многихъ приходящихъ къ власти, людей. То, что дѣлается послѣ прихода къ власти, иногда нѣсколько расходится съ тѣмъ, для чего власть бралась. Графъ Сфорца недавно опубликовалъ въ «Contemporary Review» первую программу фашизма, написанную Муссолини въ 1919 году. Этого документа теперь въ Италіи не сыщешь днемъ съ огнемъ, да оно и понятно. Первый пунктъ фашистской программы требовалъ, чтобъ было немедленно созвано «Учредительное Собраніе, какъ итальянская секція Интернаціональнаго Учредительнаго Собранія»; второй пунктъ устанавливалъ въ Италіи республику; четвертый уничтожалъ дворянство и военную службу; ше-

стой провозглашалъ полную свободу мысли и слова; девятый закрывалъ биржи и банки, и т. д. Вышло не совсѣмъ такъ: фашистская программа немного съ той поры измѣнилась, но это ничего не значитъ.

Диктатура короля Альфонса XIII импровизировала въ гораздо болѣе узкихъ предѣлахъ. Импровизацію мы ей въ особую вину не поставимъ: быть можетъ, ужъ лучше импровизировать, чѣмъ, ничего не выдумывая, живя со дня на день, радостно и беззаботно вести міръ къ пропасти, какъ это сейчасъ на нашихъ глазахъ дѣлаютъ бездарные правители Европы. Какъ бы то ни было, нѣтъ сомнѣній въ томъ, что испанская диктатура провалилась. Въ Испаніи не было катастрофы, которая могла бы оправдать диктатуру. И, разумѣется, самый интересный выводъ изъ испанскаго опыта: на чемъ именно провалилась диктатура.

Въ области народнаго хозяйства? Противники диктатуры говорили: «да, и въ области народнаго хозяйства; еще годъ, и король довелъ бы страну до банкротства». Однако, сторонники диктатуры утверждали обратное: «Диктатура привела и финансы, и промышленность страны въ цвѣтущее состояніе», — мнѣ разсказывали о новыхъ дорогахъ, о многочисленныхъ заводахъ, электрическихъ станціяхъ, созданныхъ диктатурой «паритетныхъ комитетахъ», пользу которыхъ признаютъ и соціалисты, о большихъ успѣхахъ въ области городского строительства. Литература по этимъ вопросамъ невелика, и неважная это литература. Кажется, англичане говорятъ, что хуже лгуновъ-просто — проклятые лгуны, а хуже проклятыхъ лгуновъ

только статистики. Не буду утомлять читателей цифрами. Но насколько я могу судить на основаніи статистическихъ свѣдѣній, испанская диктатура для крестьянъ не сдѣлала почти ничего, для рабочихъ сдѣлала немало, а для промышленности сдѣлала очень много. Въ первые годы правленія генерала Примо де Ривера хозяйственный подъемъ страны былъ, во всякомъ случаѣ, безспоренъ. Но можно ли его связывать съ формой правленія, можно ли отдѣлять его отъ міровой экономической «конъюнктуры», какую долю успѣховъ испанской промышленности слѣдуетъ приписать естественному прогрессу страны, — этого я не знаю. Думаю, однако, что по этой линіи вести борьбу съ идеей диктатуры и трудно, и нецѣлесообразно. Подъ властью Сталина страна никакъ не можетъ процвѣтать и въ хозяйственномъ отношеніи. Зато страна отлично можетъ процвѣтать при Макдональдѣ и при Муссолини, при Вильсонѣ и при Мустафѣ-Кемалѣ, при Примо де Ривера и при Алкала Замора. Вѣроятно, нигдѣ въ Европѣ въ двадцатомъ столѣтіи не было болѣе блестящаго хозяйственнаго подъема, чѣмъ у насъ въ періодъ 1907—1913 гг. Однако никакихъ политическихъ заключеній изъ этого не сдѣлаешь.

По сходнымъ причинамъ, не стоитъ останавливаться и на разныхъ злоупотребленіяхъ, хищеніяхъ и финансовыхъ скандалахъ. О нихъ даже въ учтивой Испаніи существуетъ немалая литература (правда, не очень грубая), — надо ли говорить, что сторонники Примо де Ривера изобличали злоупотребленія прежняго, парламентскаго, періода, а враги — злоупотребленія вре-

менъ диктатора. Не сомнѣваюсь, что такая же литература создастся вокругъ эпохи Временнаго Правительства и Учредительныхъ Кортесовъ. Въ числѣ тѣхъ «знаковъ» (по ходкому нынѣ выраженію), подъ которыми живетъ міръ, есть и знакъ Устрика, — какіе ужъ тутъ дѣлать выводы о формѣ правленія! Санчесъ Герра, одинъ изъ виднѣйшихъ умѣренныхъ дѣятелей Испаніи и смертельный врагъ диктатуры, поднявшій противъ нея возстаніе въ январѣ 1929 года, въ рѣчи, обращенной къ офицерамъ, сказалъ: «Въ пору диктатуры умерли два бывшихъ министра стараго (парламентскаго) строя, и всѣмъ извѣстно, что ихъ семьи остались безъ всякихъ средствъ. За то же время умеръ одинъ министръ диктаторскаго правительства, герцогъ Тетуанскій, и онъ оставилъ четыре милліона пезетъ». Доводъ бьетъ въ цѣль, — онъ былъ очень пригоденъ для рѣчи въ пору возстанія, но все же выводы изъ него надо дѣлать съ большой осторожностью: слѣдовало бы ужъ тогда вспомнить не трехъ умершихъ министровъ, а побольше, и тщательнѣе произвести экспертизу оставленнаго ими наслѣдства и его происхожденія. Другіе аргументы такого рода еще менѣе убѣдительны. Въ книгѣ Франциска Эрнандесъ Мира [1]) приводятся тщательные обзоры суммъ, истраченныхъ министрами генерала Примо де Ривера на ихъ казенныя квартиры. Оказывается, что обстановка квартиры морского министра стоила 45 тысячъ пезетъ (около 100 тысячъ франковъ), — авторъ

[1]) Francisco Hernandes Mir, La dictatura ante la historia, Madrid, pp. 251—6.

приводить всѣ рѣшительно цифры вплоть до стоимости коврика у постели министра (150 пезетъ). Грандіозностью эти цифры не поражаютъ, и постельнымъ коврикомъ посрамить идею диктатуры трудно. Надо было бы вдобавокъ знать, сколько стоили коврики въ спальныхъ министровъ до прихода къ власти Примо де Ривера. Думаю вообще, что на этомъ вопросѣ ни одинъ политическій строй не можетъ въ настоящее время выиграть бой у другого.

IX.

Въ области внѣшней политики диктатура Альфонса XIII тоже не можетъ считаться провалившейся. Марокко было замирено (или почти замирено) безъ чрезмѣрныхъ жертвъ и безъ тяжкихъ пораженій. Другія предпріятія Примо де Ривера не удались, но и бѣды отъ этого не было. Страстной мечтой генерала было пріобрѣтеніе Гибралтара: онъ хотѣлъ обмѣнять его на Цеуту. Англичане на эту сдѣлку не пошли.

Лѣтъ шесть тому назадъ король и Примо де Ривера были склонны дать новое направленіе испанской внѣшней политикѣ. Несмотря на общую борьбу съ Абдъ-Эль-Кримомъ, отношенія между Испаніей и Франціей стали въ 1923—1925 гг. нѣсколько холоднѣе прежняго. Напротивъ, явно обозначилось сближеніе съ Италіей, — вѣроятно, сказалось духовное сродство диктатуръ. Совмѣстная поѣздка короля Аль-

фонса XIII и генерала Примо де Ривера въ Римъ, оказанный имъ восторженный прiемъ, произнесенныя тамъ рѣчи, все это весьма встревожило французское общественное мнѣнiе. Газеты заговорили о коренномъ переломѣ въ испанской иностранной политикѣ. Однако изъ этого ничего не вышло. Повидимому, одной изъ главныхъ причинъ отказа отъ коренного перелома было такъ называемое каталонское дѣло 1926 года. Дѣло это стоитъ напомнить читателямъ: оно занимаетъ особое мѣсто въ мiровой политической картинѣ послѣдняго времени.

Помимо серьезныхъ разногласiй въ Танжерскомъ вопросѣ, одно обстоятельство отражалось весьма неблагопрiятно на франко-испанскихъ отношенiяхъ въ перiодъ диктатуры генерала Примо де Ривера. Въ Парижѣ обосновались испанскiе и каталонскiе эмигранты. Ихъ дѣятельность, да и самое существованiе, не могли, естественно, доставлять удовольствiе диктатору. Какъ извѣстно, правительство Муссолини также было весьма недовольно гостепрiимствомъ, которое находили въ Парижѣ итальянскiе антифашисты. На этой основѣ и случилось весьма удивительное происшествiе.

Это было въ концѣ 1926 года, въ то самое время, когда отношенiя между Францiей и Италiей обострились чрезвычайно. На Муссолини было произведено покушенiе, и фашистскiя газеты прозрачно намекали, что оно было подготовлено итальянскими эмигрантами въ Парижѣ, чуть только не съ благословенiя правительства Пуанкарэ. Въ Вентимильи фашисты напали на французскихъ рабочихъ, въ Триполи на француз-

ское консульство. Эти выходки очень раздражили общественное мнѣніе во Франціи. Къ Испаніи все это, какъ будто, не имѣло отношенія. Зато весьма близкое отношеніе къ ней имѣло предпріятіе, какъ разъ въ ту пору организованное каталонскимъ эмигрантомъ, полковникомъ Macia.

Нынѣшній глава каталонскаго правительства, жившій тогда подъ Парижемъ, въ Буа-Коломбъ, затѣялъ дѣло, которое по своей обстановкѣ чрезвычайно напоминало третій актъ «Карменъ» и романы Дюма-отца. Полковникъ Macia, незадолго до того побывавшій въ Россіи, — быть можетъ, для изученія революціонной техники, — подготовлялъ вторженіе въ Каталонію изъ Франціи! Нѣсколько сотъ вооруженныхъ эмигрантовъ разсчитывали ночью, по тропинкамъ контрабандистовъ, перебраться черезъ Пиренеи, поднять возстаніе въ Барселонѣ, изгнать оттуда испанскія войска и провозгласить независимость Каталоніи. Всего въ дѣлѣ должно было участвовать около 600 человѣкъ. Не всѣ они были каталонцы.

Въ сентябрѣ 1926 года, Macia познакомился въ Парижѣ съ итальянскимъ эмигрантомъ Риццоли и посвятилъ его въ свое дѣло. Риццоли отнесся къ нему чрезвычайно сочувственно и свелъ каталонскаго вождя съ весьма виднымъ итальянскимъ эмигрантомъ Риччотти Гарибальди, внукомъ національнаго героя и однимъ изъ самыхъ пламенныхъ противниковъ Муссолини: на парижскомъ процессѣ убійцъ фашиста Бонсервизи, Гарибальди произнесъ, въ качествѣ свидѣтеля, громовую рѣчь, въ которой разоблачалъ дѣла фашист-

скаго строя. Онъ организовалъ во Франціи «гарибальдійскіе авангарды»; вѣрные традиціямъ его дѣда, они должны были въ красныхъ гарибальдійскихъ рубашкахъ, заранѣе сшитыхъ въ большомъ количествѣ[1]), изъ Ниццы двинуться на Аппенинскій полуостровъ и освободить Италію. Масіа произвелъ на Гарибальди чарующее впечатлѣніе, а задуманное каталонцами дѣло, столь сходное съ его собственными планами, показалось вождю «авангардовъ» «совершенно соотвѣтствующимъ идеалу гарибальдійцевъ». Увлеченный красотой дѣла, Гарибальди предложилъ полковнику Масіа помощь итальянской эмиграціи: нѣсколько десятковъ гарибальдійцевъ изъявили согласіе присоединиться къ отряду полковника и вмѣстѣ съ нимъ вторгнуться въ Каталонію черезъ Пиренеи. Масіа съ признательностью принялъ цѣнный союзъ. Дѣло было назначено на 2-ое ноября 1926 года.

Надо ли говорить, что французская полиція была до мельчайшихъ подробностей освѣдомлена объ этомъ таинственномъ заговорѣ, въ которомъ принимало участіе нѣсколько сотъ эмигрантовъ? Дѣло было для Франціи весьма непріятное: использованіе эмигрантами французской территоріи, въ качествѣ базы для вооруженнаго вторженія въ Испанію, могло очень ухудшить франко-испанскія отношенія, и безъ того, повторяю, ставшія весьма прохладными въ ту пору. Могло оно и увеличить симпатіи Примо де Ривера къ Италіи: фашистское правительство тоже испытывало огорченія отъ гостепріимства, оказываемаго Франціей

[1]) Le Temps, 7 ноября 1926 г.

его врагамъ. А тутъ во вторженіи въ Испанію еще принимали прямое участіе эти самые ненавистные антифашисты и гарибальдійцы. Друзья нашихъ враговъ наши враги... Французской политикѣ было надъ чѣмъ призадуматься, а французской полиціи тѣмъ паче. Вѣроятно, полиція г. Кіаппа могла бы въ зародышѣ остановить дѣло, — это, собственно, было даже и не очень трудно. Она поступила гораздо умнѣе и правильнѣе. Надо признать, что ея дѣйствія въ этой исторіи были настоящимъ шедевромъ ловкости, цѣлесообразности и техническаго совершенства. На моей памяти это дѣло было самой блестящей изъ всѣхъ побѣдъ французской полиціи, — какъ дѣло объ убійствѣ генерала Кутепова было самымъ тяжкимъ ея пораженіемъ.

Нужно пояснить, что незадолго до того, весьма далеко отъ Каталоніи, произошло небольшое событіе, которое оказало вліяніе на тактику французской полиціи. 24-го октября въ Ниццѣ полицейскими властями былъ задержанъ миланскій адвокатъ Пизакано, бумаги котораго оказались не въ порядкѣ. Проступокъ не очень серьезный, но все же съ нимъ для виновнаго связаны нѣкоторыя непріятности. Не желая, вѣроятно, имъ подвергаться, адвокатъ Пизакано довѣрительно сообщилъ задержавшимъ его властямъ, что онъ въ дѣйствительности не адвокатъ и не Пизакано, а комендантъ Ла Полла, виднѣйшій агентъ тайной итальянской полиціи и довѣренное лицо министра внутреннихъ дѣлъ Федерцони. Французскія власти были удивлены: онѣ, навѣрное, выдали бы визу итальянскому коллегѣ, — зачѣмъ же ему надо было въѣзжать во Фран-

цію подъ чужимъ именемъ? Комендантъ Ла Полла былъ тотчасъ отпущенъ. Но, повидимому, нѣкоторое, вполнѣ естественное, любопытство преодолѣло у французской полиціи товарищескія чувства, и, отпустивъ коменданта, она сочла нужнымъ безъ его вѣдома приставить къ нему скромнаго, совершенно незамѣтнаго агента. Мѣра оказалась далеко не безполезной. Скромный агентъ установилъ, что комендантъ Ла Полла, онъ же миланскій адвокатъ Пизакано, встрѣтился въ Ниццѣ съ однимъ своимъ соотечественникомъ. Это само по себѣ было бы мало замѣчательнымъ фактомъ. Но зато очень большой и даже чрезвычайный интересъ французской полиціи — уже не только ниццской — вызвало то обстоятельство, что соотечественникъ, съ которымъ встрѣтился тайный агентъ фашистскаго правительства, былъ не кто иной, какъ Риччотти Гарибальди, лютый ненавистникъ и грозный врагъ фашистскаго строя!

Объ этомъ странномъ фактѣ было немедленно сообщено въ Парижъ. Можно съ большой вѣроятностью предположить, что онъ былъ тотчасъ доложенъ и министру иностранныхъ дѣлъ Бріану, и главѣ правительства Пуанкарэ: въ самомъ дѣлѣ обстоятельство это принимало чрезвычайно любопытный характеръ, въ связи съ тѣми свѣдѣніями, которыми уже располагало французское правительство о ближайшемъ участіи Риччоти Гарибальди въ предполагавшемся походѣ каталонскихъ и итальянскихъ эмигрантовъ на Барселону.

Походъ, какъ и было предположено, начался 2 ноября. Но продолжался онъ очень недолго. Недалеко

отъ испанской границы дорогу каталонскимъ сепаратистамъ неожиданно преградили большіе отряды французской полиціи. Сепаратисты были арестованы, при нихъ найдены были ружья, пулеметы, кинжалы и знамена, — красно-золотыя каталонскія знамена съ синей звѣздой независимости. Одновременно, въ совершенной обстановкѣ «Карменъ», на таинственной горной виллѣ «Денизъ» («dans un site de sauvage beauté», — говоритъ поэтически настроенный авторъ отчета) былъ арестованъ самъ полковникъ Macia. При появленіи французскихъ полицейскихъ, полковникъ выхватилъ револьверъ и приложилъ его къ виску, но застрѣлиться не успѣлъ, — вѣроятно, онъ въ Москвѣ недостаточно овладѣлъ революціонной техникой, — да, собственно, и кончать самоубійствомъ ему было незачѣмъ: ни пытка, ни сожженіе на кострѣ, ни даже выдача испанскимъ властямъ полковнику никакъ не угрожали. А если-бъ онъ тогда погибъ, то теперь въ Барселонѣ не обсуждался бы проектъ постановки ему, при жизни, великолѣпнаго памятника «на самомъ возвышенномъ мѣстѣ Каталоніи».

Въ это же самое время въ Ниццѣ французскими властями былъ арестованъ Риччотти Гарибальди. Произведенный у него обыскъ выяснилъ съ совершенной несомнѣнностью фактъ, который во всемъ мірѣ произвелъ жуткую сенсацію: внукъ Джузеппе Гарибальди, грозный врагъ и обличитель фашизма, создатель и вождь «гарибальдійскихъ авангардовъ», былъ агентомъ итальянской полиціи!

Его немедленно перевезли въ Парижъ, — и, по осо-

бому приказу министра внутреннихъ дѣлъ Сарро, высадили на одной изъ пригородныхъ станцій: зная горячій итальянскій темпераментъ, власти опасались, что эмигранты-антифашисты могутъ убить на Ліонскомъ вокзалѣ человѣка, который обезчестилъ знаменитое имя дѣда. Въ кабинетѣ у г. Кіаппа Гарибальди была устроена очная ставка съ полковникомъ Macia. Гарибальди клялся, что онъ честнѣйшій гарибальдіецъ, однако призналъ, что получилъ 400.000 лиръ отъ комендавнта Ла Полла[1]). Выходило небольшое противорѣчіе, и г. Кіаппъ очень просилъ его разъяснить. Но создатель авангардовъ только горестно восклицалъ, что, хотя противъ него говорятъ факты, его невинность и чистота со временемъ станутъ для всѣхъ совершенно очевидными. Что до полковника Macia, то онъ, подумавъ, пришелъ къ выводу: «Je vois qu'il y a du louche dans la conduite de Garibaldi». Это дѣлаетъ большую честь его проницательности. Полковникъ былъ честнѣйшій человѣкъ. «Ce pauvre M. Macia!» — сказалъ о немъ въ интервью Бласко Ибаньесъ[2]).

Гарибальди и Macia были приговорены къ 2 мѣсяцамъ тюрьмы каждый. Сидѣть въ тюрьмѣ послѣ процесса имъ не пришлось, но французское правительство предложило имъ выѣхать изъ Франціи, и, чтобы подчеркнуть огромную разницу между подсудимыми, предоставило для этого Гарибальди два дня, а полковнику Macia и его сообщникамъ два мѣсяца. Дѣло по-

---

[1]) Говорили, будто онъ получалъ деньги и отъ другихъ учрежденій.

[2]) Le Temps, 6 ноября 1926 г.

лучило, разумѣется, міровую огласку. Не было доказано, что каталонская экспедиція подготовлялась на деньги коменданта Ла Полла. Однако, у Бріана было серьезное объясненіе съ итальянскимъ посломъ. Послѣ этого объясненія итальянское агентство нѣсколько беззаботно сообщило, будто министръ и посолъ сошлись на томъ, что все дѣло представляетъ собой «une simple affaire de police». Однако, къ итальянскому сообщенію французское правительство сочло нужнымъ сдѣлать поправку, — случай довольно рѣдкій: здѣсь легко узнать твердую руку Пуанкарэ. Въ поправкѣ было сказано: «En ce qui concerne l'affaire Garibaldi, Monsieur Artistide Briand a cru devoir appeler toute l'attention du baron Romano Avezzana sur les dangers qui peuvent résulter d'opérations de police ainsi conduites»[1]).

Обстоятельства дѣла, впрочемъ, сами за себя говорили. Итальянская оріентація испанскаго правительства дальнѣйшаго развитія не получила. Король и диктаторъ вернулись къ традиціи, отвѣчавшей давнему франкофильству испанскаго общества.

Въ общемъ, за время диктатуры внѣшній престижъ Испаніи не выросъ, однако и не пострадалъ. Едва ли и республиканская Испанія будетъ пользоваться большимъ престижемъ. Хозе Ортега-и-Гассетъ, извѣстнѣйшій изъ современныхъ испанскихъ писателей, вдохновитель людей, стоящихъ теперь у власти, задолго до переворота сказалъ, что новая Испанія будетъ и не-гордой, и не-могущественной, и не-пышной: ея идеалы

[1]) Le Temps, 11 ноября 1926 г. и «Survey of International affairs», 1927 г., p. 124.

другіе. Не слишкомъ ее вообще и соблазняетъ это неопредѣленное понятіе престижа, такъ дорого стоившее и стоющее человѣчеству.

X.

Свое рѣшительное пораженіе диктатура потерпѣла на другомъ фронтѣ. Это дѣлаетъ Испаніи большую честь.

Мосье де-ла Палиссъ сказалъ бы, что идея диктатуры оказалось несовмѣстимой съ идеей свободы. Только и всего. Но этого оказалось достаточно. Матеріальное благополучіе страны скорѣе выросло. Во внѣшней политикѣ не произошло ничего такого, чего Испанія могла бы стыдиться. У власти оказались люди умные и даровитые: король Альфонсъ и генералъ Примо де Ривера. Хищеній, казнокрадства, злоупотребленій было не больше, чѣмъ при другомъ политическомъ строѣ. Диктаторскую власть нельзя было упрекнуть и въ жестокости. Къ казнямъ король не прибѣгалъ: если исходить лишь изъ характера репрессій, то правленіе Примо де Ривера надо признать весьма гуманнымъ. Достаточно напомнить, что Санчесъ Герра, поднявшій вооруженное возстаніе, не только не былъ казненъ, (какъ это, вѣроятно, случилось бы во многихъ другихъ странахъ), но и не могъ пожаловаться на недостатокъ въ знакахъ вниманія со стороны властей и правительства.

Оказалось однако, что сами по себѣ личная свобода, свобода слова, свободныя учрежденія весьма дороги испанскому обществу. Настолько дороги, что диктатура, независимо отъ своихъ сильныхъ и слабыхъ сторонъ, независимо отъ достоинствъ и недостатковъ диктаторовъ, потерпѣла пораженіе въ самой своей сущности. Бернардъ Шоу говоритъ, что свобода нужна не для блага народа, а для его развлеченія. То же самое думалъ Наполеонъ. Оказалось (по крайней мѣрѣ, въ Испаніи), что люди очень дорожатъ этимъ развлеченіемъ. Неловко доказывать въ двадцатомъ вѣкѣ преимущества свободы слова и мысли. Протопопъ Аввакумъ писалъ почти триста лѣтъ тому назадъ: «Чюдо, какъ то въ познаніе не хотятъ придти? Огнемъ, да кнутомъ, да висѣлицей хотятъ вѣру утвердить! Которые то апостолы научили такъ — не знаю... Тѣ учители явны, яко шиши антихристовы, которые, приводя въ вѣру, губятъ и смерти предаютъ: по вѣрѣ своей и дѣла творятъ таковы же». Гуманная испанская диктатура ни къ огню, ни къ висѣлицѣ не прибѣгала. Но и одной цензуры оказалось достаточно, чтобы возбудить ненависть къ Альфонсу XIII почти всей испанской интеллигенціи.

Вскорѣ послѣ установленія диктатуры, въ іюнѣ 1924 года, виднѣйшіе представители науки, литературы, искусства обратились съ письмомъ къ Примо де Ривера, — обычай не позволялъ обратиться прямо къ королю. Этотъ документъ слѣдовало бы привести цѣликомъ. Авторы письма (среди нихъ были Мараньонъ, Ортега-и-Гассетъ, Перецъ де Айала, Габріель

Маура, герцогъ Каналехасъ и др.) въ очень учтивой и сдержанной формѣ говорили диктатору, что они нисколько не идеализируютъ предшествовавшій перевороту строй и во многомъ сочувствуютъ критикѣ испанскихъ формъ парламентаризма. Они добавляли, что цѣнятъ и добрыя намѣренія, и нѣкоторыя дѣйствія диктатора. Но вмѣстѣ съ тѣмъ авторы письма не скрывали, что рѣзко осуждаютъ и считаютъ весьма опасной политическую систему, отрицающую свободу слова и свободу мысли.

Сталинская диктатура расправилась бы немедленно съ людьми, подписавшими такое обращеніе (если-бъ оно вообще было возможно въ совѣтскихъ условіяхъ). Полудиктатура отнеслась къ нимъ съ насмѣшкой: мало ли что тамъ говорятъ какіе-то писатели и ученые! Альфонсъ XIII и Примо де Ривера не придали никакого значенія предостерегавшему ихъ письму. Между тѣмъ, именно идеи этого письма ихъ и сокрушили. Вопреки распространенному афоризму, на штыкахъ сидѣть можно довольно долго. Но настоящій деспотъ долженъ въ гоненіяхъ идти до конца, ни передъ чѣмъ не останавливаясь. Диктатура можетъ быть длительной; полудиктатура не можетъ.

Отъ популярности короля Альфонса XIII больше ничего не оставалось. Отъ него отшатнулись и его прежніе министры, не исключая вождей консервативной партіи. Испанцы говорили о королѣ приблизительно то же самое, что англичане говорили о Ллойдъ-Джорджѣ: «Онъ слишкомъ уменъ», — разумѣется, въ сло-

во «уменъ» (въ англійскомъ оттѣнкѣ clever) вкладывался отнюдь не похвальный смыслъ. Думаю, что слово это было вѣрно и въ обидномъ, и въ не-обидномъ смыслѣ. Но на престолѣ нельзя быть Таллейраномъ: когда историкъ хочетъ выбранить монарха, онъ называетъ его «византійцемъ». Король Альфонсъ XIII, конечно, не былъ человѣкомъ, на слово котораго можно положиться, какъ на каменную гору, — объ этомъ свидѣтельствуютъ показанія министровъ, сохранившихъ ему вѣрность почти до самаго отреченія. Примо де Ривера хвалился, что ужъ его-то король не «пробурбонитъ». Однако, когда диктатура возстановила противъ себя и значительную часть арміи, король пробурбонилъ диктатора съ такой же легкостью, какъ за шесть лѣтъ до того парламентскихъ министровъ. Повидимому, между королемъ и генераломъ 28 января 1929 года произошло рѣзкое объясненіе. Мы знаемъ только, что, по выходѣ изъ дворца, Примо де Ривера подалъ въ отставку. Затѣмъ онъ уѣхалъ во Францію. Его душевное состояніе было очень тяжело. Съ границы генералъ послалъ газетѣ «Насіонъ» телеграмму, въ которой говорилъ, что нуждается въ тишинѣ и отдыхѣ «для приведенія въ порядокъ своихъ мыслей и для возстановленія нервнаго равновѣсія». Отдыхалъ онъ очень недолго: отдохнулъ — и умеръ.

Какъ водится, тотчасъ послѣ ухода диктатора въ Мадридѣ была переименована улица, названная его именемъ за время диктатуры. Праздникъ начался на другой улицѣ. Конецъ царствованія, — подавленное военное возстаніе, ростъ тайнаго общества и республи-

канскаго движенія, шумный процессъ нынѣшнихъ членовъ Временнаго Правительства, ихъ сенсаціонныя рѣчи на судѣ, переговоры графа Романонеса, рѣшительный отказъ республиканцевъ отъ примиренія съ монархіей, — все это достаточно извѣстно. Король вызывалъ къ себѣ своихъ политическихъ и личныхъ враговъ и предлагалъ имъ власть. Одни безпокойно отказывались, другіе нерѣшительно принимали. Альфонсъ XIII еще оставался charmeur-омъ; однако всѣ чувствовали, что начинается агонія. Вѣрный двойственной своей природѣ, онъ то беззаботно-скептически шутилъ, увѣряя, что все идетъ отлично, то тайно уѣзжалъ въ Эскуріалъ и тамъ подолгу молился у гробницъ своихъ предковъ. Король Альфонсъ могъ имъ завидовать: самъ онъ родился не во время. Въ былыя времена, въ качествѣ самодержца, онъ занялъ бы, вѣроятно, одно изъ первыхъ мѣстъ въ длинномъ историческомъ ряду Бурбоновъ и Габсбурговъ. Въ двадцатомъ вѣкѣ Альфонсъ XIII, со своей безпокойной душою, не подходилъ для роли ровнаго, искренняго и скромнаго конституціоннаго монарха.

Муниципальные выборы нанесли ему въ апрѣлѣ этого года послѣдній и рѣшительный ударъ. Онъ самъ призналъ, что Испанія высказалась не противъ правительства и не противъ династіи, а именно противъ него. Король отрекся отъ престола, но и отреченіе написалъ такъ, что собственно оно никакъ не было отреченіемъ; юристовъ Временнаго Правительства это очень раздражило, — однако, король уже находился во Франціи.

Его принялъ Парижъ со своимъ испытаннымъ эклектическимъ гостепріимствомъ,—отъ большевиковъ невозвращенцевъ до отрекшихся королей. Унамуно? Очень рады. Примо де Ривера? Милости просимъ. Почти вся современная политика кончается квартирой въ Парижѣ. Разница въ хронологіи. Да еще въ кварталѣ.

НЕ-САНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ ИСПАНІИ

Въ августѣ 1930 года виднѣйшіе представители испанскихъ политическихъ партій, враждебныхъ династіи и диктатурѣ, на тайномъ съѣздѣ въ Санъ-Себастьянѣ и на послѣдовавшихъ за нимъ конспиративныхъ совѣщаніяхъ выработали способы борьбы съ правительствомъ короля Альфонса XIII. Было составлено воззваніе для распространенія въ народѣ и въ войскахъ, обдуманъ планъ государственнаго переворота въ Мадридѣ, начинавшійся съ захвата телефонной станціи и главнаго полицейскаго управленія, заключенъ предварительный сговоръ съ каталонскими партіями и составленъ списокъ коалиціоннаго временнаго правительства. Постановлено было (по категорическому требованію Алкала Замора) дать королю возможность выѣхать безпрепятственно за-границу тотчасъ послѣ переворота. Достигнуто было также соглашеніе относительно первыхъ правительственныхъ мѣръ. Все остальное рѣшено было предоставить учредительнымъ Кортесамъ, — ихъ постановили созвать въ кратчайшій срокъ.

Какъ извѣстно, къ вооруженному перевороту прибѣгнуть не пришлось. Однако, по господствующему въ Испаніи мнѣнію, этотъ переворотъ былъ хорошо подготовленъ и имѣлъ всѣ шансы на успѣхъ, если бы король не отказался отъ власти добровольно. Во всемъ остальномъ программа была выполнена, и нынѣшній составъ временнаго правительства совершенно точно совпадаетъ со спискомъ, составленнымъ на конспиративныхъ совѣщаніяхъ 1930 года. Созваны были во время и Кортесы.

Можетъ быть, испанскіе политическіе дѣятели и историки (уже есть нѣсколько книгъ по исторіи событій 1930—1931 гг.), въ увлеченіи побѣдой, и преувеличиваютъ немного стройность выполненнаго плана: «Die erste Kolonne marschiert» иногда пишутся и послѣ сраженія. Однако, независимо отъ своего отношенія по существу къ цѣлямъ, идеямъ, дѣламъ испанской революціи, всякій долженъ признать, что въ чисто-техническомъ смыслѣ ея первая «стадія» оказалась образцомъ удавшагося переворота. Это обстоятельство само по себѣ придаетъ огромный интересъ испанскимъ событіямъ (въ особенности для насъ, русскихъ эмигрантовъ). Но есть и нѣсколько другихъ обстоятельствъ, которыя этотъ интересъ еще усиливаютъ: и король Альфонсъ XIII, и генералъ Примо де Ривера были люди выдающіеся. Говорю такъ на основаніи фактовъ, печатныхъ отзывовъ и тѣхъ бесѣдъ, которыя я имѣлъ въ Мадридѣ съ виднѣйшими политическими дѣятелями, — въ большинствѣ рѣшительными противниками бывшаго короля и умершаго диктатора. Если къ этому добавить,

что въ составъ временнаго правительства, по общему отзыву, вошли почти всѣ лучшіе и способнѣйшіе вожди испанской демократіи, то станетъ ясно, какое значеніе имѣютъ событія въ Испаніи для современной государственной мысли (даже чисто теоретической). Они ставятъ вопросы исключительной важности: возможна ли и при какихъ условіяхъ подлинная конституціонная монархія съ выдающимся человѣкомъ въ качествѣ монарха? возможна ли диктатура того типа, который хотѣлъ осуществить генералъ Примо де Ривера? возможно ли въ результатѣ государственнаго переворота, не осложненнаго (какъ у насъ) войной немедленное установленіе прочнаго демократическаго строя?

Разумѣется, я не предполагаю разрѣшать эти вопросы. Я былъ въ Испаніи недолго, по-испански читаю, но не говорю, и не разъ чувствовалъ себя какъ бы въ роли Пьера Доминика. Могу только, въ отличіе отъ иныхъ иностранныхъ путешественниковъ по совѣтской Россіи, обѣщать читателямъ совершенное безпристрастіе и осторожность въ выводахъ.

Я изъѣздилъ Испанію лѣтъ восемнадцать тому назадъ. Общее впечатлѣніе у меня было тогда такое же, какъ теперь: прекрасная, очаровательная, вѣчно залитая солнцемъ страна, любезнѣйшій, учтивѣйшій въ мірѣ народъ, всеобщая необыкновенная радость жизни.

Собственно Мадридъ наименѣе интересный изъ испанскихъ городовъ, вдобавокъ и наименѣе церемонный въ обращеніи со своей исторіей. За эти восемнадцать лѣтъ онъ измѣнился. Помнится, тогда еще были ста-

ринные историческіе кварталы. Теперь, за исключеніемъ «Плаза Майоръ» и прилегающихъ къ ней 2-3 улицъ, не осталось ровно ничего: все новенькое, вездѣ огромныя, только что выстроенныя зданія; появилась подземная желѣзная дорога, въ сущности ненужная въ сравнительно небольшомъ городѣ. Говорятъ, живописность Испаніи и связанные съ ней восторги туристовъ смертельно надоѣли испанцамъ. Недаромъ Унамуно написалъ «Долой донъ-Кихота!» Другой испанскій писатель требуетъ, чтобы на гробницу Сида наложили на вѣчныя времена семь печатей.

А можетъ быть, въ подсознательной основѣ этого равнодушія къ историческимъ памятникамъ лежитъ и смутное ощущеніе того, что, въ извѣстномъ смыслѣ, вся пышная трагическая исторія Испаніи есть толченіе воды въ ступѣ: создали величайшее міровое государство, — солнце давно заходитъ въ испанскихъ владѣніяхъ; были самой могущественной въ мірѣ военно-морской державой, — теперь съ марокканцами справиться очень трудно; открыли Америку, — она досталась другимъ.

Легенда, конечно, сохранилась. Выработался гордый аристократическій характеръ народа. Создался нигдѣ въ мірѣ невиданный барскій образъ жизни: здѣсь обѣдаютъ въ десять часовъ вечера, а театры и кинематографы открываютъ двери въ одиннадцать. Спятъ, кажется, больше днемъ. Съ этимъ удивительно уживается равенство въ отношеніяхъ между людьми. У меня создалось такое впечатлѣніе, будто всѣ испанцы, независимо отъ ихъ общественнаго положенія, занятій, взгля-

довъ, хорошо знакомы другъ съ другомъ и только на дняхъ гдѣ-то вмѣстѣ пили Tio Pepe или Amontilado. Быть можетъ, отчасти поэтому здѣсь и въ пору диктатуры не было террора: наименѣе вліятельный изъ гонимыхъ имѣлъ добраго пріятеля, который былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ ближайшимъ другомъ гонителя.

Противъ пятнадцатиэтажнаго зданія телефонной станціи оживленная шумная терраса большой кофейни. Всѣ столики заняты. Люди въ натертыхъ до ослѣпительнаго блеска туфляхъ (здѣсь разъ пять въ день чистятъ сапоги) болтаютъ или читаютъ газеты, потягивая сквозь соломинку ледяные напитки всѣхъ цвѣтовъ. Газеты въ Испаніи прекрасныя, — по внѣшнему виду, по освѣдомленности, въ особенности по учтивому, истинно джентльменскому тону статей. Покупаю газеты и я. И тотчасъ самыя имена, встрѣчающіяся въ статьяхъ, вызываютъ невольную улыбку своей необыкновенной звучностью. Республиканскіе публицисты почтительно величаютъ другъ друга: «нашъ старый уважаемый лучадоръ (борецъ) донъ Эвариста Перецъ-дель-Кастро», «нашъ испытанный почтенный баталліадоръ (боецъ) донъ Мельхіадесъ Альварецъ-и-Гонзалесъ». Любуюсь совершенно искренно: именно такъ и надо писать. Почти такая же вѣжливость соблюдается въ отношеніи враговъ. Учтиво пишутъ о Примо де Ривера, о Беренгерѣ, о королѣ, котораго называютъ «донъ-Альфонсо», — такъ можно было называть его въ газетахъ и при старомъ строѣ. Но, кажется, этимъ

традиціямъ вѣжливости и здѣсь скоро придетъ конецъ: уже есть кое-какіе симптомы.

Газеты, впрочемъ, есть всякія. Разносчикъ пробѣгаетъ, выкрикивая: «Juventud roja!.. Juventud roja!...» («Красная молодежь»). Покупаю. Оказывается, первый номеръ (отъ 15-го іюля 1931 года) органа «Союза испанской коммунистической молодежи». Вижу заголовокъ «Nuestros Maestros. Wladimiro Ilitch Ulianow (Lenin)» и портретъ, которому, повидимому, суждено насъ преслѣдовать во всемъ мірѣ. Другая картинка: изображена нарядная русская работница; весело улыбаясь, она слушаетъ музыку. Тутъ же, въ статьѣ «О Совѣтскомъ Союзѣ», за тоже сложной, но не совсѣмъ испанской подписью «Токарскій-Рудой», сообщается, какъ всѣ хорошо живутъ и какъ радостно работаютъ въ совѣтской Россіи. Излагается очень поучительный случай, относящійся къ 1921 году. Рабочіе пожелали доказать свою преданность коммунизму созданіемъ большого завода. Къ сожалѣнію, денегъ у нихъ было мало, всего 96 копеекъ. Нашелся мѣшокъ угля. И что же? Коммунистическая энергія преодолѣла всѣ препятствія. Очень скоро заводъ былъ готовъ (вскользь, правда, сообщается, что кое-что еще раньше, въ 1916 году, выстроили тамъ русскіе капиталисты). Теперь это огромное процвѣтающее предпріятіе, въ которомъ трудится 1500 рабочихъ, — они же и полные хозяева дѣла. При заводѣ построили большой клубъ («un immenso club»), театръ и т. д.

Думаю, какъ должно быть завидно испанской рабочей молодежи! Сказать только: на 96 копеекъ созда-

ли свой большой заводъ и теперь весело слушаютъ въ клубѣ музыку! У кого же нѣтъ 96 копѣекъ и мѣшка угля? Вся бѣда въ томъ, что при правительствѣ Алкала Замора коммунистическая энергія развернуться не можетъ. Вотъ, зато, когда мы имъ свернемъ шею!... — Да, ловко работаютъ эти Токарскіе-Рудые. Въ самомъ дѣлѣ, «nuestros Maestros»...

Какъ мнѣ говорили, испанскіе коммунисты еще не выдвинули настоящихъ вождей. Теперь на первомъ планѣ не большевики въ тѣсномъ смыслѣ слова, а «большевизаны». Называются чаще всего три человѣка: донъ Мануэль Тарамона, одинъ изъ богатѣйшихъ людей Испаніи; донъ Родриго Соріано Бароэто Альдамаръ, принадлежащій къ знатнѣйшей семьѣ съ десяткомъ титуловъ; и самый извѣстный изъ всѣхъ, тотъ, чье имя еще красуется на избирательныхъ афишахъ: донъ Рамонъ Франко Багамонде, знаменитый летчикъ, сынъ генерала, бывшій другъ короля, добрый пріятель диктатора, — министръ внутреннихъ дѣлъ обвинялъ его съ трибуны Кортесовъ въ составленіи кровожадныхъ прокламацій въ Маратовскомъ духѣ.

Захожу въ книжный магазинъ и спрашиваю сочиненія вышеуказанныхъ политическихъ дѣятелей. Донъ Мануэль Тарамона, повидимому, человѣкъ не пишущій. Комендантъ Франко выпустилъ книгу о своемъ перелетѣ черезъ Атлантическій океанъ, — она меня не интересуетъ. Зато донъ Родриго Соріано очень плодовитый публицистъ. Пишетъ онъ все больше о Россіи, въ которой, разумѣется, побывалъ. Его книги называются:

«Святой Ленинъ», «Красная Россія» и т. д. Послѣдняя книга донъ-Родриго посвящена испанской революціи [1]), но и она, въ значительной мѣрѣ, строится на параллеляхъ съ Россіей. Узнаю изъ этой книги, что русская душа очень похожа на испанскую душу. Въ книгѣ есть все, что полагается. Есть русская литература отъ Достоевскаго, «жестокаго разсѣкателя человѣческой души) («disecador del alma humana») до «mi amigo Lutnarchaski» (фамиліи своего друга донъ Родриго все-таки не заучилъ). Есть и русская исторія, — тоже цѣлый рядъ аналогій: кому-то въ новѣйшей испанской исторіи соотвѣтствуетъ и «задумчивый Керенскій» (стр. 130), и царскій совѣтникъ Попокодоповъ (стр. 140, — вѣроятно, Протопоповъ), и многіе другіе.

Я отъ всей души желаю прекрасной Испаніи избѣжать большевизма и надѣюсь, что мое пожеланіе сбудется. Но если выйдетъ не такъ, у насъ все-таки будетъ маленькое (очень маленькое) утѣшеніе. Имѣю всѣ основанія думать, что въ этомъ случаѣ страною будетъ править нашъ уважаемый лучадоръ донъ Токарскій-Рудой или кто-нибудь вродѣ него. Тогда, вѣроятно, найдется подходящее по заслугамъ мѣсто и для дона Родриго Соріано Бароэто Альдамара, и для дона Рамона Франко Багамонде. И тѣнь покойнаго Саввы Тимофеевича Морозова скользнетъ по совѣтской Испаніи, когда газета «Красная молодежь» сообщитъ о націонализаціи домовъ, заводовъ, сейфовъ и картинныхъ галлерей стараго баталліадора дона Мануэля Тарамоны.

---

[1]) Rodrigo Soriano. La Revolucion Espanola, Madrid 1931.

Любезность членовъ испанскаго Временнаго Правительства поистинѣ удивительна: заваленные работой, они находили возможнымъ не только принимать иностраннаго писателя, но и подолгу съ нимъ бесѣдовать, звать его для повторныхъ бесѣдъ. Правда, у меня были русскія и французскія рекомендательныя письма; однако, въ другой странѣ они, навѣрное, не имѣли бы такого дѣйствія. Тонъ испанскихъ государственныхъ людей увѣренный и спокойный. Добавлю, что и видъ у нихъ отнюдь не издерганный, не замученный, не такой, какой былъ въ 1917 году у большинства членовъ нашего Временнаго Правительства. Испанскіе министры очень много работаютъ, но, очевидно, они спятъ, какъ слѣдуетъ, а не «прилегаютъ»; завтракаютъ и обѣдаютъ, а не «наскоро перекусываютъ».

Огромный кабинетъ министра юстиціи де-Лосъ-Ріоса. Длинные книжные шкапы; на столахъ разложены въ порядкѣ бумаги, книги, газеты на иностранныхъ языкахъ, вырѣзки изъ испанскихъ газетъ.

— То, что мы дѣлаемъ, — говоритъ министръ, — можно назвать «юридической революціей». Намъ посчастливилось: новая власть пришла въ результатѣ законнаго акта выборовъ. Мы идемъ дальше по тому же пути: никакихъ насилій, никакого безпорядка, ничего противорѣчащаго закону. Вмѣстѣ съ тѣмъ, твердая власть. Мы используемъ вашъ опытъ и осуществимъ то, что вамъ не удалось. Вы спрашиваете о большевистской опасности? Могу васъ увѣрить, что это мифъ. Коммунизмъ совершенно противорѣчитъ испанскому

національному характеру. Грубаго насилія испанецъ не потерпитъ. Притомъ, гдѣ же наши большевики? Пора была бы имъ объявиться. У насъ и синдикалисты относятся къ коммунизму враждебно. Наконецъ, нѣтъ никакихъ причинъ для народнаго недовольства.

Министръ юстиціи, извѣстный ученый и писатель, говоритъ сжато, увѣренно, прекрасно. Однако, къ большому моему сожалѣнію, его доводы не очень меня убѣждаютъ.

— Какъ иностранецъ, мало знающій вашу страну, я, разумѣется, не позволю себѣ спорить объ испанскихъ дѣлахъ съ испанскимъ министромъ. Но все же у насъ есть надъ вами и нѣкоторое преимущество: мы видѣли вблизи настоящую революцію... Разрѣшите ли вы, господинъ министръ, подѣлиться съ вами нѣкоторыми сомнѣніями?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Вы говорите, что коммунизмъ не соотвѣтствуетъ испанскому національному характеру. Увѣрены ли вы, что онъ соотвѣтствуетъ русскому національному характеру, — или какому бы то ни было другому? Вы говорите, что у васъ пока очень мало большевиковъ. Ленинъ полушутливо утверждалъ, что въ апрѣлѣ 1917 года въ Россіи было только два настоящихъ коммуниста: онъ и его жена. О причинахъ возможнаго недовольства у васъ я судить не могу; однако, я вижу, что ваша валюта упала и продолжаетъ понемногу падать. Сейчасъ въ иностранной валютѣ жизнь у васъ чрезвычайно дешева. Значитъ, она скоро вздорожаетъ,

какъ было въ свое время въ Германіи. Не вызоветъ ли это озлобленія?

— Противъ дороговизны мы принимаемъ мѣры, будемъ бороться съ ней и дальше. Мы надѣемся до октября осуществить радикальнѣйшую земельную реформу. Она намъ дастъ, правда, тысячъ двадцать враговъ, но зато и огромное множество вѣрныхъ, преданныхъ друзей. Пусть коммунисты попробуютъ привлечь на свою сторону крестьянъ, получившихъ землю отъ Кортесовъ!

Это сильный доводъ. Отъ министра Гаціенды (финансовъ) Пріето я въ тотъ же день услышалъ еще другой:

— Ни одна иностранная держава не заинтересована въ насажденіи большевизма въ Испаніи...

Этотъ доводъ еще сильнѣе. Мы особенно хорошо можемъ оцѣнить его силу.

И все-таки...

Кортесы. Я думалъ, они наряднѣе; думалъ, что пышному испанскому двору съ его строгимъ стариннымъ церемоніаломъ соотвѣтствуетъ и пышный великолѣпный парламентъ. Въ дѣйствительности очень простое зданіе съ небогатыми пріемными, съ недорогой мебелью, съ буфетомъ вродѣ тѣхъ, что бываютъ въ учебныхъ заведеніяхъ. Ни съ Таврическимъ Дворцомъ, ни съ парламентами Лондона, Вашингтона, Парижа, Берлина Кортесы и въ сравненіе не идутъ. Отнюдь не блещетъ роскошью и небольшой полукруглый залъ засѣданій: странно расписанный потолокъ, очень

простая трибуна, красныя бархатныя скамейки, — лишь одна несимметрично расположенная часть первой скамьи крыта синимъ бархатомъ: она предназначается для правительства. Мѣсто Примо де Ривера занимаетъ нынѣшній предсѣдатель совѣта министровъ. Онъ въ визиткѣ. Громадное большинство депутатовъ одѣты очень просто, — есть и парусиновые пиджачки. Выдѣляется чрезвычайной элегантностью министръ внутреннихъ дѣлъ, донъ Мигуэль Маура. Въ Кортесахъ только двѣ дамы: обѣ онѣ, въ отличіе отъ мужчинъ, все время что-то пишутъ, очень прилежно и озабоченно.

Немного удивила меня молодость большинства депутатовъ. Старые люди наперечетъ, и это все знаменитости: Алкала Замора, Лерру, Унамуно, Санчесъ Герра, Оссоріо Галлардо. Невольно беретъ сомнѣніе, — житейское или, если угодно, «обывательское». Вѣдь общій тонъ первыхъ мѣсяцевъ новаго строя: «вотъ соберется Учредительное Собраніе, оно все и рѣшитъ». — Такъ все рѣшатъ эти молодые люди? Это ихъ ждали? Однако, не надо придавать чрезмѣрнаго значенія формѣ. Изъ кабинета выходитъ Александръ Лерру, — всѣ увѣрены, что онъ будетъ главой правительства, когда Алкала Замора станетъ президентомъ республики. Его мгновенно окружаютъ, и, по тому благоговѣйному вниманію, съ какимъ молодые депутаты слушаютъ министра иностранныхъ дѣлъ, можно сказать съ большой вѣроятностью: они будутъ голосовать послушно.

Въ медальонахъ повсюду портреты умершихъ пар-

ламентскихъ дѣятелей Испаніи. О многихъ изъ нихъ я никогда не слыхалъ, — и чувствую себя Доминикомъ. По стѣнамъ на коронахъ и гербахъ висятъ красныя шапочки, — не знаю, просто ли это чехлы подъ цвѣтъ скамеекъ или фригійскіе колпаки, которыми, быть можетъ, революція прикрыла короны, открывая Учредительные Кортесы въ годовщину взятія Бастиліи. Настроеніе въ залѣ должно было бы напоминать первые дни Конвента. Но, по совѣсти, я не замѣчаю большого подъема и энтузіазма. Съѣхавшіеся депутаты весело здороваются, болтаютъ, уходятъ группами въ буфетъ. А можетъ быть, и Конвентъ былъ именно такой, — въ первые дни.

Въ гостиной радикальный депутатъ, къ которому у меня также было рекомендательное письмо, дѣлится впечатлѣніями, — они совершенно совпадаютъ съ тѣмъ, что говорили министры: большевистской опасности нѣтъ и въ поминѣ, нѣтъ и никакой другой. Съ каталонцами будетъ легко достигнуто соглашеніе. О военномъ переворотѣ не можетъ быть рѣчи.

— Какъ по вашему, это обязательный оффиціальный оптимизмъ или всѣ они дѣйствительно такъ думаютъ? — спросилъ я иностраннаго журналиста, двадцать лѣтъ живущаго въ Испаніи.

— По моему, они дѣйствительно такъ думаютъ, и они совершенно правы.

— Все-таки, мнѣ было бы очень интересно услышать и «другой звукъ колокола».

— Кого вы имѣете въ виду? Вожди синдикалистовъ мало интересные люди. И едва ли они говорятъ

по-французски. Что касается видныхъ дѣятелей стараго строя, то они всѣ бѣжали за-границу. Впрочемъ, есть одно исключеніе: донъ Гало Понто, бывшій министръ юстиціи и правая рука Примо де Риверы. Но его увидѣть трудно: онъ сидитъ въ тюрьмѣ.

— Нельзя ли тамъ повидать его? Отъ кого зависитъ пропускъ?

— Отъ сеньориты Викторіи Кентъ. Это одна изъ тѣхъ двухъ депутатокъ, она же и директоръ главнаго тюремнаго управленія. Если хотите, я могу васъ познакомить...

Мнѣ потомъ объяснили, что сеньорита Викторія Кентъ сыграла немалую роль въ революціи. Остальные заговорщики, въ большинствѣ очень извѣстные люди, были на счету у диктатора. Но скромная дама, мирно занимавшаяся адвокатурой, вниманія полиціи не привлекала. Именно черезъ нее поэтому и велись конспиративныя дѣла.

Дама въ черномъ платьѣ, съ пріятнымъ, чрезвычайно озабоченнымъ лицомъ. Къ сеньоритѣ Викторіи Кентъ у меня нѣтъ никакого рекомендательнаго письма. Моя просьба явно не вызываетъ восторга. Однако, не встрѣчаетъ и отказа.

— Пріѣзжайте завтра въ двѣнадцать часовъ въ главное тюремное управленіе, мы поговоримъ.

Продолжительный звонокъ. Въ коридорѣ вдругъ появляется яркая живописная группа: четыре человѣка въ шляпахъ съ перьями, въ длинныхъ красныхъ раззолоченныхъ мантіяхъ, медленно проходятъ на трибу-

ну. Повидимому, это стража предсѣдателя. Они занимаютъ мѣсто позади его кресла.

Депутаты толпой вливаются въ залъ. Лица у всѣхъ становятся серьезныя и сосредоточенныя.

Засѣданіе Кортесовъ открывается.

Алкала Замора недаромъ считается королемъ испанскихъ ораторовъ. Его рѣчь на открытіи Кортесовъ, очень умѣренная по содержанію, была превосходна. Та фраза, которая у насъ съ 1918 года стала насмѣшкой и ругательствомъ: «Довели страну... до Учредительнаго Собранія!» въ рѣчи главы испанскаго правительства звучала иначе. Будущее опредѣлитъ ея окончательный смыслъ и цѣну. О себѣ Алкала Замора (набожный католикъ) сказалъ только то, что для него съ открытіемъ Кортесовъ связана высшая честь отпущенной ему Богомъ жизни, и высшая ея точка: отсюда начнется медленное шествіе внизъ.

Личныхъ иллюзій у этого человѣка, кажется, не такъ много.

На слѣдующій день послѣ открытія Кортесовъ я явился къ сеньоритѣ Викторіи Кентъ.

Главное тюремное управленіе. Маленькая уютная гостиная. На ГПУ непохоже, какъ непохожа на чекистку сеньорита Викторія Кентъ.

Какъ надо называть испанскую сеньориту, если она директоръ главнаго тюремнаго управленія? Этотъ важный вопросъ напрасно занималъ меня въ гостиной: вмѣсто госпожи Кентъ вышелъ ея помощникъ, вице-директоръ.

— Сеньорита Викторія Кентъ проситъ ее извинить: неотложное засѣданіе... Она должна была уѣхать и поручила мнѣ побесѣдовать съ вами. Что именно вамъ угодно?

Я объяснилъ.

— Да... Собственно, зачѣмъ вы хотите видѣть Гало Понте?

— Я слышалъ то, что говорятъ о положеніи въ странѣ представители новой власти. Хотѣлъ бы узнать мнѣніе враговъ ея, сторонниковъ стараго строя.

— Да... Да... Къ сожалѣнію, мы не въ правѣ разрѣшить вамъ такое свиданіе. Это зависитъ отъ министра юстиціи. Мы можемъ только дать разрѣшеніе на осмотръ тюрьмы. Однако, не скрываю, мы предпочли бы и это сдѣлать не теперь, а, напримѣръ, осенью. По очень простой причинѣ: тюрьма намъ досталась отъ стараго строя. Вы догадываетесь, что за три мѣсяца мы могли измѣнить лишь немногое. Но уже сейчасъ тамъ производятся большія работы: устраиваются столовыя, новыя ванныя комнаты и т. д.

— Только для политическихъ заключенныхъ или также для уголовныхъ?

— Для всѣхъ. Политическихъ заключенныхъ у насъ къ тому же всего три человѣка.

— ? !

Я не могу сомнѣваться въ данныхъ вице-директора главнаго тюремнаго управленія [1]). Однако, — три политическихъ заключенныхъ въ революціонное время!

---

[1]) Во всякомъ случаѣ съ тѣхъ поръ положеніе очень измѣнилось.

Бо Франціи, въ Англіи ихъ, вѣроятно, десятки, если не сотни.

— Да, три человѣка. Мы не считаемъ нѣсколькихъ арестованныхъ, значащихся не за нами, а за военной властью. Не считаемъ также генерала Беренгера.

Генералъ Беренгеръ, преемникъ Примо де Ривера, боленъ. Онъ считается арестованнымъ, но находится не въ Мадридской тюрьмѣ, а въ931;еговійскомъ замкѣ, гдѣ ему отвели квартиру изъ нѣсколькихъ комнатъ. Онъ не былъ диктаторомъ, не былъ и конституціоннымъ главой правительства. При немъ революціонное движеніе очень усилилось и окрѣпло. Говорятъ о немъ: «не злой человѣкъ». Но за доброе сердце въ политикѣ не даютъ ни гроша.

— Кто же эти трое?

— Гало Понте, котораго вы хотите видѣть, генералъ Мола, бывшій начальникъ полиціи, и... [1]). Итакъ, пропускъ въ тюрьму мы вамъ дадимъ, а по дѣлу о свиданіи съ Гало Понте вы должны обратиться къ министру юстиціи...

Повидимому, моя просьба нѣсколько удивила и министра. Однако, онъ тотчасъ отвѣтилъ, что съ его стороны никакихъ препятствій нѣтъ.

— Намъ скрывать нечего. По моему, вы можете говорить съ господиномъ Гало Понте о чемъ вамъ угодно. Со всѣмъ тѣмъ я не могу разрѣшить этотъ вопросъ безъ министра внутреннихъ дѣлъ. Я дамъ вамъ письмо, поѣзжайте съ нимъ на Пуэрта дель Соль. Ес-

[1]) Не могу вспомнить, кто третій.

ли министръ внутреннихъ дѣлъ такого же мнѣнія, какъ и я, то вы у него и получите пропускъ.

До пріема въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ еще два часа.

Плаза Майоръ. Поэтъ сказалъ, что есть историческія мѣста, гдѣ самый воздухъ дышитъ кровью. Воздухъ долженъ былъ бы дышать кровью здѣсь. На этой площади происходили ауто-да-фе. По случаю свадьбы Карла II, въ честь юной королевы. здѣсь былъ устроенъ знаменитый праздникъ, закончившійся сожженіемъ двадцати вѣдьмъ. Не мѣшаетъ побывать на этой площади скептикамъ, совершенно отрицающимъ моральный прогрессъ человѣчества («скептицизмъ» вѣдь умѣстенъ какъ приправа, — въ чистомъ видѣ онъ нестерпимъ). А кровью воздухъ на «Плаза Майоръ» не дышитъ: прекрасная тихая уютная площадь, на ней мирно играютъ дѣти. Со второй половины восемнадцатаго вѣка здѣсь никого не жгли. Но въ провинціи, куда перебрались вѣдьмы, жгли и много позднѣе. Послѣдніе ауто-да-фе еще могли бы помнить самые старые изъ нынѣ живущихъ людей.

Статуя одного изъ испанскихъ королей, который очень непопуляренъ въ народѣ. Впрочемъ, сейчасъ статуи нѣтъ,—только пьедесталъ: традиція требуетъ, чтобы при каждой революціи эту статую сносили — и вновь воздвигали при каждой реставраціи. Послѣдній разъ ее снесли въ 1873 году. Возстановили въ 1874-омъ.

Гойа поступалъ иначе. Есть такое его панно: при

Бонапартахъ онъ на немъ написалъ короля Іосифа. Послѣ паденія Наполеона и возстановленія Бурбоновъ стеръ и написалъ короля Фердинанда.

Колоссальный дворецъ: Palacio real. Великолѣпное зданіе изъ гранита и мрамора. Говорятъ, во дворцѣ сказочныя богатства, первая въ мірѣ коллекція ковровъ, оставшаяся еще отъ Карла V. Все это цѣло. Пока цѣло.

Члены Временнаго Правительства идеалисты. Поэтому надъ воротами виситъ надпись: «Народъ, береги это зданіе! Оно твое».

Но члены Временнаго Правительства также и практическіе люди. Поэтому у воротъ стоитъ отрядъ полиціи.

Distinguo...

Тройная витрина книжнаго магазина. На это, говорятъ, полезно взглянуть при ознакомленіи съ новымъ мѣстомъ, — «скажи мнѣ, что ты читаешь, и я тебѣ скажу, кто ты». Въ первыхъ витринахъ тѣ книги (на разныхъ языкахъ), какія теперь увидишь въ любомъ книжномъ магазинѣ міра. Нѣтъ лучшаго, на мой взглядъ, романа послѣднихъ лѣтъ, удивительнаго «Angel Pavement» Пристлея; но онъ еще не завоевалъ и Парижа. Есть Валери, Моруа, Томасъ Маннъ, Гексли, Коллетъ, — все самая настоящая литература, имѣющая право на міровую славу. Есть прелестный «Грандъ-Отель» Викки Баумъ. Наряду съ этимъ — Фейхтвангеръ, Пиранделло, Толлеръ, Гладковъ, Па-

найотъ Истрати. Есть, конечно, и Ремаркъ, — однако, не до безчувствія, какъ въ Германіи или въ Голландіи.

Легкая провинціальность Мадрида порою сказывается въ погонѣ «за самымъ что ни на есть новѣйшимъ». Въ философіи это Гайдеггеръ, но въ литературѣ «послѣднимъ крикомъ Парижа» здѣсь явно считаются книги, которыхъ въ Парижѣ не читаетъ рѣшительно никто (въ одной испанской статьѣ мнѣ попалась фраза: «знаменитый французскій писатель Жоржъ Піокъ»). Есть и хорошо намъ знакомая смѣсь Лондонскаго клуба съ Московской комячейкой — серпъ и молотъ въ видѣ брелока, красное пятно на чековой книжкѣ, лэди Асторъ подъ ручку съ Бэлой Куномъ... Смѣсь многоликая и невыносимая.

Зато третья витрина трогательна. Вотъ гдѣ не гоняются за послѣднимъ словомъ: качество вполнѣ замѣняетъ новизну. При одномъ взглядѣ молодѣешь на двадцать пять лѣтъ. Сѣрыя книжки, красныя брошюры. Тутъ политика. Легкое засилье «Карлоса Маркса», какъ и у насъ въ 1905 году; но, разумѣется, не самъ Марксъ, — это по Мадридскому климату тяжелое блюдо, — а спутники всѣхъ величинъ. И «Анти-Дюрингъ» есть? Есть (попробуйте найти въ Парижѣ). И Вильгельмъ Либкнехтъ? Какъ же, вотъ онъ. Брошюры для любого возраста, — можно стать умнѣйшимъ человѣкомъ, истративъ всего пять копеекъ.

Гораздо меньше умиленія вызываетъ верхній уголокъ витрины. На обложкѣ женская голова, раздѣленная на двѣ части проходящей черезъ носъ вертикальной линіей: одна половина бѣлая, другая синяя. Это

«Новая женщина», трудъ госпожи Коллонтай. Рядомъ, тоже въ удивительныхъ обложкахъ, Бончъ-Бруевичъ, Троцкій и еще какой-то «El Nihilista», — оказалось, «Отцы и дѣти»: нельзя же требовать отъ испанскихъ книгопродавцевъ вполнѣ совершеннаго знанія классической русской литературы, — Тургеневъ, Бончъ-Бруевичъ, всѣхъ не заучишь.

Желающіе могутъ сдѣлалъ выводъ: «скажи мнѣ, что ты читаешь»...

Министерства въ Испаніи обставлены много роскошнѣе, чѣмъ парламентъ, хотя историческихъ драгоцѣнностей, вродѣ тѣхъ, что сохранились на Quai d' Orsay или на Downing Street, здѣсь, кажется, нѣтъ нигдѣ. Кабинетъ министра внутреннихъ дѣлъ — огромныхъ размѣровъ комната, выходящая окнами на главную площадь Мадрида, Пуэрта дель Соль. Три пріемныя, комната секретарей, клубныя кресла, портреты людей въ мундирахъ и лентахъ, громадные столы, безпрестанно звонящій телефонъ, необыкновенный порядокъ, необыкновенная учтивость.

Не совсѣмъ обыкновенный министръ для революціоннаго правительства: братъ герцога Мауры, сынъ знаменитаго государственнаго дѣятеля, много разъ бывшаго главой кабинета въ царствованіе Альфонса XIII. Самъ онъ человѣкъ весьма умѣренныхъ взглядовъ, вѣрующій католикъ и отнюдь не революціонеръ по природѣ. У насъ въ 1917 году были въ правительствѣ «заложники демократіи», — я не совсѣмъ понимаю, что собственно это значило; но, пови-

димому, донъ Мигуэль Маура въ испанскомъ Временномъ Правительствѣ «заложникъ аристократіи» (впрочемъ, аристократіи не родовой: Маура незнатнаго происхожденія, несмотря на герцогскій титулъ).

Министръ внутреннихъ дѣлъ отнесся къ моей просьбѣ точно такъ же, какъ министръ юстиціи. Легкое удивленіе и полное согласіе.

— Вы желаете говорить съ господиномъ Гало Понте? Пожалуйста. Я сейчасъ напишу вамъ пропускъ.

Пропускъ готовъ. О положеніи въ странѣ донъ Мигуэль Маура высказываетъ точно такія же мысли, что и другіе члены Временнаго Правительства: все идетъ хорошо, никакой опасности нѣтъ, о большевикахъ не приходится говорить серьезно. Не приходится говорить и о старомъ строѣ.

— Въ чемъ, господинъ министръ, обвиняется донъ Гало Понте?

— Вы, вѣроятно, знаете, что онъ былъ министромъ юстиціи генерала Примо де Ривера. Кортесы рѣшать, предавать ли его суду...

Возможно, что кости барона Монтескье вздрогнули въ могилѣ при этихъ словахъ испанскаго министра. «...La puissance législative ne peut pas juger et elle le peut encore moins dans ce cas particulier où elle représente la partie intéressée, qui est le peuple». Этому мы учились въ университетахъ. Но государственный переворотъ ставитъ правительство въ положеніе, трудность котораго Монтескье не предвидѣлъ. Не надо понимать черезчуръ буквально слова министра юсти-

ціи о «юридической революціи». Новая власть хочетъ судить наиболѣе ненавистныхъ ей дѣятелей стараго строя: «не оставлять же ихъ совершенно безнаказанными». А по какимъ законамъ ихъ судить? Они дѣйствовали въ согласіи со своими законами. Если новой власти везетъ, то можетъ оказаться, что старые министры въ чемъ-либо нарушили и старый законъ — тогда положеніе очень облегчается. А вдругъ ни въ чемъ не нарушили? А вдругъ наиболѣе ненавистныя ихъ дѣйствія именно тѣ, въ которыхъ они выполняли собственный законъ самымъ точнымъ образомъ? Поэтому есть неискренность и недоговоренность во всѣхъ слѣдствіяхъ и судахъ, которые устраивались побѣдителями въ политическихъ распряхъ. Поэтому процессъ короля Людовика XVI былъ образцомъ трагической нелѣпости: бой 10 августа, рѣшившій участь французской монархіи, могъ кончиться иначе, и тогда, по совершенно такому же обвинительному акту, было бы легко отправить на гильотину Дантона, — ничего и измѣнять не надо было бы, кромѣ имени: «Louis est-il coupable?..» — «Danton est-il coupable?...»

Иногда подобныя положенія осложняются и личной драмой. Да вотъ этотъ корректный, образованный, умный министръ: если-бъ его отецъ не умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отъ дона Мигуэля Мауры легко могли бы потребовать его ареста.

Тюрьма «Carcel Modelo». Лѣтъ тридцать тому назадъ она считалась образцовой во всемъ мірѣ, и,

кажется, учебники уголовнаго права описывали ее въ нѣсколько идиллическихъ тонахъ. Большое невысокое зданіе. У входа солдаты. Изъ перваго внутренняго двора — входъ къ директору. Показываю пропускъ главнаго тюремнаго управленія и записку министра внутреннихъ дѣлъ. Директоръ предлагаетъ сначала осмотрѣть тюрьму. Я прошу тѣмъ временемъ узнать у дона Гало Понте, согласенъ ли онъ меня принять.

Первый контрольный пунктъ. Второй контрольный пунктъ. Затѣмъ центральная площадка. Отсюда радіусами расходятся девять огромныхъ залъ, въ которыя выходятъ одиночныя камеры заключенныхъ. Съ площадки, такимъ образомъ, видна вся тюрьма. Изъ девяти корпусовъ семь уголовныхъ, одинъ политическій и одинъ для больныхъ. При корпусахъ разныя мастерскія, но работа въ нихъ не обязательна. Работаютъ только желающіе и, кажется, ихъ не такъ много. Лица у всѣхъ почти заключенныхъ мрачныя, у многихъ страшныя.

Директоръ показываетъ мнѣ пекарню, кухню, библіотеку, столярную мастерскую, еще что-то. Вездѣ относительно чисто. Можетъ быть, это въ самомъ дѣлѣ образцовая тюрьма, можетъ быть, и не образцовая: мнѣ ее сравнивать не съ чѣмъ, — я никакой другой тюрьмы не знаю (видѣлъ, правда, въ 1917 году бастіоны Петропавловской крѣпости). Но по всему этому громадному зданію разлита непередаваемая тоска. Нѣтъ, это не идиллія, это тюрьма.

Двѣ отдѣльныя комнаты, представляющія собой по внѣшнему виду смѣсь архива съ лабораторіей: дак-

тилоскопическое отдѣленіе. Каждый заключенный имѣетъ здѣсь свой листокъ съ отпечаткомъ пальцевъ.

— И политическіе заключенные также?

— Да, и политическіе.

— Если не ошибаюсь, нынѣшній глава правительства въ прошломъ году сидѣлъ въ вашей тюрьмѣ?

Директоръ смущенно улыбается.

— Да, сидѣлъ.

— Нельзя ли взглянуть на его листокъ?

Легкое колебаніе.

— Отчего же, можно... Но въ немъ, право, нѣтъ ничего интереснаго...

Завѣдующій отдѣленіемъ очень быстро находитъ листокъ: номеръ 70795. Фамилія: Алкала Замора. Имя: Нисето. Возрастъ, и т. д. Два отпечатка пальцевъ, затѣмъ значки и цифры. Я не разобралъ, какія именно вилки, дельты и псевдодельты находятся на пальцахъ будущаго президента республики. Можетъ быть, на сосѣднемъ листкѣ зарегистрированъ воръ-рецидивистъ или грабитель большой дороги? Нѣтъ, нельзя сказать, что въ этомъ бумажномъ квадратикѣ нѣтъ ничего интереснаго. Для соображеній по философіи исторіи дактилоскопическая камера Мадридской тюрьмы вполнѣ подходящее мѣсто. Добавлю, что оба министра, выдавшіе мнѣ пропускъ къ Гало Понте, сами вышли изъ «Карсель Моделo» всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Чисто испанское явленіе? Однако Клемансо, Муссолини, Пилсудскій тоже сидѣли въ тюрьмахъ. И даже въ такой странѣ, какъ Англія, съ ея устоявшимся политиче-

скимъ строемъ и бытомъ, Ллойдъ-Джорджъ въ 1900-омъ году и Макдональдъ въ 1917-омъ были на волосокъ отъ тюрьмы. Вѣчное «сегодня ты, а завтра я» политическаго игорнаго дома. Или: «пора вставать, сестрица», какъ сказала въ ночь на 25 ноября 1741 года Елизавета Петровна, явившись съ гренадерами въ Зимній Дворецъ для ареста мирно спавшей Анны Леопольдовны. — «Какъ, это вы, сударыня?» — отвѣтила Анна Леопольдовна спросонья. Не надо слишкомъ крѣпко спать, — такова мораль политики.

Донъ Гало Понте согласенъ меня принять. Мы идемъ въ корпусъ политическихъ заключенныхъ. Онъ мало отличается отъ другихъ. Въ длинный коридоръ выходятъ двери камеръ. Директоръ указываетъ мнѣ боковую дверь въ концѣ коридора и исчезаетъ. Сюрпризъ: крошечная комнатка, въ одной изъ стѣнъ рѣшетка, по ея другую сторону старый человѣкъ въ пижамѣ, — въ тюрьмѣ очень жарко. Это и есть донъ Гало Понте, бывшій министръ юстиціи, ближайшій сотрудникъ генерала Примо де Ривера. Я никакъ не предполагалъ, что разговаривать придется черезъ рѣшетку; таково правило, сохранившееся и при новомъ строѣ. Мѣра совершенно безполезная, ибо передать и такъ можно все, что угодно, а бѣжать изъ «Карсель Модело» очень трудно.

Донъ Гало Понте, улыбаясь, протягиваетъ черезъ рѣшетку руку.

— О чемъ вы желали бы со мной побесѣдовать?

Я спрашиваю о причинахъ его ареста. Можно было бы начать разговоръ и удачнѣе.

— Объ этомъ надо спросить нынѣшнее правительство. Я за собой никакой вины не знаю. Сижу здѣсь шестьдесятъ пять дней, но обвинительнаго акта не получилъ. Обращеніе? Очень хорошее.

— Вы были долгое время министромъ юстиціи генерала Примо де Ривера?

— Да, былъ. И это всегда будетъ главной гордостью моей жизни. Генералъ Примо де Ривера былъ геніальный человѣкъ. Онъ сдѣлалъ много добра Испаніи. Если вы будете писать о настоящемъ нашемъ разговорѣ, то я прошу васъ это сказать совершенно ясно...

Донъ Гало Понте перечисляетъ дѣла бывшаго диктатора.

— ...Такимъ образомъ, мы обезпечили Испаніи шесть лѣтъ процвѣтанія и благоденствія. И крови мы не проливали. Казней въ пору диктатуры Примо де Ривера не было, самые рѣшительные наши враги должны признать, что жестокости наша власть не проявляла никогда. Въ этомъ отношеніи она была диктатурой новаго, особаго типа.

Вотъ именно.

— Думаете ли вы, что диктатура такого типа, не прибѣгающая къ казнямъ и не проявляющая жестокости, можетъ существовать?

— Генералъ Примо де Ривера держался у власти шесть лѣтъ и ушелъ въ отставку лишь тогда, когда королю больше не угодно было, чтобы онъ у власти

оставался. Примо де Ривера былъ убѣжденный монархистъ, какъ и я...

Я спрашиваю о нынѣшнемъ положеніи. Но, повидимому, республиканскій строй вообще внѣ круга мыслей дона Гало Понте. Возможно, что министры, члены Второго Интернаціонала, въ его глазахъ очень немногимъ лучше коммунистовъ. Этого, впрочемъ, бывшій министръ не сказалъ. Онъ ограничился словами:

— Я присягалъ королю. Республикѣ я не присягалъ...

Этотъ старикъ, конечно, говоритъ съ большимъ достоинствомъ, — дай Богъ каждому такъ себя вести за рѣшеткой. Неловко и незачѣмъ его спрашивать, бывало ли въ пору ихъ диктатуры, что люди сидѣли въ тюрьмѣ шестьдесятъ пять дней, не получивъ обвинительнаго акта. Разумѣется, бывало и гораздо чаще, чѣмъ теперь. Однако, выражать ужасъ и негодованіе по поводу такого звѣрства мы, ежедневно читающіе и слышащіе о Соловкахъ, о ГПУ, лучше не будемъ. Всѣ эти люди, монархисты и республиканцы, настоящей революціи и настоящей диктатуры никогда не видали.

Можетъ быть, увидятъ. Вполнѣ допускаю, что въ эту самую камеру попадетъ сеньорита Викторія Кентъ, — «какъ, это вы, сударыня?..» Какая участь ждетъ дона Гало Понте, сказать трудно. Насколько я могу судить о психологіи Временнаго Правительства и Кортесовъ, бывшаго министра юстиціи скоро выпустятъ

на свободу, — если будетъ Временное Правительство и если будутъ Кортесы. Въ противномъ случаѣ его, быть можетъ, разорвутъ на части. Кто? Да скорѣе всего ближайшіе сосѣди изъ уголовнаго корпуса: они вѣдь окажутся коммунистами въ первый же свѣтлый день гипотетическаго испанскаго октября. Такъ часто бывало: ужъ на что другое, а на подобныя дѣла всегда есть историческіе прецеденты. Французскіе депутаты 1792 года, конечно, и въ мысляхъ не имѣли казнить королевскаго министра графа Монморена: его и арестовали «для того, чтобы отвратить отъ него народную ярость». Тѣмъ не менѣе, «народъ» графа растерзалъ въ тюрьмѣ въ дни сентябрьскихъ убійствъ, и народнымъ судьей, «justicier du peuple regénéré», былъ уголовный преступникъ.

Я изложилъ свой разговоръ съ дономъ Гало Понте одному изъ самыхъ просвѣщенныхъ дѣятелей испанской революціи.

— Очевидно, что-то было въ личности генерала Примо де Ривера, если онъ и теперь внушаетъ такія чувства своимъ бывшимъ сотрудникамъ?

— Разумѣется, было, — отвѣтилъ мой собесѣдникъ. — Геніальнымъ человѣкомъ онъ не былъ, но ни въ умѣ, ни въ дарованіяхъ, ни въ личной честности, ни въ самомъ искреннемъ патріотизмѣ я ему отказать не могу. Вѣрно и то, что вамъ сказалъ Гало Понте объ отсутствіи жестокости въ его характерѣ. Диктатуру Примо де Ривера нельзя и сравнивать съ диктатурой Муссолини, — не говорю уже о диктатурѣ Сталина. Главнымъ личнымъ его недостаткомъ было

отсутствіе политической культуры и неуравновѣшенный характеръ. Система же его никуда не годилась.

Какъ не отмѣтить т о н ъ испанской политической борьбы? Испанцы и отъ быка на «Корридѣ» требуютъ, чтобы онъ велъ себя какъ гидальго: совершенно серьезно свищутъ, если неблагородный быкъ не хочетъ идти на арену, гдѣ его непремѣнно зарѣжутъ, и восторженно апплодируютъ, если благородный быкъ несется на торреадора какъ бѣшеный. Не знаю, по этой ли причинѣ Испанія — великолѣпный неудачникъ среди народовъ.

ВЪ ВЕРСАЛѢ[1]).

18 октября 1813 года, въ рѣшительный день исторической битвы подъ Лейпцигомъ, саксонская кавалерія, находившаяся на правомъ флангѣ Наполеоновской арміи, пошла въ аттаку на русскія войска. Саксонцы неслись на врага подъ музыку, съ крикомъ: «Да здравствуетъ императоръ!» Маневръ былъ очень смѣлый, и маршалъ Мармонъ, любуясь аттакой, воскликнулъ съ восторгомъ: «Какія горячія головы, эти саксонцы!..»

Кончилась аттака нѣсколько неожиданно. Доскакавъ до непріятельскихъ позицій, саксонцы объявили, что переходятъ на сторону союзниковъ (дѣлу, разумѣется, предшествовала маленькая секретная подготовка). Они были союзниками приняты очень радушно, знамена колыхались, по прежнему играла музыка, —вѣроятно, она играла какую-нибудь другую мелодію.

Собственно, саксонцы были не такъ ужъ виноваты: ихъ король, правда, былъ союзникомъ императора

[1]) Настоящая статья появилась задолго до кончины Бріана и Думера. Я не сдѣлалъ никакихъ измѣненій.

Наполеона, однако, какъ добрые нѣмецкіе патріоты, они разсудили, что гораздо естественнѣе имъ воевать въ союзѣ съ нѣмцами противъ французовъ, чѣмъ въ союзѣ съ французами противъ нѣмцевъ. Побужденія у нихъ могли быть очень хорошія; но обстановка ихъ дѣла была гораздо хуже. Какъ бы то ни было, аттака саксонскихъ дивизій, произошедшая на виду у всей Наполеоновской арміи, надолго поразила народное воображеніе французовъ. И черезъ тридцать, и черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ битвы при Лейпцигѣ въ глухихъ деревняхъ Нормандіи, Оверни, Прованса старики-инвалиды разсказывали внукамъ объ этой аттакѣ: «Ces Saxons qui nous ont trahis!..» Отсюда и пошло гулять по Франціи ругательное словечко «Saxon»: его нѣтъ въ словаряхъ, но знаетъ его каждый.

Слово это облетѣло Версальскій дворецъ въ ту самую минуту, послѣ перваго голосованія, когда, къ великому и всеобщему изумленію, стало извѣстно, что Аристидъ Бріанъ получилъ меньше голосовъ, чѣмъ Думеръ. Одна статья о выборахъ 13-го мая въ газетѣ, отстаивавшей кандидатуру министра иностранныхъ дѣлъ, кончалась словами: «Провалъ Бріана не есть пораженіе Германіи, какъ утверждаютъ наши враги. Но зато это, конечно, полная побѣда Саксоніи».

Рѣзкія слова и вообще ненужны, а намъ, иностранцамъ, совершенно не подобаютъ. Соціалисты — и не они одни — утверждаютъ, будто въ лагерь Думера перешло въ день выборовъ не менѣе пятидесяти радикалъ-соціалистовъ. Имена нѣкоторыхъ изъ нихъ назывались въ Версальскомъ дворцѣ. По словамъ жур-

налистовъ, эти люди передъ боемъ еще въ два часа дня готовы были отдать жизнь за Бріана. Вполнѣ возможно, что, глядя на нихъ, опытные политическіе маршалы говорили: «Какія горячія головы, эти радикалъ-соціалисты!»

Ихъ вину, однако, тоже никакъ не надо преувеличивать. И у этихъ людей могли быть очень серьезныя побужденія совершенно безкорыстнаго патріотическаго характера. Вѣдь, все-таки, главнымъ избирательнымъ агентомъ Думера былъ Гитлеръ. Кромѣ того, Поль Думеръ радикалъ-соціалистъ. Очень трудно назвать «предательствомъ» то, что люди голосовали за члена своей партіи противъ кандидата, который въ ихъ партію не входитъ. Но, конечно, было бы лучше, если-бъ они высказались противъ Бріана при открытыхъ голосованіяхъ въ Палатѣ и въ Сенатѣ. Тогда и предварительный статистическій расчетъ былъ бы другой, и Бріанъ не выставилъ бы своей кандидатуры, и въ Залѣ Національнаго Собранія не стоялъ бы сплошной стонъ изумленія:

— «Бріана надули!.. On a roulé Briand!..»

Въ ложахъ печати до пяти часовъ рѣшительно никто не сомнѣвался въ полной побѣдѣ Бріана. Надо ли говорить, что много вполнѣ компетентныхъ людей, весьма заинтересованныхъ въ дѣлѣ, въ теченіе послѣднихъ двухъ недѣль производило точнѣйшіе, внимательнѣйшіе расчеты, — по всякимъ признакамъ: партійнымъ, групповымъ, личнымъ. По всѣмъ этимъ подсчетамъ (за однимъ исключеніемъ: Мандель совершенно правильно предсказалъ исходъ голосованія),

выходило одно и то же: министръ иностранныхъ дѣлъ долженъ получить не менѣе 470 голосовъ. Но главнымъ доказательствомъ былъ, конечно, самъ Бріанъ, т. е. его согласіе баллотироваться въ президенты: если онъ согласился, значитъ, избраніе обезпечено, — «voyons, voyons, il sait ce qu'il fait»...

Здѣсь мы, собственно, вступаемъ въ область мистики. Бріана окружаетъ почти такая же атмосфера суевѣрнаго ужаса, какая окружала въ свое время князя Таллейрана. Долгіе годы безпроигрышной игры могутъ создать человѣку непріятную репутацію въ клубѣ; въ политикѣ они, естественно, создаютъ ему необычайный ореолъ. Таллейранъ игралъ, не проигрывая, почти пятьдесятъ лѣтъ. Затѣмъ, по выраженію Виктора Гюго, «съ нимъ случилось важное событіе: онъ умеръ». Когда это событіе стало извѣстно политикамъ того времени, одинъ изъ нихъ будто бы озабоченно спросилъ: «Какъ вы думаете, какова можетъ быть его настоящая цѣль?» Анекдотъ довольно мрачный, но для политической мистики характерный. Такой же мистикой объясняется и то настроеніе, которое было въ Версалѣ 13 мая въ пять часовъ дня: Поль Думеръ 442 голоса, Аристидъ Бріанъ 401 голосъ!

«On a roulé Briand!..»

Если-бъ Эммануилъ Ласкеръ въ моментъ высшаго расцвѣта своей славы, въ ореолѣ двадцатипятилѣтней непобѣдимости, внезапно проигралъ важнѣйшій матчъ какому-нибудь достойному, почтенному, престарѣлому игроку, вродѣ Тарраша или Блэкберна, впечатлѣніе

въ кругахъ шахматистовъ было бы огромное. У шахматистовъ также есть идеи, направленія, борьба партій, борьба людей, и, вѣроятно, въ разгаръ шахматнаго матча страсти разгораются очень сильно. Не буду злоупотреблять этимъ сравненіемъ: разница достаточно очевидна. И, тѣмъ не менѣе, въ Залѣ Конгресса, наблюдая кандидатовъ, наблюдая выборщиковъ, въ особенности наблюдая публику, я лишь съ трудомъ отдѣлывался отъ мысли, что главный интересъ выборовъ чисто спортивный: кто кого?

На потолкѣ Зала Конгресса написаны аллегорическія картины: «Война», «Миръ». Для символики, которую мы изо дня въ день можемъ почерпать въ нѣкоторыхъ французскихъ газетахъ, было бы очень удобно, если бы Бріанъ сидѣлъ подъ «Миромъ», а Думеръ подъ «Войной». Къ сожалѣнію, сидятъ они иначе; да и символика эта, въ смыслѣ точности, оставляетъ желать лучшаго: есть основанія думать, что Поль Думеръ, придя къ власти, не объявитъ немедленно войны. Есть даже основанія думать, что вообще ровно ничего отъ его избранія не измѣнится.

Едва-ли какая-либо другая внѣшняя политика, кромѣ Бріановской, теперь возможна во Франціи. Нельзя, никакъ нельзя поручиться, что и эта политика не приведетъ рано или поздно къ катастрофѣ: мы живемъ въ грозное время. Но все другое сейчасъ психологически невозможно. У насъ въ 1917 году политическая необходимость (миръ) была психологической невозможностью, — изъ-за этого все и погибло. Во Франціи, слава Богу, дѣло

обстоитъ неизмѣримо лучше, и потому чрезмѣрно страшныя слова въ иныхъ газетахъ мы вынуждены объяснить — даже не демагогіей, а просто профессіональной привычкой. Семь лѣтъ тому назадъ, когда вмѣсто Мильерана Конгрессъ избралъ президентомъ республики Думерга, а не Пэнлеве, лѣвыя французскія газеты тоже писали, что теперь все кончено, жребій брошенъ, и начинается борьба не на жизнь, а на смерть. А еще нѣсколько раньше, при другой такой же національной катастрофѣ, приблизительно то же самое, съ не менѣе отчаяннымъ видомъ, утверждали правыя французскія газеты. Такова традиція. Страшныя слова говорятся, впрочемъ, и не только при президентскихъ выборахъ. На слѣдующій день, послѣ образованія кабинета Тардье, мы съ ужасомъ кое-гдѣ читали, что во Франціи восторжествовала настоящая черная реакція. Понимая это буквально, мы, естественно, должны были бы ожидать, что оппозиціонныя газеты будутъ немедленно закрыты, враждебныя партіи разгромлены, политическіе противники Тардье брошены въ тюрьмы, а на заводахъ введенъ двѣнадцатичасовый рабочій день. Въ дѣйствительности трудно было даже подмѣтить практическое отраженіе тѣхъ оттѣнковъ мысли, которые отдѣляютъ реакціонера Тардье отъ революціонера Шотана. Свелось это, кажется, къ тому, что новый премьеръ назначилъ четырехъ новыхъ префектовъ, — Шотанъ назначилъ бы другихъ. Это, конечно, имѣетъ значеніе для будущей избирательной кампаніи, но не очень большое значеніе. Къ тому же до выборовъ и кабинеты,

и префекты могутъ перемѣниться снова. Можетъ даже случиться, что служители черной реакціи, какъ Тардье, и служители соціальной революціи, какъ Шотанъ, окажутся въ одномъ правительствѣ, — это тоже бывало. Разумѣется, идейная борьба ведется и будетъ вестись. Выборъ Думера вмѣсто Бріана не лишенъ нѣкотораго символическаго смысла. Однако, на страшныя слова должно, повторяю, сдѣлать поправку. Въ чисто-педагогическомъ отношеніи (разумѣется, только въ этомъ отношеніи), я иногда сожалѣю, что авторы громовыхъ статей не имѣютъ понятія о настоящей реакціи и о настоящей революціи.

Во всякомъ случаѣ, президентскіе выборы 13 мая дѣлаютъ большую честь Франціи: за первую должность въ государствѣ боролись два честныхъ человѣка и боролись чрезвычайно корректно. Если иные ихъ сторонники поступали не совсѣмъ такъ, какъ могъ бы требовать чрезмѣрно строгій, не знающій прецедентовъ судья, то сами противники вели себя безукоризненно. Оба они, независимо отъ ихъ взглядовъ, просто хорошіе, порядочные люди.

У насъ, эмигрантовъ, есть къ тому же особыя основанія относиться къ нимъ съ искренней симпатіей, — мы знаками вниманія вообще не избалованы. Тѣ статьи, которыя строчатся въ Москвѣ одинаково и о Бріанѣ, и о Думерѣ, укрѣпляютъ насъ въ этомъ чувствѣ: о де-Монзи, напримѣръ, совѣтскія газеты писали бы совершенно иначе. При Думерѣ ни Литвиновъ, ни Довгалевскій не будутъ здѣсь дорогими гостями.

Публика въ залѣ такая же, что на парадномъ спектаклѣ въ Оперѣ или на состязаніи знаменитыхъ боксеровъ, — съ той разницей, что галерки нѣтъ никакой: только orchestre и balcon. Зато галерка, въ грубомъ смыслѣ этого слова, есть внизу, на мѣстахъ для депутатовъ, въ углу амфитеатра, гдѣ скандалятъ одиннадцать коммунистовъ. Не одинъ французъ, вѣроятно, съ неудовольствіемъ смотритъ на то, что коммунисты разсѣлись, какъ у себя дома, во дворцѣ Людовика XIV. Будемъ, однако, справедливы: съ точки зрѣнія Людовика XIV, самъ Луи Маренъ лишь немногимъ лучше, чѣмъ Доріо или Марти.

Зала, впрочемъ, новая. Въ семнадцатомъ вѣкѣ здѣсь было помѣщеніе service de la bouche. На томъ мѣстѣ, гдѣ находится теперь трибуна предсѣдателя, была лѣстница. По ней слуги носили la viande de sa Majesté. Людовикъ XIV обѣдалъ въ часъ дня, au petit couvert, т. е. ѣлъ онъ одинъ, но стояли въ столовой знатнѣйшія особы Франціи, всѣ въ шляпахъ; безъ шляпы былъ только король. Садиться за столъ могъ лишь Monsieur, братъ короля, и то не иначе, какъ по его приглашенію, и то не сразу, а лишь послѣ второго приглашенія. За обѣдомъ Людовикъ XIV, по свидѣтельству Сенъ-Симона, обычно не разговаривалъ, но ѣлъ съ аппетитомъ. Сохранилосв описаніе его ежедневнаго обѣда: закуски, большей частью, съ непонятными названіями: сальпиконъ, миротонъ и т. д., шесть разныхъ суповъ одинъ за другимъ, два рыбныхъ блюда, телятина, два блюда фрикассе, четыре блюда дичи, шесть жаркихъ, два слад-

кихъ блюда и четыре компота. «Service de la bouche» насчитывалъ 1500 человѣкъ. Остатки его въ 1793 году еще значились въ бюджетѣ подъ названіемъ: «La bouche de Capet».

Быть можетъ, демократія дѣлаетъ эстетическую ошибку, выбирая для своихъ простыхъ обрядовъ слишкомъ великолѣпные дворцы, оставшіеся отъ того времени, когда человѣческій трудъ ничего не стоилъ, а великіе художники работали за гроши. Президентъ французской республики получаетъ меньше жалованья, чѣмъ, напримѣръ, у насъ тратили въ годъ многіе богатые частные люди въ Москвѣ или Петербургѣ. Съ этимъ скромнымъ бюджетомъ республика даетъ президенту въ пользованье три историческихъ дворца, въ которыхъ въ былыя времена жили люди, не считавшіе милліоновъ. Такое же несоотвѣтствіе и здѣсь: Версальскій дворецъ долженъ былъ бы остаться музеемъ, — зачѣмъ было устраивать здѣсь эту неудобную залу?

Они сидятъ другъ противъ друга, — Думеръ на предсѣдательской трибунѣ, Бріанъ на правительственной скамьѣ. Идетъ первое голосованіе. Президентъ республики медленно выкристаллизовывается въ огромной урнѣ, — на которую оба и не смотрятъ. Для этихъ двухъ старыхъ людей рѣшается вопросъ объ остаткѣ ихъ жизни. Оба совершенно спокойны: они знаютъ правила игры. Толстой, навѣрное, сказалъ бы имъ: «О душѣ пора думать, о душѣ»... Боюсь, что оба

они въ эту минуту думаютъ о душѣ не такъ упорно, какъ въ обычное время.

Я видѣлъ Поля Думера вблизи, въ галлереѣ бюстовъ, около часа дня. Привѣтливо улыбаясь знакомымъ, держась очень прямо, онъ шелъ въ свой кабинетъ быстрой, необыкновенно легкой для его возраста, походкой. Предсѣдатель Національнаго Собранія былъ еще въ визиткѣ, а не во фракѣ. Это хорошо одѣтый, представительный человѣкъ. Онъ будетъ самымъ представительнымъ изъ всѣхъ президентовъ Третьей Республики, — за исключеніемъ, быть можетъ, Сади Карно. Но тотъ принадлежалъ къ знатнѣйшей республиканской фамиліи: семья Карно въ республиканской знати то же самое, что родъ Монморанси въ знати королевской. Поль Думеръ — сынъ рабочаго, и самъ въ дѣтствѣ работалъ въ мастерской. Не надо вѣрить англійскому писателю, который совершенно серьезно говорилъ: «пяти поколѣній почти достаточно для того, чтобы образовать джентльмэна». Можно обойтись и безъ пяти поколѣній.

Бріанъ сидѣлъ въ Залѣ Конгресса, усталый и сгорбленный, съ написаннымъ на лицѣ глубокимъ безразличіемъ ко всему, что вокругъ него происходило. Онъ состарился за послѣдніе два года и производитъ впечатлѣніе очень утомленнаго жизнью человѣка. Къ нему безпрестанно подходили люди и, радостно улыбаясь, съ нимъ здоровались, — вѣроятно, заранѣе его поздравляли.

Около трибуны вывѣшиваютъ буквы; въ порядкѣ этихъ буквъ приставъ выкрикиваетъ имена вы-

борщиковъ. Депутаты и сенаторы поднимаются одинъ за другимъ на трибуну. Нѣкоторымъ апплодируютъ, другіе проходятъ незамѣченные, — богатая тема для дешевыхъ размышленій на тему Sic transit: ни рукоплесканій, ни улюлюканія, ни даже «движенія въ залѣ» не вызываютъ такіе люди, какъ Мильеранъ или Кайо. Кажется, они сами чувствуютъ неловкость и поспѣшно проходятъ по трибунѣ.

Буква б одна изъ позднихъ; президентскій кристаллъ въ урнѣ уже готовъ, по крайней мѣрѣ, на три четверти. Какъ на зло, съ этой буквы начинаются имена многихъ депутатовъ, — самая длинная и самая волнующая буква. Въ залѣ понемногу устанавливается тишина; до того было шумно и весело. Всѣ напряженно ждутъ. «Monsieur Blum Léon!» радостно кричитъ приставъ. Свистъ на правыхъ скамьяхъ. «Hou! hou! Vivent les Soviets!» на скамьяхъ коммунистическихъ, долгіе рукоплесканія соціалистовъ. «...Monsieur Bracke!..» Худощавый нервный депутатъ сердито пробѣгаетъ по трибунѣ. Въ другое время и ему поапплодировали бы слѣва, онъ очень почтенный человѣкъ и большой знатокъ греческой литературы. Но теперь не до него. Наступаетъ полная тишина. «...Monsieur Briand Aristide!» — наслаждаясь эффектомъ, выкрикиваетъ приставъ. Большая часть залы встаетъ, бурные оглушительныя рукоплесканія. Бріанъ съ трудомъ поднимается по лѣсенкѣ. Рукоплесканія все растутъ. Поль Думеръ на трибунѣ невозмутимо перелистываетъ бумаги. Правая часть залы молчитъ. «Hou! hou! Vivent les Soviets!», — орутъ коммунисты. Не поворачиваясь къ

залу, Бріанъ опускаетъ конвертъ, держась рукой за столъ, спускается съ лѣсенки и, сгорбленный, медленной старческой походкой, выходитъ въ коридоръ, — я чуть было не написалъ «за кулисы».

Больше я его не видѣлъ. Не видѣлъ и въ ту минуту, когда ему сообщили объ исходѣ голосованія. Въ буфетъ журналистовъ, гдѣ все узнаютъ мгновенно, пришла вѣсть, будто онъ сказалъ: «J'en ai vu bien d'autres!» Сидѣвшій рядомъ со мной японецъ тотчасъ протелеграфировалъ это въ Токіо, — ужъ я не знаю, какъ онъ перевелъ слова Бріана. Во всякомъ случаѣ, Бріанъ могъ это сказать: въ самомъ дѣлѣ, il en a vu bien d'autres. Двадцать лѣтъ тому назадъ ему устраивали оваціи тѣ люди, которые теперь его травятъ, и травили тѣ, которые теперь устраиваютъ оваціи.

Изъ газетъ мы знаемъ, что онъ не предполагаетъ оставить политическую дѣятельность, какъ это сдѣлалъ Жоржъ Клемансо, съ которымъ, въ свое время, при его, Бріана, ближайшемъ участіи, была сыграна такая же штучка, только еще болѣе эффектная Все-таки, я съ искреннимъ сожалѣніемъ думаю, что отъ Версальскаго удара Бріанъ никогда не оправится. Если со временемъ соціалисты получатъ двѣсти мѣстъ въ Палатѣ Депутатовъ, то имъ Бріанъ, вождь и создатель блоковъ и коалицій, будетъ не такъ ужъ нуженъ. Вѣдь и въ нынѣшней кампаніи газеты «Populaire» его именемъ пользуются, преимущественно, для выборныхъ цѣлей: «Они провалили Человѣка Мира!» —

въ одной изъ афишъ такъ съ большой буквы и пишется: «L'Homme de la paix». Ничего дурного въ этомъ нѣтъ; это далеко не худшій видъ демагогіи, да, пожалуй, и не очень новый; десять лѣтъ тому назадъ противоположный лагерь вопилъ: «Они провалили Отца Побѣды!» Но Бріанъ, вѣроятно, не строитъ себѣ особыхъ иллюзій въ отношеніи вѣчной дружбы соціалистовъ. И я боюсь, что видѣлъ въ Версалѣ закатъ или начало заката одной изъ самыхъ необыкновенныхъ карьеръ въ политической исторіи послѣдняго столѣтія.

Второе голосованіе, разумѣется, никого не интересовало: результатъ теперь былъ предрѣшенъ, — могъ ли разсчитывать на успѣхъ человѣкъ, о которомъ въ публикѣ спрашивали: «Марро? Какой это Марро?» Вдобавокъ, въ пользу Думера отказался отъ своихъ скромныхъ пятнадцати голосовъ коньячный король, — неожиданная кандидатура Эннесси (при самомъ искреннемъ уваженіи къ его творчеству) вносила въ выборы президента легкую комическую ноту.

Поль Думеръ появляется въ залѣ. Его мгновенно окружаютъ, ему почтительно кланяются. Еще не всѣ пришли въ себя отъ неожиданности.

Въ историческомъ романѣ Сенкевича, панъ Володыевскій вызываетъ на поединокъ грознаго атамана Богуна, знаменитаго, непобѣдимаго фехтовальщика. Начинается поединокъ, казаки и поляки окружаютъ бойцовъ. Вдругъ Богунъ движеньемъ, извѣстнымъ только лучшимъ мастерамъ, перебрасываетъ саблю въ лѣвую руку, — смерть грозитъ слѣва пану

Володыевскому. Но, разумѣется, панъ Володыевскій знаетъ этотъ страшный пріемъ, какъ и всѣ другіе. Онъ отбиваетъ ударъ, переходитъ въ контръ-атаку, — и Богунъ валится на землю. Товарищи атамана съ изумленіемъ смотрятъ на маленькаго ростомъ Володыевскаго; они не вѣрятъ своимъ глазамъ. Приблизительно такое же настроеніе теперь господствуетъ въ Залѣ Конгресса. Не помогла непобѣдимому до сихъ поръ борцу и лѣвая рука (Блюмъ): говорятъ даже, что именно она его погубила.

Предсѣдатель Рабье объявляетъ результаты второго голосованія. Еще восемьдесятъ радикалъ-соціалистовъ подало голосъ за Думера. Новая шумная манифестація. «Hou! hou! Vivent les Soviets!» — несется съ коммунистическихъ скамей. Во дворцѣ Людовика XIV поютъ «Интернаціоналъ». Къ сожалѣнію, соціалисты и коммунисты поютъ хоромъ. Давно пора бы либо той, либо другой партіи, во избѣжаніе недоразумѣній, отказаться отъ этого гимна: не такое ужъ въ самомъ дѣлѣ сокровище поэзіи и музыки, чтобы такъ за него держаться.

Всѣ бѣгутъ внизъ. Новый президентъ принимаетъ поздравленія въ залѣ Маренго. Въ длинной галлереѣ выстраиваются шпалерами солдаты. Вдали тихо бьютъ барабаны, — это очень красиво. Легкій, глухой бой приближается, — идетъ процессія: префекты, генералы, министры, потомъ пристава со шпагами. Поль Думеръ проходитъ съ тѣмъ же спокойнымъ, привѣтливымъ и достойнымъ видомъ, какъ будто въ его жизни ровно ничего не случилось. Думаю, что онъ будетъ прекрас-

нымъ, корректнѣйшимъ президентомъ Республики. Вѣроятно, и вражда къ нему въ лѣвыхъ кругахъ скоро разсѣется.

Но сейчасъ вражда очень сильна. Передаютъ тревожные слухи, будто на дворѣ готовится скандалъ. Дворецъ оцѣпленъ войсками, вездѣ полиція, по дорогѣ въ Парижъ разставлены жандармы, однако, все возможно. Мы торопливо выходимъ во дворъ.

Въ двухъ шагахъ отсюда, вонъ у того подъѣзда, Дамьенъ когда-то бросился съ перочиннымъ ножикомъ на Людовика XV. По собственнымъ словамъ Дамьена, это было именно манифестаціей, а не покушеніемъ. Король остался невредимъ. «Убійца» же былъ четвертованъ послѣ чудовищныхъ пытокъ, описаніе которыхъ просто невозможно читать. Теперь устраивать демонстрацію противъ главы государства, даже съ перочиннымъ ножикомъ въ рукахъ, можно безъ большого риска. Дѣйствительно, десятка два людей, яростно потрясая тростями и портфелями, кричатъ у подъѣзда: «Да здравствуетъ миръ!..» Это не очень грамотно и не очень страшно; во всякомъ случаѣ, устроить контръ-манифестацію трудно, — не кричать же: «Да здравствуетъ война!» Автомобили президента и его свиты отъѣзжаютъ. Если не ошибаюсь, никто изъ серьезныхъ депутатовъ не принялъ участія въ манифестаціи. Французы умнѣйшій, культурный народъ.

ВЪ ПАРИЖСКОМЪ КИНЕМАТОГРАФѢ

Президентъ Гинденбургъ производитъ смотръ войскамъ. Гигантскаго роста, совершенно прямой, въ штатскомъ платьѣ, явно ему непривычномъ, онъ медленно идетъ вдоль фронта. Если вглядѣться внимательно, видишь, какъ тяжело ему идти, какого напряженія стоитъ старику этотъ ровный военный шагъ. Президентъ выполняетъ свой долгъ, — какъ выполнялъ его почти семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда, въ сраженіи подъ Садовой, шелъ въ атаку на австрійскую батарею.

Это старая школа. Онъ одинъ изъ послѣднихъ ея представителей. Такіе люди еще есть въ разныхъ политическихъ лагеряхъ. Но они, вѣроятно, послѣдніе.

Лицо у фельдмаршала непроницаемое, тяжелое, каменное. Это не тотъ «cafard», который запечатлѣлся на лицѣ принца Уэлльскаго, только что, до Гинденбурга, показаннаго на экранѣ, — предмета общей зависти всѣхъ жизнерадостныхъ людей міра («вотъ кому весело живется!»). У 85-лѣтняго германскаго

президента видъ безрадостный и безнадежный, — подходящій къ стилю германской республики.

Исторія точно нарочно придумывала: какъ создать наиболѣе трудныя условія для страны, наглядно доказавшей свою изобрѣтательность? Неслыханное пораженіе, пришедшее какъ разъ тогда, когда народъ былъ совершенно увѣренъ въ своей полной побѣдѣ надъ всѣмъ міромъ. Самая «военная» нація въ Европѣ, но оружія у нея столько, сколько есть у Голландіи или Норвегіи. Послѣ прусской гвардіи — нынѣшніе «шупо». Послѣ безпримѣрнаго хозяйственнаго расцвѣта — треть населенія безъ работы. Послѣ небывалаго порядка — небывалый безпорядокъ. Исторія сказала: выпутывайтесь.

Старое еще сказывается въ новомъ. Символомъ можетъ служить взрывъ экспресса FD 43, произошедшій 9 августа у станціи Ютербогъ. Взрывъ поѣзда это, конечно, новое, — когда же въ Германіи взрывались поѣзда? Но тутъ же и «вѣчно-нѣмецкое», — черезъ двѣнадцать минутъ на мѣсто катастрофы, со станцій Ютербогъ и Луккенвальде, подошло четыре спасательныхъ поѣзда, съ инженерами, врачами, рабочими и сидѣлками, — точно и въ Луккенвальде, и въ Ютербогѣ въ эту ночь спеціально собрались всѣ эти люди въ предположеніи: а не случится ли ночью по близости взрывъ на желѣзной дорогѣ?

Въ отчетѣ же было сказано, что катастрофа произошла «beim Kilometerstein 60,7», въ 21 часъ 42 1/2 минуты.

Какъ можетъ погибнуть такая страна?

Пуанкарэ у себя въ Лотарингіи. Публика бурно апплодируетъ. Чувствуется общее, столь естественное, настроеніе зала: какъ жаль, что онъ больше не работоспособенъ!

Это и въ самомъ дѣлѣ большая трагедія: Пуанкарэ былъ самымъ работоспособнымъ человѣкомъ въ мірѣ. Въ одномъ изъ своихъ дѣтскихъ стихотвореній онъ говоритъ о «ненавистномъ отдыхѣ», — слова, довольно необычныя въ устахъ пятнадцатилѣтняго гимназиста. Отдыхъ былъ ему ненавистенъ всю жизнь. Шестидесяти восьми лѣтъ отъ роду онъ, случалось, писалъ семь рѣчей въ день и произносилъ ихъ совершенно точно, на память, не справляясь съ бумажкой. Свою отвѣтную ноту британскому правительству въ августѣ 1923 года Пуанкарэ собственноручно, отъ перваго слова до послѣдняго, написалъ въ одинъ день, — въ ней было два печатныхъ листа. Нота лорда Керзона, на которую онъ отвѣчалъ по пунктамъ, составлялась въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, и британскій министръ не могъ прійти въ себя отъ изумленія, получивъ отвѣтъ черезъ двадцать четыре часа. По воскресеньямъ Пуанкарэ уѣзжалъ изъ Парижа — для произнесенія своихъ памятныхъ рѣчей, — всегда по желѣзной дорогѣ, такъ какъ «въ автомобилѣ трудно писать». А если съ нимъ отправлялась его жена, то онъ платилъ за ея билетъ, хоть ему предоставлялся салонъ-вагонъ: въ законѣ ничего не сказано о безплатномъ билетѣ для жены перваго министра. По той же причинѣ онъ отсылалъ для продажи въ пользу бѣдныхъ всѣ подарки, которые полу-

чалъ въ бытность свою президентомъ республики: въ законѣ ничего не сказано о томъ, что президентъ республики долженъ получать подарки.

Можетъ быть, здѣсь былъ и главный политическій недостатокъ этого замѣчательнаго, образцово-порядочнаго, во многихъ отношеніяхъ незамѣнимаго, человѣка. Онъ исполнялъ всѣ свои обязательства — и того же требовалъ отъ другихъ. Германія обязательствъ не выполняла, — онъ и говорилъ каждое воскресенье о «la mauvaise foi de l'Allemagne» и, наконецъ, послалъ въ Рурскую область судебнаго пристава. Европа могла погибнуть, но «la mauvaise foi de l'Allemagne» была доказана съ совершенной очевидностью.

Его рѣчи по ясности построенія, по логической силѣ, по юридическому обоснованію — верхъ совершенства. Политическая цѣнность ихъ ниже: онъ, по природѣ, спорщикъ, — большой недостатокъ для государственнаго дѣятеля. Однако, неудача политики Пуанкарэ была бы много нагляднѣе, если бы противоположная политика достигла лучшихъ результатовъ.

Самыя же удивительныя слова Пуанкарэ были имъ какъ-то сказаны на завтракѣ Гонкуровской Академіи (онъ, кажется, состоялъ ея юрисконсультомъ):

«За всю свою жизнь я ничего не сдѣлалъ. Ничего дѣлать не смѣлъ. Я ничего не дѣлаю и теперь, ибо не знаю, во имя чего нужно дѣйствовать».

Кажется, если-бъ нарочно выбрать — кто никакъ не могъ это сказать? — надо было бы назвать Пуанкарэ.

Квартира Клемансо на улицѣ Франклина. Но ее я видѣлъ не только на экранѣ.

Въ этой квартирѣ въ теченіе сорока лѣтъ прямо или косвенно дѣлалась французская, а то и міровая, исторія. Первое отъ нея впечатлѣніе: небогато жилъ знаменитый человѣкъ. Три съ половиной комнаты во дворѣ, — правда съ крошечнымъ садомъ. Мебель такая, какую можно найти у зажиточныхъ русскихъ эмигрантовъ: покойныя кожаныя кресла, красный «бобрикъ» въ кабинетѣ, книжныя полки хорошей работы. Не идутъ въ счетъ картины Моне, вѣроятно, подаренныя Клемансо художникомъ, его ближайшимъ другомъ; да еще нѣсколько цѣнныхъ старинныхъ вещей. Однако, свой стиль въ квартирѣ есть; на квартиру зажиточнаго эмигранта она все таки не похожа. Онъ и въ книгахъ, и въ старинныхъ вещахъ зналъ толкъ.

У изголовья постели, на которой онъ умеръ, виситъ телефонъ; въ 1917-19 г. г. исторія дѣлалась при помощи этого телефона. Тутъ же лежитъ браунингъ, — Клемансо всю жизнь прожилъ въ опасности. На столѣ гусиныя перья. Онъ до конца своихъ дней не признавалъ ни стальныхъ перьевъ, ни самопишущаго пера. Гусиными перьями писалъ и «коммунистъ» Анатоль Франсъ. Едва ли человѣкъ, пользующійся гусиными перьями, можетъ быть большевикомъ.

Въ кабинетѣ всѣмъ извѣстный по фотографіямъ столъ подковой, сдѣланный по образцу, вырѣзанному самимъ Клемансо изъ картона. Но работалъ ста-

рикъ въ послѣдніе годы не въ кабинетѣ, а въ спальнѣ; а отдыхалъ не въ кабинетѣ, а въ столовой. Почему? Объ этомъ сказано въ описаніи послѣднихъ дней князя Николая Болконскаго: «Вездѣ ему казалось нехорошо, но хуже всего былъ привычный диванъ въ кабинетѣ. Диванъ этотъ былъ страшенъ ему, вѣроятно, по тяжелымъ мыслямъ, которыя онъ передумалъ, лежа на немъ. Нигдѣ не было хорошо, но, все таки, лучше всѣхъ былъ уголокъ въ диванной за фортепіано»... Старый мизантропъ, спасшій Францію, былъ очень несчастенъ, — онъ самъ это сказалъ. И тѣ два знаменитыхъ человѣка, о которыхъ я только что вспомнилъ, говорили о себѣ то же самое. «Я за всю свою жизнь не зналъ ни одного счастливаго дня, ни одного!» — сказалъ Анатоль Франсъ. «Халифъ Абдурахманъ имѣлъ въ жизни четырнадцать счастливыхъ дней, а я, навѣрное, не имѣлъ столько», — говоритъ Толстой.

«Le piatiletka ou le fameux plan quinquennal!».

Огромные заводы. Трубы еще не дымятся. Но скоро будутъ дымиться. Клемансо говорилъ, что рѣчь Жореса онъ узнаетъ по одному безошибочному признаку: всѣ глаголы въ будущемъ времени. Къ пятилѣткѣ это замѣчаніе подходитъ гораздо лучше.

Передъ заводами улыбающіеся люди. Они будутъ хорошо одѣты, и улыбка у нихъ будетъ веселѣе. Но сейчасъ видъ у этихъ людей жалкій, несмотря на всѣ старанія совѣтскихъ самородковъ-режиссеровъ.

Я ѣхалъ въ автобусѣ изъ Ниццы въ Гренобль Мы проѣзжали черезъ маленькіе прелестные полугородки-полудеревушки. Чуть ли не въ каждомъ есть захудалая гостиница съ пышнымъ названіемъ: «Hôtel Splendid, electricité» или «Hôtel Majestic, confort moderne». Тамъ это electricité обезоруживало своей наивностью. Здѣсь то же самое преподносится на показъ всему міру. Они хотятъ создать совѣтское Чикаго. Въ дѣйствительности, та же Царицынская слободка, но испорченная нелѣпой претенціозностью.

Европѣ такъ въ послѣднее время надоѣла «анархія капиталистическаго хозяйства», что она съ почтительнымъ изумленіемъ глядитъ и на коммунистическую корову въ американскомъ сѣдлѣ. Потому что «le piatiletka». Планъ. Быть можетъ, скверный планъ, но планъ.

Наше бѣдствіе — короткая память. Плановое хозяйство велось, напримѣръ, въ Германіи въ 1914-18 г. г. съ гораздо большимъ успѣхомъ, чѣмъ теперь въ СССР, — «30-процентная недохватка» у Круппа или «40-процентная недопродукція» въ производствѣ жировъ повлекли бы немедленно катастрофу на фронтахъ. Въ воюющей Германіи, вдобавокъ, плановое хозяйство осуществлялось при неизмѣримо болѣе тяжкихъ условіяхъ, — ужъ, во всякомъ случаѣ, безъ дружной помощи со стороны всѣхъ дураковъ и мошенниковъ капиталистическаго міра.

Намъ, кромѣ того, самымъ серьезнымъ образомъ говорятъ, что совѣтская молодежь горитъ и кипитъ отъ восторга, вызываемаго въ ней пятилѣткой. «По-

смотрите на эти сверкающіе глаза, на эти вдохновенныя лица!» — Когда же слащавая фальшь надоѣстъ русской интеллигенціи? Молодежь можно увлечь поэзіей войны. Часть молодежи можно увлечь поэзіей террора, — книга Степняка-Кравчинскаго стоила жизни немалому числу людей. Но у совѣтской молодежи уже четыре года «въ порядкѣ непрерывки» горятъ глаза отъ того, что «благодаря ликвидаціи обезлички и уравниловки въ зарплатѣ, хозразсчетныя бригады арматурщиковъ на Турбостроѣ четко выполняютъ регулировочное заданіе съ недопродукціей лишь въ 18 процентовъ, вызываемой вылазками еще не ликвидированныхъ съ корнемъ рвачествующихъ классово-чуждыхъ одиночекъ»... Нѣтъ, ужъ лучше бы наши психологи спорили безъ «горящихъ глазъ молодежи» и безъ ссылокъ на творчество кинематографическихъ самородковъ.

Было бы странно, если бъ вслѣдъ за «le piatiletka» на экранѣ не появился и Бернардъ Шоу.

Онъ, повидимому, говоритъ рѣчь. Его рѣчи мы въ свое время читали въ газетахъ, — о русскихъ, которые любятъ спать по пять человѣкъ въ одной комнатѣ, вѣроятно, изъ боязни привидѣній, объ осчастлившемъ Россію безошибочномъ сердцевѣдѣ Ленинѣ.

Онъ хорошо говоритъ; передергиваетъ такъ, что, вѣроятно, самъ того не замѣчаетъ. Въ древности, у ораторовъ и воровъ былъ одинъ богъ, Меркурій. Что съ него взять? Въ своей недавней полемикѣ съ Невинсономъ Бернардъ Шоу писалъ ему:

«Настоящій художникъ не можетъ быть джентльменомъ. Я самъ не джентльменъ».

«Veritatem unice dilexit».

Онъ «хочетъ слиться съ міромъ обиженныхъ и неимущихъ». Гандизмъ милліонеровъ вещь нестерпимая. Другой знаменитый англійскій писатель, сверстникъ Бернарда Шоу, сказалъ: «Меня мало безпокоитъ, к а к ъ живутъ бѣдные люди. Я сожалѣю лишь о томъ, что они вообще живутъ». Теперь этотъ писатель старъ, вышелъ изъ большой моды и, кажется, почти ничего не зарабатываетъ. Это очень пріятно. Но было бы много пріятнѣе, если-бъ, напримѣръ, въ результатѣ какой-либо банковой катастрофы Бернардъ Шоу могъ по настоящему слиться съ міромъ неимущихъ: «Dieu qu'on est orphelin quand ou n'a point d'argent!»

Нѣсколько преувеличена, конечно, и его оцѣнка Ленина. Ленинъ зналъ толкъ въ людяхъ, но называть его безошибочнымъ сердцевѣдомъ не приходится.

Изъ письма Ильича къ Максиму Горькому (декабрь 1912 года):

«Малиновскій, Петровскій и Бадаевъ шлютъ Вамъ горячій привѣтъ и лучшія пожеланія. Парни хорошіе, особенно первый».

Первый изъ хорошихъ парней былъ, какъ извѣстно, приставленный къ Ленину агентъ Департамента Полиціи.

Сердцевѣдъ, но не безошибочный.

Калининъ, въ присутствіи Литвинова, принимаетъ новаго французскаго посла графа Дежана.

Всѣ трое, повидимому, чувствуютъ себя неловко, — меньше всего Литвиновъ, больше всего Дежанъ. Его семейныя традиціи отнюдь не революціонныя: дѣдъ былъ главой французской полиціи, а прадѣдъ предсѣдательствовалъ въ военномъ судѣ, приговорившемъ къ смерти Мале. Быть можетъ, графу Дежану не нравится біографія Литвинова?

Президентъ республики и министръ иностранныхъ дѣлъ во дворцѣ почти, какъ у себя дома. Но все-же только почти. Ленинъ въ 1918 году изумлялся: «какимъ образомъ насъ еще отсюда не выгнали?» Съ тѣхъ поръ прошло тринадцать болѣе или менѣе благополучныхъ лѣтъ. Но полной увѣренности, что они, вправду, у себя дома и принимаютъ настоящаго посла, ни у Калинина, ни у Литвинова, кажется, нѣтъ. Есть надежда, что со временемъ «on les en fera aller, veuillent ou non veuillent,» — какъ писала Жанна д'Аркъ объ англичанахъ. Калининъ и Литвиновъ явно non veuillent.

Подумать только, что когда-нибудь издатели будутъ платить немалыя деньги за ихъ мемуары: надо же знать, какъ все это произошло. Да просто по несчастной случайности. Знаю, что безнадежно себя гублю въ глазахъ всѣхъ читателей-соціологовъ; но, по моему, недавними историческими событіями доказано, что любая шайка можетъ, при случайно-благопріятной обстановкѣ, захватить государственную власть и годами ее удерживать при помощи террора, безъ всякой идеи, съ очень небольшой численно опорой въ народ-

ныхъ массахъ. Позднѣе профессора подыскиваютъ этому глубокія соціологическія основанія.

И незачѣмъ все взваливать на отсталость, на вѣковую темноту Россіи. Послѣ «Бѣсовъ» Достоевскаго не мѣшаетъ перечитать «Землю» Зола. Наше поколѣніе видѣло исторію катастрофъ, такъ сказать, въ концентрированномъ видѣ. Литвиновы и Гитлеры очень многое объясняютъ и въ прошломъ. Самые лучшіе курсы исторіи, написанные до нихъ, можно считать устарѣвшими.

Я позволилъ себѣ сказать профессору Олару, что, при всемъ превосходствѣ его з н а н і я французской революціи, мы п о н и м а е м ъ ее лучше, такъ какъ мы пережили русскую. Покойный профессоръ былъ непріятно удивленъ этимъ замѣчаніемъ. Онъ зналъ всѣ рѣчи всѣхъ членовъ Конвента и могъ перечислить на память постановленія Комитета Общественнаго Спасенія. Но ни этихъ людей, ни этого Комитета онъ не в и д ѣ л ъ, — хоть можно видѣть и издали.

«Реввоенсовѣтъ». Ворошиловъ.

Вѣроятно, онъ себя чувствуетъ въ военномъ мундирѣ приблизительно такъ же, какъ Гинденбургъ чувствуетъ себя въ штатскомъ платьѣ. Но у дѣятелей «Реввоенсовѣта» выработался собственный военно-совѣтскій «шикъ», — напоминающій что-то и въ прошломъ: шикъ писаря, но писаря кавалергард-

скаго полка. Этотъ, третій по счету, Карно большевистской революціи — убѣжденный пацифистъ, — какъ и Гитлеръ. И въ самомъ дѣлѣ, легко довести мысль до предѣла: если всѣ будутъ вооружены простыми дубинами, то Гитлеры и Литвиновы окажутся хозяевами Европы: за Литвиновымъ — въ теоріи — сто шестьдесятъ милліоновъ дубинъ; за Гитлеромъ, — къ несчастью, въ дѣйствительности, — тоже дубинъ найдется достаточно: лучше и не считать.

Кромѣ того, война сейчасъ очень страшное дѣло. Быть можетъ, не столь страшное, какъ говорятъ нѣкоторые спеціалисты: «Черезъ нѣсколько часовъ послѣ начала войны Парижъ, Лондонъ, Берлинъ будутъ обращены въ груду горящихъ развалинъ!» — но, все-таки, очень страшное дѣло. Если же мы повернемъ по направленію къ дубинамъ, то рискъ уменьшится, а число желающихъ рискнуть увеличится.

Выводъ: при нынѣшнемъ состояніи міра, вооруженія, быть можетъ, приведутъ къ войнѣ: но разоруженіе приведетъ къ ней почти навѣрное.

А теперь «наша Красная Армія будетъ защищать до послѣдней капли крови границы Совѣтскаго Союза». Гдѣ же онѣ, эти границы? Ноздревъ показывалъ Чичикову границу своихъ владѣній. Но потомъ оказалось, что ему принадлежатъ земли и по ту, и по другую ея сторону. Таковы и границы Совѣтскаго Союза. Въ 1920 г. онѣ намѣчались на Одерѣ, если не на Рейнѣ. Это тоже легко могло случиться, — сами поляки говорятъ, что Польшу спасло «чудо на Вислѣ».

Нашъ октябрь не былъ премьерой, но, возможно, не былъ и послѣднимъ спектаклемъ.

Мірозданіемъ раздвинутъ,
Хаосъ мстительный не спитъ.

На экранѣ Сибирскій пейзажъ. Я никогда не былъ въ Сибири. Однако, пейзажа самородокъ не выдумалъ. Могъ бы и пейзажъ выдумать, да незачѣмъ.

Пейзажъ, страшный своей пустынной безпредѣльностью. «Le silence éternel de ces espaces infinis...».

Карлейль какъ-то сказалъ о Россіи: «Она безразлична къ жизни человѣка и къ теченію времени. Она безмолвна, вѣчна и несокрушима»...

ВЪ АНГЛІИ

Не надо было покупать этотъ путеводитель: я часто бывалъ въ Англіи. Но соблазнила цѣна: всего пять франковъ. Объемистая книга въ переплетѣ съ картами, съ планами, съ алфавитнымъ указателемъ. Объясненіе дешевизны простое: это путеводитель 1906 года.

Лучше всего въ путеводителяхъ общія указанія въ началѣ книги, — поражающія своей вѣрностью, но, повидимому, разсчитанныя на глупорожденныхъ. «Если путешественникъ предрасположенъ къ морской болѣзни, то переѣздъ черезъ Ламаншъ можетъ быть непріятенъ»... «Вино въ Англіи дорогое и не всегда хорошее, однако, его можно и не пить»... «Стоимость поѣздки въ Англію зависитъ преимущественно отъ образа жизни путешественника»...

Многое другое въ старыхъ путеводителяхъ вызываетъ вздохъ у людей моего поколѣнія. «Для поѣздки въ Англію никакихъ бумагъ не нужно, хотя паспортъ можетъ пригодиться при полученіи заказныхъ писемъ». «Въ мѣняльныхъ лавкахъ и при сдачѣ въ

гостиницахъ туристамъ часто стараются навязать золотую монету. Требуйте твердо кредитныхъ билетовъ, они гораздо удобнѣе». — Могу рѣшительно засвидѣтельствовать, что золота въ Англіи мнѣ теперь нигдѣ не навязывали, и я такъ ни разу и не могъ проявить твердость въ отказѣ отъ него. Европа нашей молодости, Европа, не знавшая визъ и навязывавшая золотую монету, — какое изъ будущихъ поколѣній опять ее увидитъ послѣ предпослѣдней міровой войны и въ ожиданіи самой послѣдней?

Таможня, освѣщенная электричествомъ, въ ранній утренній часъ. Паспортное отдѣленіе съ его непередаваемой суетливой скукой. Чиновники, не совсѣмъ проснувшіеся къ главному событію дня. Чеховская жизнь въ Тильбюри — отъ парохода къ пароходу. Британскіе подданные гордо уходили налѣво. Иностранцы, съ полученными на пароходѣ карточками, шли къ паспортному столу. Французы небрежно показывали паспортъ и проходили, — за ними самая могущественная держава въ Европѣ и небывалое число милліардовъ золота въ подвалахъ «Banque de France». Нерѣшительно протянулъ карточку цвѣтной человѣкъ, — ничего, сошло и безъ милліардовъ. Справились только по алфавиту въ книгѣ, гдѣ перечислены «нежелательные иностранцы». Книга толстая; нежелательныхъ иностранцевъ, повидимому, есть достаточно.

Меня чиновникъ озабоченно спросилъ объ отчествѣ и самъ куда-то вписалъ «Александровичъ». На карточкѣ и графы такой не было, но чиновникъ, вѣроятно, гордился, что знаетъ о существованіи отчества у

людей, пріѣзжающихъ со странными, огромными, непереплетенными паспортами, украшенными синей маркой съ желтымъ портретикомъ посрединѣ. Этотъ гордый профиль я помню съ дѣтскихъ лѣтъ по увлекательной, превосходной книгѣ. Но какія нелѣпыя историческія событія нужны были для того, чтобы на моемъ паспортѣ оказался портретъ знаменитаго норвежскаго путешественника!

При выѣздѣ изъ Англіи, тотъ же заспанный чиновникъ, увидѣвъ мою карточку (иностранца желательнаго, но не болѣе, какъ на мѣсяцъ), снова оживился, такъ же озабоченно спросилъ меня объ отчествѣ и такъ же старательно его записалъ.

Помню, осенью 1914 года (я тогда возвращался въ Россію, естественно, кружнымъ путемъ, черезъ Англію) англійскій чиновникъ на границѣ спрашивалъ всѣхъ иностранцевъ: «говорите ли вы по-нѣмецки» Люди, сознававшіеся въ своей винѣ: «да, говорю», преслѣдованіямъ не подвергались; вопросъ вообще никакихъ послѣдствій не имѣлъ, кромѣ явнаго неодобренія, выражавшагося на лицѣ чиновника.

Въ Англіи я не былъ двѣнадцать лѣтъ. Лондонъ измѣнился, но измѣнился нормальнымъ темпомъ, — немного болѣе быстрымъ, чѣмъ парижскій, гораздо болѣе медленнымъ, чѣмъ берлинскій. Общій стиль города и его жизни — прежній. Тотъ же барскій размахъ, который былъ еще только въ старомъ Петербургѣ, та же англійская первосортность, — не нахожу другого слова. Здѣсь все первосортно, — отъ выстав-

ленныхъ въ витринѣ сапогъ или Стильтонскаго сыра до политической жизни, наименѣе грязной въ мірѣ, и до литературы, которая въ чисто-художественномъ отношеніи занимаетъ въ настоящее время первое мѣсто.

Она, кстати сказать, измѣнилась, англійская литература. Формальныхъ новшествъ мало, невыносимыхъ фокусовъ нѣтъ совершенно. По внѣшности все какъ будто осталось по прежнему, — царитъ первосортный «реалистическій» романъ. Но духъ очень измѣнился послѣ войны. Я сказалъ бы даже, что онъ слишкомъ измѣнился. Отъ прежняго пріукрашиванія жизни ничего не осталось; теперь почти каждый англійскій романистъ — «жестокій талантъ». Въ одинъ десятокъ лѣтъ создалась злая и безпощадная литература, порою чрезмѣрно злая и чрезмѣрно безпощадная. Ужъ очень стараются нѣкоторые изъ современныхъ британскихъ романистовъ вымазать весь міръ грязью. Симптомъ тревожный для страны съ самой совершенной политической организаціей и самой удачной исторіей въ мірѣ. Вдругъ не только въ англійской литературѣ, но и въ англійской исторіи перестанетъ быть обязательнымъ happy end.

Новое: на витринахъ магазиновъ надпись «Будьте разумны, покупайте британскіе товары» (варіантъ: «будьте британцами, покупайте британское»). Этого прежде не было: завоеваніе эпохи Лиги Націй. Не было прежде и такого засилія пяти главныхъ банковъ. Ихъ отдѣленія буквально на каждой улицѣ, — кажется, будто имъ принадлежитъ весь Лондонъ. Вѣроятно, на этомъ и пыталась сыграть рабочая партія,

выдвинувъ въ своей программѣ національзацію банковъ: все другое, непріятное рабочей партіи, гораздо меньше мозолитъ глазъ избирателя.

Французская вечерняя газета сообщала: «Изъ за предвыборной агитаціи страна переживаетъ настоящую лихорадку». По совѣсти, никакой лихорадки я не видѣлъ. Вотъ, когда падаетъ валюта (имѣлъ возможность наблюдать въ разныхъ столицахъ), тогда въ самомъ дѣлѣ позволительно говорить о лихорадкѣ. Интересъ къ предвыборной кампаніи былъ большой, но не чрезмѣрный. Повседневная жизнь шла совершенно нормально и спокойно. Я былъ въ Ильфордѣ на митингѣ съ участіемъ Уинстона Черчилля. Ильфордъ небольшой городокъ, Черчилль заѣзжая знаменитость. Однако, мнѣ стоило немалаго труда узнать, гдѣ именно будетъ происходить митингъ: ни полицейскій, ни прохожіе этого не знали. Нарядная продавщица въ магазинѣ удивленно переспросила: «Развѣ Черчилль будетъ говорить въ Ильфордѣ?»

Я много о немъ писалъ, но увидѣлъ его впервые; нарочно для этого поѣхалъ въ Ильфордъ и былъ нѣсколько разочарованъ. Онъ говорилъ хорошо, однако, безъ особаго блеска. Брюсъ Локартъ недавно назвалъ Черчилля «послѣднимъ классическимъ ораторомъ Великобританіи» [1]. Думаю, что это преувеличено. Жоресъ, графъ де Менъ, Бріанъ, Поль Бонкуръ, Штреземанъ, Алкала Замора, другіе знаменитые иностранные ораторы, которыхъ мнѣ приходилось слышать, го-

[1]) The Evening Standart, 27 октября 1931 г.

ворили гораздо лучше. Черчилль великолѣпно огрызался съ трибуны.

Въ кругахъ рабочей партіи утверждаютъ, что Черчилль «единственный опасный реакціонеръ въ Англіи»: онъ якобы мечтаетъ о диктатурѣ, хочетъ «раздавить соціализмъ». Не совсѣмъ понимаю, какая можетъ быть въ Англіи диктатура, откуда она возьмется, и для чего собственно понадобится. Такъ диктаторомъ будетъ Черчилль? Есть люди, которые по наружности точно предназначены для того, чтобы быть диктаторами, — таковъ былъ, напримѣръ, генералъ Врангель. Черчилль — очень грузный, толстый человѣкъ (бывшій гусаръ едва взобрался на трибуну), съ одутловатымъ лицомъ, съ довольно высокимъ непріятно-рѣзкимъ голосомъ.

Онъ пріѣхалъ на митингъ въ смокингѣ, вѣроятно, послѣ недурного обѣда, и былъ очень хорошо настроенъ. Не знаю, раздавитъ ли Черчилль соціализмъ, но соціалистовъ онъ явно не любитъ. Выпады его противъ рабочей партіи были забавны не столько по существу, сколько по формѣ.

«Я всегда былъ убѣжденъ, что соціалистическое правительство скверное дѣло», — говорилъ съ сокрушеннымъ видомъ Черчилль, не поднимая голоса и какъ бы разговаривая самъ съ собой. — «Да, скверное дѣло, скверное дѣло», — повторилъ онъ. — «Но, все-таки, я не могъ думать, что за такое короткое время оно надѣлаетъ столько бѣдъ»... — Онъ остановился на мгновеніе, точно подсчитывая мысленно бѣдствія, причиненныя соціалистами за время ихъ пребыванія у

власти, и спрашивая себя, могъ ли онъ думать, что эти бѣдствія будутъ такъ велики. — «Нѣтъ, нѣтъ, я не думалъ, я этого не думалъ», — продолжалъ Черчилль такъ же негромко, такъ же покачивая съ сокрушеніемъ головой. И вдругъ, безъ всякаго перехода, съ яростью заоралъ дикимъ голосомъ: «За какихъ-нибудь два года эти люди погубили Англію!»

Ораторскій эффектъ его пріема былъ необычайный. Когда бурные аплодисменты стихли, сбоку изъ публики мало освѣдомленный, очевидно, слушатель закричалъ; «Вы сами были соціалистомъ!» Черчилль повернулся къ нему, радостно на него уставился и затѣмъ медленно отчеканилъ: «Нѣтъ, сэръ. Много глупостей я совершилъ въ жизни, но соціалистомъ я никогда не былъ!» Новый грохотъ рукоплесканій и смѣха покрылъ этотъ отвѣтъ.

Разумѣется, онъ «сгущалъ краски». Слава Богу, Англія еще не совсѣмъ погибла. Рабочая партія, вдобавокъ, утверждаетъ, что «погубилъ Англію» Черчилль, вернувшій фунтъ къ его до-военному уровню. Быть можетъ, удивительнѣе всего были «конкретныя предложенія» оратора. Въ первой части своей рѣчи онъ доказывалъ избирателямъ, что рабочее правительство въ два года погубило Англію; а во второй — горячо призывалъ избирателей голосовать за Макдональда, т. е. за человѣка, стоявшаго всѣ эти два года во главѣ этого самаго рабочаго правительства. Вначалѣ мнѣ показалось, что Черчилль издѣвается, не то надъ Макдональдомъ, не то надъ своей аудиторіей. Вѣдь онъ могъ говорить просто о Національномъ пра-

вительствѣ, никого не называя. Онъ могъ, на худой конецъ, проглотить Макдональда и Сноудена, какъ раскаявшихся грѣшниковъ. Но рѣчь его была построена совершенно иначе. Выходило какъ-то такъ, что Англіей правилъ два года гадкій Гендерсонъ, а Макдональдъ и Сноуденъ тутъ совершенно ни при чемъ, — отъ нихъ Черчилль въ полномъ восторгѣ. При этомъ глаза его сіяли искренностью и убѣжденіемъ.

Демагогъ? Я не знаю, что такое демагогъ: точный смыслъ этого понятія установить очень трудно. Но если и «демагогъ», то на рѣдкость искренній. Черчилль безпрестанно переходилъ изъ одного лагеря въ другой и всегда былъ убѣжденъ въ своей глубокой правотѣ. Таковъ былъ и герцогъ Мальборо, его знаменитый предокъ. Мирабо говорилъ съ изумленіемъ о Робеспьерѣ: «этотъ человѣкъ дѣйствительно вѣритъ въ то, что говоритъ!» Изреченіе французскаго революціонера какъ нельзя болѣе подходитъ къ Черчиллю. Въ этомъ старомъ искушенномъ политикѣ, въ блестящемъ ораторѣ и даровитомъ писателѣ сидитъ и простодушный читатель «Дэйли Мэйль». Недавно въ статьѣ, напечатанной въ этой газетѣ, онъ призывалъ Макдональда, Болдвина и Ллойдъ-Джорджа собраться втроемъ, подумать и вынести рѣшеніе, какъ быть Англіи. «Только они трое изъ всѣхъ нынѣ живущихъ англичанъ были первыми министрами. Пусть же они и рѣшатъ, что намъ дѣлать. Мы всѣ будемъ имъ повиноваться», —писалъ Черчилль. Оно конечно: Макдональдъ великій человѣкъ, Болдвинъ тоже, но все-таки почему же такое послушаніе, — вы наши отцы, мы ваши дѣти? Во

Франціи ни одному политическому дѣятелю (и пониже Черчилля рангомъ) не пришло бы въ голову «повиноваться» и призывать къ повиновенію Стегу, Франсуа Марсалю или Шотану на томъ основаніи, что они занимали должность министра-президента.

Нѣтъ, не будетъ Черчилль диктаторомъ.

Другой митингъ, не въ Ильфордѣ, а въ Лондонѣ. Его устраиваетъ лордъ Бивербрукъ.

Кто правитъ Англіей? Разумѣется, свободно избранный парламентъ. Но при извѣстной игрѣ ума, — въ томъ, напримѣръ, смыслѣ, въ какомъ Николай I говорилъ, что Россіей управляютъ тридцать тысячъ столоначальниковъ, — можно сказать, что Англіей правятъ три человѣка: лордъ Ротермиръ, лордъ Биверблукъ и семья Берри. Имъ принадлежатъ три колоссальныхъ газетныхъ треста. Внѣ трестовъ остаются «Таймсъ» (національное учрежденіе), «Морнингъ Постъ» и еще нѣсколько вліятельныхъ газетъ, изъ которыхъ очень большое распространеніе имѣетъ только «Дэйли Геральдъ» (его тиражъ въ октябрѣ достигалъ 1.300 тысячъ экземпляровъ, хотя кампанія противъ Національнаго Правительства велась въ соціалистической газетѣ далеко не блестяще). О значеніи газетныхъ трестовъ говорить не приходится. Скажу только, что «Дэйли Мэйль» считается самой распространенной газетой въ мірѣ, и что чистый доходъ отъ одного этого предпріятія составилъ въ 1928 году около ста двадцати милліоновъ франковъ. Собственно, самой правильной классификаціей людей по ихъ

умственному и душевному типу была бы классификація по газетнымъ штамповальнымъ машинамъ: homo sapiens «Дэйли Мэйль», homo sapiens «Дэйли Экспрессъ», homo sapiens «Дэйли Геральдъ», и т. д.

Огромный залъ театра переполненъ очень нарядной публикой. Занавѣсъ спущенъ. Передъ нимъ на авансценѣ распорядитель митинга создаетъ настроеніе. Онъ разсказываетъ анекдоты (очень недурно), сообщаетъ послѣднія новости, затѣмъ предлагаетъ публикѣ спѣть передъ митингомъ нѣсколько пѣсенъ. Въ разныхъ мѣстахъ зала посажены хористы. Раздается пѣніе. Распорядитель проситъ разрѣшенія снять пиджакъ, беретъ палочку и взволнованно дирижируетъ. Сначала поютъ трогательную пѣсенку «Джонъ Браунъ», затѣмъ другую, — вотъ весь ея текстъ: «Спрячьте въ карманъ ваши горести и улыбайтесь, улыбайтесь, улыбайтесь! Какой смыслъ огорчаться? Въ этомъ никогда не было смысла. Поэтому, спрячьте въ карманъ ваши горести и улыбайтесь, улыбайтесь, улыбайтесь!» — Минутъ черезъ пять весь театръ оретъ: «Smile, smile, smile!» Настроеніе создано. Но этого распорядителю мало. Онъ дѣлитъ зрительный залъ на двѣ части: публика лѣвой половины зала поетъ «Дэйзи, Дэйзи», а публика правой половины одновременно поетъ «Типперэри». Что получается въ музыкальномъ отношеніи, легко себѣ представить. Но цѣль достигнута: становится очень весело. Распорядитель надѣваетъ пиджакъ и исчезаетъ. Занавѣсъ поднимается. На сценѣ пять рядовъ креселъ для избранной пуб-

лики. Дамы въ дорогихъ вечернихъ платьяхъ. Справа изъ-за кулисъ выходитъ невысокій худой человѣкъ съ лукавымъ, умнымъ лицомъ, — хитрый мужичекъ. Это и есть лордъ Бивербрукъ. Его встрѣчаютъ, такъ, какъ встрѣчаютъ Шаляпина, какъ встрѣчали Клемансо послѣ перемирія 11 ноября. Бурная овація длится нѣсколько минутъ. Люди, знающіе біографію газетнаго короля, могутъ сдѣлать горестные выводы объ умственномъ уровнѣ аудиторіи.

Никто не свисталъ лорду Бивербруку. Его противники составляли въ залѣ ничтожное меньшинство. Не надо спрашивать: зачѣмъ же собственно устраивается митингъ, если некого убѣждать? Митингъ устраивается потому, что лордъ Бивербрукъ любитъ говорить. Кромѣ того, завтра во всѣхъ его газетахъ, въ длиннѣйшихъ восторженныхъ отчетахъ, будетъ подробно изложена его рѣчь, и она отъ этого очень выиграетъ, ибо лордъ Бивербрукъ говорить не умѣетъ. Будутъ о ней отчеты и въ газетахъ лорда Ротермира, но покороче. Лорду Ротермиру принадлежитъ всего десять процентовъ въ трестѣ лорда Бивербрука. «Таймсъ» дастъ о митингѣ пять строкъ. «Дэйли Геральдъ», разумѣется, не упомянетъ о немъ ни однимъ словомъ.

Въ своей рѣчи Бивербрукъ подробно развилъ то самое положеніе, которое украшаетъ теперь витрины лавокъ: «будьте разумны, покупайте британскіе товары» (варіантъ: «будьте британцами, покупайте британское»). Единственная идея лорда Бивербрука: тѣсный экономическій союзъ между Англіей, ея колоніями и доминіонами. Серьезные экономисты считаютъ эту

идею неосуществимой: доминіоны никогда не согласятся, особенно теперь, послѣ паденія фунта. Однако, гипнозъ Бивербрука дѣйствуетъ: пропаганда его газетъ имѣла въ пору выборовъ огромное значеніе. По существу, можно быть ему искренно благодарнымъ: приходъ къ власти соціалистическаго большинства, конечно, повлекъ бы за собой бѣгство капиталовъ изъ Англіи, крахъ валюты и финансовую катастрофу похуже недавней. Щедринъ говорилъ въ пору паденія рубля: «это еще ничего, когда за рубль даютъ полтинникъ. А вотъ, что, если за рубль будутъ давать въ морду!..»

Послѣ доклада оратору задаются вопросы. Какой-то старичекъ встаетъ и спрашиваетъ, отчего ораторъ, предлагая всѣмъ англичанамъ покупать только британскіе товары, самъ въ своихъ газетахъ печатаетъ огромныя объявленія американскихъ фирмъ. Вопросъ язвительный, и его язвительность еще подчеркивается ехидными интонаціями старичка. Онъ и называетъ Бивербрука, обращаясь къ нему черезъ председателя, «Его Сіятельство» (his lordship). Аудиторія смущенно затихаетъ. — «Почтенный джентльменъ, вѣроятно, соціалистъ?» — спрашиваетъ лордъ Бивербрукъ. — «О, нѣтъ, Ваше Сіятельство, я консервативнѣе, чѣмъ вы», — восклицаетъ оскорбленный старичекъ. Мнѣ тоже, по его вопросу, показалось, что онъ соціалистъ. Но мы ошиблись: старичекъ обходитъ Бивербрука не слѣва, а справа. Симпатіи къ нему въ аудиторіи, кажется, ростутъ. Всѣ ждутъ, что скажетъ докладчикъ. Лордъ Бивербрукъ невозмутимо отвѣчаетъ, что, если-бъ онъ

не помѣщалъ объявленій американскихъ фирмъ, то дѣла его газетъ пришли бы въ дурное состояніе, пришлось бы отпустить служащихъ, и такимъ образомъ безработица на родинѣ увеличилась бы. Изъ состраданія къ безработнымъ лордъ Бивербрукъ не можетъ отказаться отъ американскихъ объявленій. Громъ рукоплесканій, — да, онъ знаетъ свою аудиторію. Старичекъ смущенно садится.

Это чисто-диккенсовская сцена. Между Карлтонскимъ клубомъ и Пикквикскимъ разница не такъ велика. Карлтонскій клубъ дѣлаетъ исторію? Пикквикскій тоже. Только не такъ замѣтно.

На улицѣ, у выхода нарядная дама раздаетъ листки. Сунула листокъ и мнѣ: обращеніе «ко всѣмъ избирателямъ — патріотамъ». Оно всецѣло посвящено личности перваго министра. Избирателямъ предлагается очень серьезно подумать, — какого человѣка они хотятъ поставить во главѣ правительства. «Знаете ли вы, что мистеръ Рамзай Макдональдъ входитъ въ международное сообщество, секретаремъ котораго является убійца?»

Я не сразу сообразилъ, въ чемъ дѣло. Эти слова могли бы относиться къ Аль Капоне! Рѣчь идетъ о Второмъ Интернаціоналѣ и объ его секретарѣ Фридрихѣ Адлерѣ, застрѣлившемъ, какъ извѣстно, австрійскаго министра.

Дальше вопросы, посвященные прошлому Макдональда:

«Ужъ не забыли ли вы, какую роль мистеръ Рамзай Макдональдъ игралъ во время войны?»

«Ужъ не забыли ли вы, что мистеръ Рамзай Макдональдъ стоялъ за полную независимость Ирландіи, Египта и Индіи?»

«Ужъ не забыли ли вы, что во время недавней всеобщей забастовки онъ состоялъ членомъ стачечнаго комитета и пѣлъ «Красное Знамя»?

«Ужъ не забыли ли вы, что въ 1927 году онъ противился отправкѣ въ Шанхай войскъ, которыя должны были тамъ защищать англійскихъ гражданъ и гражданокъ?..»

Всего девять этихъ «Have you forgotten». Подписи никакой, только адресъ типографіи Вальтеръ Серль.

Въ послѣднемъ параграфѣ сообщается, что мистеръ Рамзай Макдональдъ палъ на колѣни передъ международнымъ капиталомъ. Это могли бы сказать и Гитлеръ, и Сталинъ. Пожалуй, и Гендерсонъ, и Блюмъ. А первые четыре вопроса, быть можетъ, со временемъ, зададутъ Черчилль или Бивербрукъ.

Политическій митингъ въ Гайдъ-Паркѣ, — обстановка Гайдъ-Паркскихъ собраній тысячу разъ описывалась и всѣмъ извѣстна. Собственно, это и не митингъ: человѣкъ двадцать слушаютъ взобравшагося на скамейку оратора. Слушатели мрачные, бѣдно одѣтые люди, — по всей вѣроятности, безработные. Ораторъ говоритъ совершенно непонятную рѣчь. Со

ссылками на Священное Писаніе, онъ восторженно хвалитъ сэра Освальда Мослея и его «Новую Партію».

Сэръ Освальдъ Мослей глава и основатель «Новой Партіи». Но если у десяти англичанъ спросить, кто такой Мослей, то, вѣроятно, девять отвѣтятъ: «это зять лорда Керзона».

Лордъ Керзонъ занималъ виднѣйшіе посты и имѣлъ государственныя заслуги. Онъ считался «самымъ гордымъ человѣкомъ въ Англіи». Объ его высокомѣріи ходили легенды и анекдоты. Въ пору войны на парадѣ передъ нимъ проходили впервые прибывшія въ Европу американскія войска. По замѣчанію какого-то шутника, лордъ Керзонъ принималъ парадъ съ такимъ видомъ, будто эти американцы пришли просить у него прощенья за то, что Соединенные Штаты посмѣли полтораста лѣтъ тому назадъ отдѣлиться отъ Англіи. Послѣ кончины Керзона, Болдвинъ въ рѣчи, посвященной его памяти, сказалъ, что у покойнаго была горячая мечта: стать герцогомъ. Этой мечтѣ не суждено было осуществиться: лордъ Керзонъ, рожденный барономъ, сталъ графомъ и умеръ маркизомъ.

Судьба устроила такъ, что зятемъ такого человѣка оказался лѣвѣйшій изъ соціалистовъ. Сэръ Освальдъ Мослей лѣвѣе не только Макдональда, но и Гендерсона. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ восторженный поклонникъ Гитлера и считается кандидатомъ въ англійскіе Гитлеры. Это не совсѣмъ понятно, — законы снобизма непостижимы. Быть можетъ, еще менѣе понятно то, что англійскій Гитлеръ — юдофилъ и окруженъ евреями. При немъ и тѣлохранителемъ состоитъ еврейскій бок-

серъ Кидъ Льюисъ. Добавлю, что сэръ Освальдъ превосходный ораторъ и имѣетъ репутацію умнаго человѣка. Свое бытіе «феодала» онъ принесъ въ жертву своему сознанію сноба, — жертва, вдобавокъ не слишкомъ тяжелая. «Новой Партіи» еще недавно предсказывали блестящее будущее, — нелегко ремесло политическихъ пророковъ: она не получила ни единаго мѣста въ парламентѣ. Какъ бы то ни было, ужъ кажется, Священное Писаніе не имѣетъ никакого отношенія ни къ ней, ни къ сэру Освальду Мослею.

— Сэръ Освальдъ необыкновенный, Богомъ посланный человѣкъ, — говоритъ загадочный ораторъ.

— Я сказалъ бы, что онъ скорѣе каналья, не есть ли онъ? — мрачно перебиваетъ одинъ изъ слушателей.

Прошу извинить буквальный переводъ фразы, но ужъ очень хорошо вѣжливое сочетаніе со словомъ «каналья» этого сослагательнаго наклоненія, этого «скорѣе» и англійскаго переспроса въ концѣ фразы.

— Нѣтъ, сэръ, это необыкновенный человѣкъ, — нисколько не обидѣвшись и даже не удивившись, твердо повторяетъ ораторъ.

Въ томъ же Гайдъ-Паркѣ. Старый джентльменъ медленно ѣдетъ верхомъ. «Лошадь тысяча рублей, а сѣдоку цѣны нѣтъ», — говоритъ въ «Войнѣ и Мирѣ» объ ѣздѣ Николая Ростова почтительный камердинеръ его отца Чекмарь. Кто такой этотъ сухощавый гигантъ? Фельдмаршалъ въ отставкѣ? Мнѣ и лицо его кажется знакомымъ, хоть, конечно, я его никогда не

видѣлъ: такъ типиченъ этотъ обликъ старой Англіи — Rule Britania.

Теперь въ Лондонѣ люди жалуются, стонутъ и сокращаютъ расходы. Графъ Гарвудъ, одинъ изъ богатѣйшихъ людей страны, на дняхъ «по недостатку средствъ» продалъ свой дворецъ. До выборовъ всѣ говорили, что «Англія идетъ къ собакамъ», (т. е. гибнетъ). Если вѣрить нѣкоторымъ газетамъ, теперь богачамъ живется чуть только не хуже, чѣмъ безработнымъ. Сдѣлаемъ поправку на обычай: богачи плачутъ для того, чтобы было не слишкомъ горько бѣднякамъ. Такъ, негръ, когда его жена родитъ, ложится рядомъ съ ней и жалобно кричитъ отъ боли: женѣ отъ этого будетъ легче. По нѣкоторымъ причинамъ, мнѣ трудно особенно умиляться надъ участью графа Гарвуда. Однако и съ поправкой на деликатный обычай признаемъ: не все, далеко не все, сейчасъ благополучно въ мірѣ богатыхъ. «Спрячьте въ карманъ ваши горести и улыбайтесь, улыбайтесь, улыбайтесь»... Но не очень улыбаются люди, теряющіе въ одинъ день десятую часть состоянія, а то и больше, безъ всякой видимой причины: ни съ ихъ предпріятіемъ, ни съ міромъ ничего за день не случилось.

И есть что-то успокоительное въ этомъ Гайдъ-Паркскомъ видѣніи. Какая лошадь! Какое непоколебимое спокойствіе на лицѣ всадника! Какая увѣренность въ томъ, что и завтра, и черезъ годъ, и до конца жизни будутъ кровный англійскій конь, обезпеченный счетъ въ банкѣ, полный порядокъ въ Гайдъ-Паркѣ, изобиліе великолѣпныхъ вещей въ магазинахъ

(«будьте британцами, покупайте британское»). Неужели гдѣ-то происходятъ революціи? Неужели въ двухъ шагахъ отсюда безработные съ мрачными лицами слушаютъ полоумнаго поклонника сэра Освальда Мослея? Видъ всадника ясно свидѣтельствуетъ, что система Куэ совершенно не нужна. У него, вѣроятно, и безъ системы Куэ все идетъ превосходно: съ каждымъ днемъ лучше и лучше.

Удивительная страна, эта «идущая къ собакамъ» Англія!

Результаты выборовъ: все кончилось отлично. Національное правительство побѣдило, Макдональдъ выбранъ...

Біографія у этого человѣка пестрая. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ онъ «рѣзко разошелся со своей партіей». Теперь снова рѣзко разошелся со своей партіей. Но тогда онъ основывалъ совѣты, теперь — общенаціональное правительство. Логически подойти къ этому трудно, не поймешь: не то Кремль, не то Сити, — разстояніе и для пятнадцати лѣтъ, въ зрѣломъ возрастѣ, немалое. Вообще эти странныя англійскія событія поставили политическую логику въ трудное положеніе. Лидеръ бросилъ партію или партія бросила лидера, — кажется, въ британской исторіи это примѣровъ не имѣетъ. Люди, говорившіе съ возмущеніемъ о «попыткѣ незамѣтно вынуть изо рта у голоднаго человѣка его жалкій кусокъ хлѣба», очень замѣтно сами этотъ кусокъ вынули, — по словамъ сегодняшняго правительства Макдональда, подъ давле-

ніемъ необходимости, а по словамъ вчерашняго правительства Макдональда, подъ давленіемъ «циничнаго иностраннаго» (или, по устарѣлой терминологіи, «дружественнаго французскаго») капитала. Съ другой стороны, люди, «всосавшіе фритредерство съ молокомъ матери», вдругъ оцѣнили преимущества протекціонизма. Гендерсонъ (и не онъ одинъ) на седьмомъ десяткѣ лѣтъ жизни неожиданно пришелъ къ мысли, что пошлины на иностранные товары, въ самомъ дѣлѣ, могутъ способствовать борьбѣ съ бюджетнымъ дефицитомъ и росту отечественной промышленности. Были въ убогихъ преніяхъ англійскаго парламента и очень забавныя сцены. Такъ, напримѣръ, Сноуденъ укоризненно заявилъ, что Англія въ послѣдніе два года жила много выше своихъ средтвъ. Кто же былъ эти два года британскимъ министромъ финансовъ? Мы давно знаемъ, что времена Гладстона и Дизраэли кончились. Но, все-таки, трудно читать безъ недоумѣнія, какъ Сноуденъ изобличаетъ Сноудена, и какъ Макдональдъ спасаетъ Англію отъ Макдональда. Въ заключительной рѣчи Уинстонъ Черчилль ругалъ соціализмъ и соціалистовъ, — отчетъ же отмѣчаетъ въ этомъ мѣстѣ бурныя рукоплесканія на правительственныхъ скамьяхъ. Если принять во вниманіе, что на первой изъ этихъ скамей сидятъ Макдональдъ и Сноуденъ, то ужъ совсѣмъ трудно постигнуть преимущества перехода къ новымъ нравамъ и спасенія Англіи по новымъ способамъ. Все это происходитъ въ государствѣ, которое, безспорно, является первымъ въ мірѣ по своей политической культурѣ. Можно, конечно, сослаться на но-

вые факты, на обстановку «текущаго момента», на то, что измѣнилась только тактика, а не принципы англійскихъ государственныхъ дѣятелей. Вѣдь «текущій моментъ» на то и течетъ, чтобы мѣняться, — а съ какимъ абстрактнымъ «текущимъ моментомъ» связываются принципы, это дѣло темное. Примѣръ самыхъ передовыхъ идейныхъ политиковъ показываетъ, какъ легко идеи склоняются передъ политикой.

Добавлю, что Рамзай Макдональдъ прожилъ на свѣтѣ лѣтъ пятьдесятъ съ репутаціей «фанатика»!

Англійскій парламентъ не то самый старый, не то второй по возрасту въ мірѣ (кажется, большинство историковъ признаетъ, что венгерскій нѣсколько старше). Жаль, что вѣковому учрежденію не соотвѣтствуетъ вѣковой дворецъ: нынѣшнее зданіе парламента моложе и Таврическаго Дворца, и Бурбонскаго. Ему всего лѣтъ восемьдесятъ. Старое зданіе сгорѣло въ 1834 году.

Въ Англіи боготворятъ старину, однако, немного въ старину играютъ. Подлинныхъ историческихъ зданій въ Лондонѣ мало, неизмѣримо меньше, чѣмъ въ Парижѣ. А очень старыхъ и совсѣмъ почти нѣтъ. Во дворцѣ парламента отъ древнихъ временъ, съ 11-го вѣка, сохранился только Вестминстеръ-Холлъ, огромный великолѣпный залъ, тѣсно связанный со всей англійской исторіей. На полу, въ разныхъ мѣстахъ, надписи: «На этомъ мѣстѣ Вестминстеръ-Холла стоялъ король Карлъ I во время своего процесса»... «На этомъ мѣстѣ»... и т. д. Точность и опредѣлен-

ность надписей вызываютъ улыбку: все время стоялъ на этой крошечной плиткѣ, и мѣсто ея было тщательно записано! Многое можно было бы разсказать о томъ, какъ создаются подобныя надписи. Отличная тема для диссертацiи трудолюбиваго приватъ-доцента: «трюкажъ» исторiи и исторiя «трюкажа».

Къ сожалѣнiю, не очень заслуживаютъ вѣры и болѣе важныя свѣдѣнiя, относящiяся къ британскому парламенту. Такъ, записи пренiй въ Палатѣ Лордовъ ведутся съ 1509-го года, и въ Библiотекѣ Вестминстерскаго дворца показываютъ первыя тетради со справедливой гордостью. Мы знаемъ, однако, слѣдующее. Въ 18-мъ вѣкѣ записи пренiй въ парламентѣ составлялъ извѣстный писатель Самуэль Джонсонъ. Много лѣтъ спустя, прiятель Джонсона Франсисъ въ разговорѣ съ нимъ съ восторгомъ отозвался о давней рѣчи Питта-Старшаго, назвавъ ее лучшей изъ всѣхъ знаменитыхъ парламентскихъ рѣчей. Въ припадкѣ откровенности — это съ нимъ бывало — старикъ Джонсонъ сознался своему другу, что всю классическую рѣчь Питта онъ сочинилъ отъ перваго слова до послѣдняго: Джонсонъ не ходилъ на засѣданiя, обычно наводилъ справки у приставовъ, — кто о чемъ говорилъ, — и потомъ у себя дома, въ мансардѣ на Экзетеръ-Стритъ, составлялъ всѣ рѣчи, отлично зная каждаго оратора и приблизительно догадываясь, что могъ сказать каждый. Ораторы оставались очень довольны: они и не думали, что такъ хорошо говорили. — «Вы, однако, сочиняли безпристрастно!» — сказалъ Франсисъ. — «Я соблюдалъ видимость безпристрастiя, но

всегда старался, чтобъ рѣчи собакъ-виговъ выходили похуже», — отвѣтилъ Джонсонъ, бывшій ревностнымъ тори. Англійскіе историки не очень любятъ вспоминать этотъ разговоръ. Нѣкоторые изъ нихъ доказывали, что Джонсонъ все-таки записывалъ довольно правильно. Можетъ быть, онъ самъ на себя налгалъ.

Кажется, знатоки архитектуры спорятъ о художественныхъ достоинствахъ Вестминстерскаго дворца. Есть въ немъ и техническіе недостатки: онъ выстроенъ изъ непрочнаго камня. Однако, по моему, трудно себѣ представить болѣе величественное и грандіозное зданіе парламента. Архитектурная идея дворца очень проста и ясна. На противоположныхъ его концахъ, по оси зданія, расположены Палата Лордовъ и Палата Общинъ. Ихъ соединяетъ длинная цѣпь залъ и галлерей. Если отворить всѣ двери, то съ кресла спикера въ Палатѣ Общинъ, на разстояніи пятидесяти саженъ, виденъ тронъ короля въ Палатѣ Лордовъ. Король и спикеръ никогда не занимаютъ одновременно своихъ мѣстъ, но мѣста эти устроены симметрично. По сторонамъ отъ этой основной цѣпи залъ, есть еще свыше тысячи комнатъ: отъ пожара удалось сохранить Вестминстеръ-Холлъ и остатки монастыря; все остальное нужно для жизни и для работы. Такова, пожалуй, и символика англійской конституціи, съ ея безчисленными наслоеніями на основномъ стержнѣ, съ ея одинаковымъ уваженіемъ къ прошлому и къ потребностямъ настоящаго.

Самый великолѣпный залъ во дворцѣ — Палата Лордовъ. Въ художественномъ отношеніи здѣсь все

прекрасно, отъ оконныхъ стеколъ до королевскаго трона. У короля есть троны и въ Бекингэмскомъ, и въ Сентъ-Джемскомъ, и въ Виндзорскомъ дворцахъ. Но по конституціи настоящимъ считается тронъ короля въ парламентѣ[1]). Рядомъ стоитъ тронъ королевы, поставленный по настоянію Эударда VII, — прежде въ парламентѣ былъ только тронъ короля. Кресло королевы на полтора дюйма ниже, — ибо королева «лишь жена своего короля и повелителя», — поясняетъ новѣйшій біографъ. И сбоку небольшой, почти дѣтскій, стулъ для принца Уэлльскаго.

Палата Общинъ гораздо проще Палаты Лордовъ. По сравненію съ залами засѣданій Французской Палаты Депутатовъ, Рейхстага или Государственной Думы, она кажется крошечной, — опять таки изъ-за игры въ старину: чтобъ было все, какъ прежде. Поэтому на шестьсотъ съ лишнимъ депутатовъ есть только триста мѣстъ. Очень тѣсны и трибуны для публики. Впрочемъ, оффиціально никакой публики въ Палатѣ Общинъ нѣтъ. Это интересная черта англійскаго парламентскаго быта. Въ старину засѣданія парламента не были доступны для постороннихъ. Отъ традиціи въ Англіи отступить трудно; между тѣмъ, допускать публику, разумѣется, необходимо. Поэтому принята фикція: публика есть, но ея въ то же время нѣтъ. Есть невидимыя тѣни. Правда, для тѣней отведены трибуны, вдобавокъ раздѣленныя перегородками: тѣни журналистовъ, тѣни почетныхъ иностранцевъ, тѣни обыкновенныхъ туристовъ. Но предполагается, что ни спи-

---

[1]) Mac-Donagh, The English King. 1929.

керъ, ни члены Палаты не видятъ изъ нихъ никого. Лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ, консервативная партія травила республиканскаго депутата Герберта. И вотъ, всякій разъ когда Гербертъ требовалъ слова, одинъ изъ консерваторовъ вставалъ и, взволнованно показывая на трибуны, сообщалъ спикеру, что замѣтилъ въ залѣ постороннихъ: «Strangers are present». Спикеръ долженъ былъ прерывать засѣданіе. Эта шутка продолжалась довольно долго. Потомъ она надоѣла и, кажется, журналисты потребовали ея прекращенія.

Теперь на засѣданіе Палаты можетъ попасть кто угодно, за однимъ исключеніемъ. Это исключеніе — англійскій король: ему доступъ въ Палату Общинъ строжайше запрещенъ. Какъ извѣстно, появленіе Карла I въ Палатѣ въ 1642 году было одной изъ причинъ революціи, стоившей жизни королю. Въ обрядахъ Палаты до сихъ поръ есть забавная черта, свидѣтельствующая объ этомъ правилѣ: въ день открытія парламента, когда королевскій вѣстникъ, «Приставъ Чернаго Жезла», идетъ въ Палату Общинъ звать коммонеровъ въ Палату Лордовъ, сидящій у дверей Палаты Общинъ «Сержантъ съ Оружіемъ» обязанъ, увидѣвъ пристава, захлопнуть дверь передъ самымъ его носомъ. Послѣ этого королевскій вѣстникъ три раза смиренно стучитъ въ дверь, и лишь тогда получаетъ доступъ въ Палату[1]). Кажется, это единственный обрядъ въ Англіи, непочтительный въ отношеніи короля.

[1]) Bryan H. Fell, The Palace of Westminster, London 1930, p. 38.

Депутатъ Гербертъ, кстати сказать, отнюдь не былъ единственнымъ англійскимъ республиканцемъ. Всего шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, — напоминаетъ Макъ-Дона, — лордъ Сельборнъ говорилъ королевѣ Викторіи, что республиканское движеніе растетъ и представляетъ собой грозную опасность для короны. Республиканцами были и Дилькъ, и Морлей, и Джозефъ Чемберленъ, и Теккерей; а Джонъ Брайтъ считался кандидатомъ въ президенты англійской республики. Только въ концѣ царствованія Викторіи, когда періодъ ея непопулярности кончился, республиканское движеніе ослабѣло. Дилькъ и Чемберленъ стали министрами, Морлей получилъ титулъ лорда, а кандидата въ президенты республики Брайта король Эдуардъ VII назвалъ своимъ личнымъ другомъ.

Наконецъ, соціалисты на конференціи 1923 года, большинствомъ 3694 тысячъ голосовъ противъ 386 тысячъ, признали, что установленіе республики не является задачей рабочей партіи. Послѣ этого, Макдональдъ принялъ приглашеніе «пообѣдать и провести ночь» («to dine and sleep») у короля въ Виндзорскомъ дворцѣ.

Обстановка въ Палатѣ Общинъ совершенно не похожа на обстановку другихъ парламентовъ. Сравнительно небольшой залъ и отсутствіе трибуны для оратора, конечно, мѣняютъ всю психологію рѣчи. Быть можетъ, отчасти поэтому англійское политическое краснорѣчіе такъ непохоже на французское. Передъ длиннымъ столомъ, на хозяйскомъ мѣстѣ, сидитъ въ своемъ средневѣковомъ костюмѣ спикеръ. По правую

сторону стола министры, за ними ихъ сторонники; по лѣвую сторону — оппозиція. Брайанъ Феллъ, старшій клеркъ Палаты Общинъ, написавшій о ней книгу, сообщаетъ, что на коврѣ, съ каждой стороны стола, вышита черта, переступать которую не имѣетъ права ни одинъ ораторъ: эта мѣра предосторожности осталась отъ тѣхъ временъ, когда коммонеры были при шпагахъ, — черта указываетъ разстояніе, на которомъ скрестить шпаги невозможно. Я этой черты не видѣлъ. Правда, особенной необходимости въ ней въ настоящее время нѣтъ: едва ли соціалисты набросятся со шпагами на Макдональда и Томаса, какія бы нѣжныя чувства они къ нимъ теперь ни испытывали. Однако, если уничтожена столь древняя традиція, то, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ Англія «идетъ къ собакамъ»?

Говорятъ ораторы съ мѣста и недолго. Прежде было не такъ: Пальмерстонъ говорилъ, случалось, пять часовъ подрядъ. Бальфуръ разсказываетъ Асквиту, что въ ту пору, когда онъ начиналъ свою парламентскую карьеру, ораторскіе поединки между Дизраэли и Гладстономъ были мучительно-длинны и затягивались далеко за полночь[1]). Теперь нравы измѣнились, и ораторы рѣдко говорятъ больше получаса. Асквитъ нѣсколько неожиданно объясняетъ это тѣмъ, что газеты не стали бы, по техническимъ причинамъ, печатать слишкомъ длинную рѣчь. Обращаются ораторы къ спикеру. Считается крайне неприличнымъ назвать другого оратора по фамиліи. Это прямо сообщается, къ свѣдѣнію молодыхъ депутатовъ, въ правилахъ Пала-

[1]) Asquith, Fifty years of Parliament, v. II. p. 178.

ты Общинъ: надо говорить: «высокопочтенный джентльменъ, выступавшій послѣднимъ», или какъ-нибудь въ этомъ родѣ[1]). Палата очень вѣжлива. Это не всегда такъ было. Знаменитый членъ парламента въ 1832 году сравнивалъ ее со звѣринцемъ; а въ старинномъ романѣ Троллопа, гдѣ портретно выведены Гладстонъ и Дизраэли, одинъ изъ нихъ начинаетъ свой отвѣтъ другому съ ироническаго выраженія благодарности за то, что не подвергся, по крайней мѣрѣ, оскорбленію дѣйствіемъ со стороны достопочтеннаго джентльмена, послѣ всѣхъ тѣхъ ругательствъ, которыя услышалъ въ его рѣчи по своему адресу. Такъ здѣсь все совершенствуется понемногу: и законы, и конституція, и бытъ.

Залъ засѣданій Палаты тѣсенъ и не слишкомъ удобенъ, но въ остальномъ члены парламента не могутъ пожаловаться на недостатокъ удобствъ: въ ихъ распоряженіи превосходная библіотека, читальня, почта, шестнадцать комнатъ для комиссій, кофейня, залы ресторана (одинъ огромный столъ для обѣдовъ правительственнаго большинства, другой для обѣдовъ оппозиціи) и комната для шахматной игры: это единственная игра, разрѣшенная въ англійскомъ парламентѣ (въ парламентахъ доминіоновъ можно играть и на билліардѣ, и даже въ теннисъ). Вездѣ памятники знаменитыхъ государственныхъ людей Англіи. Такъ ли ихъ, дѣйствительно, помнятъ? Лордъ Джорджъ Гамильтонъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что ихъ забываютъ въ тотъ самый день, когда они оставляютъ

[1]) Roberts Rules of Order.

государственную дѣятельность. По его свидѣтельству очевидца, за гробомъ Гладстона шла весьма небольшая толпа почитателей[1]).

По сторонамъ отъ зала засѣданій двѣ галлереи для голосованія: «Aye-lobby» и «No-lobby». Въ лѣвую отъ спикера галлерею выходятъ депутаты, голосующіе противъ законопроэкта; въ правую голосующіе за законопроэктъ. Сэръ Кертней Ильбертъ, лучшій изъ современныхъ знатоковъ британскаго политическаго строя, сообщаетъ, что обычно передъ голосованіемъ партійный «уипъ» указываетъ членамъ партіи, какъ они должны голосовать, или же объявляетъ имъ, что по обсуждаемому вопросу они могутъ голосовать свободно. Въ послѣднемъ случаѣ, «каждый членъ Палаты долженъ самъ подумать и рѣшить вопросъ; это всегда затруднительно (troublesome)», — говоритъ, повидимому, безъ всякой ироніи сэръ Кертней Ильбертъ[1]).

Иронія и была бы вполнѣ неумѣстна въ отношеніи къ этому вѣковому учрежденію. Передъ нимъ надо низко снять шляпу. Засѣдали здѣсь и большіе люди, навсегда оставшіеся въ исторіи. Но, быть можетъ, не меньше мы обязаны засѣдавшимъ здѣсь малымъ и среднимъ людямъ: обязаны имъ той небольшой долей свободы, которая, все-таки, существуетъ въ мірѣ. Ренанъ, читая «Госпожу Бовари», восторгался мосье Омэ, — онъ, кажется, до сихъ поръ остается единственнымъ поклонникомъ Флоберовскаго аптекаря. Это не зна-

---

[1]) Lord George Hamilton. Parliamentary Reminiscences, 1922, p. 297.

[1]) Sir Courtenay Ilbert. Parliament, p. 156.

чить, что знаменитый писатель сходился съ мосье Омэ въ мысляхъ. Но Ренанъ неизмѣнно говорилъ: «Если-бъ не мосье Омэ, то насъ всѣхъ давнымъ давно сожгли бы на кострѣ». Можно возражать противъ этихъ словъ. Можно находить не очень высокимъ и среднiй умственный уровень членовъ Палаты Общинъ или Палаты Лордовъ. Однако, съ полнымъ правомъ говорилъ Каннингъ: «Англiйскiй Парламентъ умнѣе, чѣмъ самый умный изъ всѣхъ его членовъ».

Другое нацiональное учрежденiе — Англiйскiй Банкъ. Это нелѣпое и безобразное одноэтажное зданiе, безъ оконъ на улицу, нѣчто среднее между каменнымъ заборомъ и римскимъ храмомъ, построено почти въ то же время, что и великолѣпное зданiе парламента. Вотъ и говори о вкусѣ и стилѣ эпохи! Зданiе Англiйскаго Банка занимаетъ цѣлый кварталъ; но теперь оно оказалось недостаточно помѣстительнымъ, и надстраивается второй этажъ, уже съ окнами на улицу. На конкурсѣ архитектурныхъ нелѣпостей Англiйскiй Банкъ могъ бы получить высокiй призъ. Внутри зданiя, по лѣстницамъ ходятъ слуги въ красныхъ раззолоченныхъ костюмахъ. Здѣсь такой же ритуалъ, какъ въ парламентѣ. По моему, банкъ могъ бы обойтись и безъ ритуала.

Передъ банкомъ знаменитая площадь Сити. Отовсюду видны огромныя зданiя другихъ банковъ. Здѣсь же рядомъ обѣ биржи: «Ройаль Эксченжъ» и «Стокъ Эксченжъ». Старинные анатомы старались найти участокъ мозга, гдѣ находится человѣческая ду-

ша. Этотъ уголокъ Лондона еще совсѣмъ недавно разсматривался, какъ мѣстонахожденіе души капиталистическаго міра. Здѣсь былъ центръ мірового кредита, — теперь онъ, повидимому, переходитъ въ Парижъ. На «Ройаль Эксченжъ» надпись: «Земля и все, что на ней, принадлежитъ Господу Богу», — такая надпись на зданіи биржи какъ будто нарочно сдѣлана для зубоскальства комсомольцевъ.

Въ отличіе отъ того, что творится въ дѣловые часы на парижской биржѣ, здѣсь все происходитъ чинно и спокойно. Вездѣ люди въ пиджакахъ и цилиндрахъ, при зонтикахъ, — сочетаніе, по парижскимъ понятіямъ, странное. Это общая форма Сити. Кажется, и іерархія здѣсь соблюдается, какъ въ лучшемъ полку. Есть банкиры, джобберы, брокеры, ремизьеры, клерки. Клерки дѣлятся на «авторизованныхъ» и «не-авторизованныхъ», — не-авторизованные не могутъ куда-то входить въ зданіи «Стокъ Эксченжъ». У нихъ у всѣхъ видъ, какъ у маленькой Пушкинской русалочки: «но что такое деньги, я не знаю».

Самое страшное время здѣсь три часа, когда, по биржевому выраженію, «приходитъ Нью-Іоркъ». Въ пору завтрака относительно тихо. Оберъ-офицеры биржи завтракаютъ въ маленькихъ ресторанахъ Трогмортонъ Стритъ. Штабъ-офицеры уѣзжаютъ въ старый ресторанъ Симпсона. Я побывалъ и въ этомъ знаменитомъ учрежденіи. Здѣсь «коктэйль изъ устрицъ» запиваютъ горькимъ англійскимъ пивомъ, — тоже, по французскимъ понятіямъ, вещь невообразимая. Лакей, похожій на фельдмаршала, подкатываетъ на столикѣ

Roast Saddle of Mutton; фельдмаршалу полагается тутъ же, не дожидаясь конца обѣда, сунуть шесть пенсовъ. Къ баранинѣ подаютъ смородинное желе. Если же вмѣсто него спросить горчицы, то вы будете опозоренным человѣкомъ: въ Англіи ѣсть баранину съ горчицей — немногимъ лучше, чѣмъ зарѣзать родную мать. Тяжелыя блюда, чудовищныя порціи, какихъ я не видѣлъ со временъ Тѣстова. Всѣ столики въ огромномъ залѣ заняты. Вездѣ осанистые люди, «исполненные уваженія къ самимъ себѣ» и сознанія своей важности. Можно ли «увести души этихъ людей отъ капиталистическаго строя»[1]? Я въ этомъ не увѣренъ.

Исполненные уваженія къ самимъ себѣ? Мередитъ разсказываетъ анекдотъ, будто бы весьма популярный въ Сити. Два банкира замѣтили, что мальчикъ, служащій у нихъ въ конторѣ, крадетъ почтовыя марки. Одинъ изъ банкировъ хочетъ заявить полиціи о проступкѣ мальчика. — «Будьте къ нему снисходительны», говоритъ другой банкиръ. — «Помните, мы и сами

[1]) Читатель узнаетъ въ словахъ, взятыхъ въ кавычки, терминологію талантливаго публициста и на рѣдкость блестящаго оратора И. И. Бунакова. По его мнѣнію, «проченъ не тотъ строй, который питаетъ тѣло народа, а тотъ строй, который держитъ его душу. Когда душа народа уходитъ отъ строя, строй обреченъ». Поэтому, И. И. Бунаковъ считаетъ капиталистическій строй въ мірѣ обреченнымъ, а задачу русской эмиграціи видитъ въ томъ, чтобы увести отъ совѣтской власти душу русскаго народа, — однако, не предлагая ему, вмѣсто коммунизма, капиталистическаго строя, «ибо въ его правду никто(!) больше не вѣритъ». Мысли эти (на мой взглядъ невѣрныя и опасныя) заслуживаютъ особаго вниманія, и по ихъ практическому значенію, и по тому таланту, съ какимъ онѣ высказываются.

начали съ малаго» (по-англійски выходитъ лучше: «Remember, we started in a small way ourselves»). Я думаю, что этотъ анекдотъ нисколько не характеренъ для Сити.

Во «Власти тьмы» Митричъ объясняетъ косноязычному старцу Акиму, что такое банкъ: «У Анисьи деньги, примѣрно, залежныя. Ей дѣвать некуда, да и бабье дѣло — не знаетъ, куда ихъ предѣлить. Приходитъ она къ тебѣ: нельзя ли, говоритъ, на мои деньги пользу сдѣлать. Что-жъ, можно, говоришь. Вотъ ты и ждешь. Прихожу я на лѣто. Дай, говорю, красненькую: а я съ уваженіемъ... Вотъ ты и смекаешь: коли шкура на мнѣ еще не ворочена, еще содрать можно, ты и даешь Анисьины деньги. А коли, примѣрно, нѣтъ у меня ни шиша, жрать нечего, ты, значитъ, замѣтку дѣлаешь, видишь, что содрать нечего, сейчасъ и говоришь: ступай, братъ, къ Богу, а изыскиваешь какого другого, опять даешь и свои, и Анисьины предѣляешь, того обдираешь. Вотъ это, значитъ, самая банка. Такъ она кругомъ и идетъ. Штука, братъ, умственная!» Старикъ Акимъ не вѣритъ: «Да, это что жъ? Это, тае, значитъ, скверность. Это мужики, тае, дѣлаютъ, такъ, мужики и то, значитъ за грѣхъ, тае, почитаютъ. Какъ же ученые то, тае... Какъ же такъ, Богъ трудиться велѣлъ. А ты, значитъ, тае, положилъ въ банку деньги, да и спи, а деньги тебя, значитъ, тае, поваля кормить будутъ. Скверность это, значитъ, не по закону это». — «Не по закону?» — переспрашиваетъ Митричъ. — «Это, братъ, нынче не разбираютъ. А какъ еще околузываютъ-то дочиста... Это, братъ, у нихъ самое любез-

ное дѣло. А ты помни. Вотъ, кто поглупѣй, али баба, да не можетъ самъ деньги въ дѣло произвесть, онъ и несетъ въ банку, а они, въ ротъ имъ ситнаго пирога съ горохомъ, цапаютъ, да этими денежками и облупляютъ народъ-то. Штука умственная!»

Долженъ сказать, что въ этомъ чудесномъ діалогѣ Митричъ довольно точно опредѣляетъ сущность банковаго дѣла, хоть судитъ о немъ, быть можетъ, и безъ надлежащей исторической перспективы: онъ не историкъ. Нѣкоторые западныя знаменитости идутъ много дальше, чѣмъ Митричъ. Такъ, напримѣръ, въ прославленномъ романѣ Теодора Драйсера «Финансистъ» нарисована картина, изъ которой слѣдуетъ выводъ: если не всякій банкиръ попадаетъ въ тюрьму (главный — и лучшій — у Драйсера въ тюрьму попадаетъ), то, въ сущности, это объясняется чистой случайностью. Конечно, преувеличеніе. Какъ бы то ни было, характеристика Митрича относится къ періоду расцвѣта «банки». Банкиръ, быть можетъ, околузываетъ, но зато дѣлаетъ размѣтку и деньги предѣляетъ, какъ слѣдуетъ. Это ничего, если недоволенъ святой старецъ Акимъ. Худо, когда недовольна Анисья. А сейчасъ международная Анисья недовольна, очень недовольна. Люди, которымъ она довѣрила свои залежныя деньги, совсѣмъ плохо ихъ предѣлили, какъ и собственныя: кредиты заморожены, акціи ничего не стоятъ.

На идеалистическій, слишкомъ идеалистическій, языкъ недовольство Анисьи можно перевести и такъ: «души людей уходятъ отъ капиталистическаго строя».

Однако, это будетъ весьма вольный переводъ: души тутъ ни при чемъ. Во всякомъ случаѣ, никакъ не слѣдуетъ дѣлать дополнительный выводъ: «души людей (хотя бы въ одной только Россіи) приходятъ къ коммунизму». Я думаю, въ Россіи души теперь отъ коммунизма гораздо дальше, чѣмъ были во времена Акима и Митрича, когда Ленина, можетъ быть, еще и на свѣтѣ не было. Старецъ Акимъ «не характеренъ» для новой Россіи: въ ней сейчасъ, съ большой вѣроятностью, можно предположить настоящую тоску по «банкѣ» — и, добавлю, нисколько не смѣшную. Эта тоска со временемъ и прорвется. Я писалъ въ самомъ началѣ революціи, что большевики принесутъ въ деревню кодексъ новой правды; но этимъ кодексомъ будетъ Десятый Томъ (Свода Законовъ). При томъ же мнѣніи я остаюсь и теперь. Если-бъ дѣло было только въ душахъ и въ предметныхъ урокахъ имъ, то европейскіе капиталисты могли бы быть рады и счастливы: ихъ главные враги оказались въ тысячу разъ хуже ихъ.

Нѣтъ, бѣда не въ томъ, что международные финансисты дѣйствуютъ «не по закону». Мы къ нимъ съ требованіями старца Акима и не подходили. Но ихъ штука оказалась гораздо менѣе умственной, чѣмъ они думали, чѣмъ думали, вслѣдъ за ними, и мы. Если они и своего дѣла не знаютъ, то что же они знаютъ и для чего они собственно нужны? Въ Сити говорятъ, что банкиръ это человѣкъ, который въ ясную солнечную погоду любезно предлагаетъ вамъ свой зонтикъ и немедленно требуетъ его назадъ, какъ

только начинаетъ идти дождь. Съ этимъ можно было мириться. Однако, теперь банкиры не предвидятъ ливней, и зонтиками не запасаются сами. А отдавать имъ зонтикъ назадъ перестало быть обязательнымъ.

Среди многочисленныхъ обрядовъ Лондонской фондовой биржи есть обрядъ банкротства[1]). Онъ называется hammering (отъ слова hammer — молотокъ). Величественный сторожъ «Стокъ Эксченжа» въ раззолоченномъ костюмѣ поднимается на возвышенiе въ одномъ концѣ биржевого зала и снимаетъ шляпу. Въ залѣ мгновенно наступаетъ мертвая тишина. Сторожъ стучитъ молоткомъ и медленно произноситъ слова: «Джентльмены, довожу до вашего свѣдѣнiя, что мистеръ X не выполнилъ своихъ обязательствъ». На противоположномъ концѣ зала раздается эхо, — другой сторожъ, такъ же одѣтый, произноситъ на своемъ возвышенiи то же самое: «Джентльмены, довожу до вашего свѣдѣнiя, что мистеръ X. не выполнилъ своихъ обязательствъ».

Обрядъ, естественно, допускаетъ и исключенiя. Къ несчастью, своего обязательства не выполнилъ — Англiйскiй Банкъ, который обязанъ по уставу за три бумажныхъ фунта семнадцать шиллинговъ и девять пенсовъ выдавать всякому желающему одну унцiю золота. Теперь къ Англiйскому Банку за унцiями золота желающимъ лучше не соваться. Однако, послѣ установленныхъ войной прецедентовъ, паденiе фунта не такъ ужъ поразило мiръ.

---

[1]) Hubert Meredith, The Drama of Money Making.

Я не хочу сказать, что капиталистическому строю грозитъ большая опасность. Если мы идемъ къ катастрофѣ, то, все таки, не изъ-за финансоваго кризиса или, во всякомъ случаѣ, отнюдь не изъ-за него одного. Съ финансовымъ кризисомъ Европа справится. Но очень не мѣшаетъ прислушаться къ разнымъ ударамъ молотка, раздающимся теперь надъ міромъ.

ГОЛЛАНДСКІЕ ДОМИКИ

Конгрессъ писателей въ Голландіи. Обставленъ онъ очень пышно: голландцы вообще чрезвычайно гостепріимны, а на этотъ разъ превзошли сами себя. Пріемы слѣдовали за пріемами; устраивало ихъ правительство, муниципалитетъ Гааги, муниципалитетъ Амстердама, голландскій P. E. N. Club, и т. д. Конгрессъ очень удался.

На этомъ конгрессѣ въ многочисленныхъ рѣчахъ гостями и хозяевами неизмѣнно высказывалась одна и та же мысль: вы, писатели (или мы, писатели), обязаны служить дѣлу мира и сближенія народовъ. Этими словами открылъ конгрессъ предсѣдатель совѣта министровъ Рейсъ де Беренбрукъ; то же самое говорилъ отвѣчавшій ему знаменитый англійскій романистъ Голсуорси; и то же въ теченіе четырехъ дней говорили другіе писатели, съѣхавшіеся на конгрессъ изъ тридцати странъ.

Мысль хорошая и безспорная. Собственно, ни доказывать ее, ни развивать не приходится, а на литера-

турномъ конгрессѣ всего менѣе. Голландскій премьеръ принялъ такой тонъ, будто сохраненіе мира на землѣ больше всего зависитъ отъ собравшихся на конгрессъ «принцевъ мысли». Въ дѣйствительности оно, разумѣется, отъ «принцевъ мысли» зависитъ не такъ ужъ сильно. Они, во всякомъ случаѣ, дѣлаютъ, что могутъ. Если не ошибаюсь, ни одинъ сколько-нибудь выдающійся писатель въ мірѣ къ войнѣ не призываетъ и войны не славословитъ. Ремаркъ пока еще не породилъ контръ-Ремарка, и пацифистскому Тарзану не соотвѣтствуетъ Тарзанъ анти-пацифистскій.

Мысль хорошая и безспорная. Тревожно то, что о ней такъ много говорятъ. И ужъ очень щедро выдаются бронзовые векселя. Бріанъ еще могъ, пожалуй, сказать въ Женевѣ: «Пока я остаюсь министромъ, войны не будетъ». Макдональдъ пошелъ гораздо дальше, — онъ ручается не только за себя, но и за другихъ: «Англія никогда больше не будетъ воевать!» — воскликнулъ онъ.

Съ англійскаго премьера исторія, быть можетъ, еще спроситъ, — да и то врядъ ли: на нѣкоторую забывчивость человѣчества могутъ разсчитывать въ своихъ восклицаніяхъ и министры. А ужъ съ участниковъ литературнаго конгресса исторія, навѣрное, не спроситъ ничего.

Французская делегація подняла еще вопросъ о свободѣ. «Находится ли въ упадкѣ идея свободы и является ли ея защита обязанностью каждаго писателя?» — таковъ былъ приблизительный смыслъ краткой

рѣчи одного изъ делегатовъ. Форма была полувопросительная, — отвѣтъ оратора подразумѣвался самъ собой. Однако, — однако въ залѣ было очень много писателей, которыхъ французскій вопросъ могъ поставить въ трудное положеніе, и не всегда по ихъ винѣ. Это выяснилось немедленно, почувствовалась неловкость. Вопросъ будетъ снова поднятъ на слѣдующемъ литературномъ конгрессѣ. Черезъ годъ. Или черезъ два. Вообще когда-нибудь въ другой разъ.

Помнится, Шеллингъ гдѣ-то говоритъ объ «утѣшительномъ дѣйствіи паломничества». Есть въ Голландіи три домика, очень замѣчательныхъ по историческимъ воспоминаньямъ. Два изъ нихъ — домикъ Петра Великаго и амстердамскій домъ Рембрандта — извѣстны каждому туристу. Третій не извѣстенъ никому, — тамъ и въ «книгѣ для посѣтителей» расписаться нельзя: нѣтъ никакой книги. Нынѣшніе хозяева этого дома рѣшительно ничего не знаютъ объ его прошломъ.

Городъ Саардамъ, по словамъ путеводителя, живетъ лѣснымъ промысломъ. Съ нѣкоторымъ правомъ можно было бы сказать, что это невѣрно: городъ Саардамъ живетъ — Петромъ Великимъ.

Отчасти это видно изъ самаго названія города. Въ дѣйствительности городъ всегда назывался и называется Заандамъ. Понемногу корень Заанъ (названіе рѣки) превратился въ отзвукъ слова царь, — какъ у насъ Саарское Цело стало Царскимъ Селомъ. Привезъ меня въ Саардамъ пароходъ «Czaar Peter». На главной площади города стоитъ памятникъ Петра.

Магазинъ называется «Handelshuis Czaar Peter». Идутъ къ «Czaar Peter Huisje» по «Czaar Peter Straat», и т. д.

Какъ Петръ попалъ въ Саардамъ?

Величайшая побѣда Петра надъ шведами произошла подъ Полтавой, — въ географическомъ отношенiи это столь же неестественно, какъ если бы важнѣйшее сраженiе во франко-германской войнѣ произошло подъ Бордо или подъ Монпелье. Почти такъ же удивляетъ и то обстоятельство, что московскiй царь оказался въ Голландiи, да еще въ деревнѣ (Заандамъ сталъ городомъ только въ 1811 году), которая, вопреки указанiямъ нѣкоторыхъ историковъ, отнюдь не была наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для изученiя кораблестроительнаго дѣла и ремеселъ. По словамъ стараго голландскаго историка, записавшаго мѣстныя преданiя и имѣвшаго въ своемъ распоряженiи рукописные матерiалы, выборъ Саардама былъ чистой случайностью.

Что привлекало Петра въ Голландiи? Она была, какъ извѣстно, самымъ прочнымъ изъ всѣхъ его увлеченiй. Петръ Великiй не былъ, разумѣется, âme slave, но, казалось бы, духъ тихой, безхитростной, ласковой Голландiи былъ вполнѣ чуждъ его бурной и необузданной натурѣ. Собственно, у него съ голландцами была только одна общая черта: трудолюбивая практичность. Повидимому, въ Нидерландахъ Петръ и нашелъ свой идеалъ дѣловитости. Всякiй «нацiональный характеръ»—сфинксъ; и всякiй газетный «передовикъ» Эдипъ этого сфинкса. Но ужъ если разсуждать о нацiональномъ характерѣ голландцевъ, то основная чер-

та его, вѣроятно, въ любви къ труду, въ дѣловой цѣпкости. Черта эта и въ ту пору сказывалась съ такой же силой, какъ теперь.

Я видѣлъ въ Амстердамѣ новую часть города. Это явленіе поразительное, къ сожалѣнію, недостаточно извѣстное въ другихъ странахъ. Пять лѣтъ тому назадъ здѣсь на лугахъ паслись черно-бѣлыя голландскія коровы. Теперь великолѣпныя улицы застроены превосходными домами въ новомъ очень своеобразномъ стилѣ. Современная голландская архитектура, быть можетъ, уступаетъ американской, но въ Европѣ, кажется, ей нѣтъ ничего равнаго. Создана новая часть города въ послѣднія пять лѣтъ совмѣстными усиліями муниципалитета и частныхъ лицъ. Однако объ э т о й пятилѣткѣ не ходятъ въ мірѣ восторженныя легенды. Вѣроятно, въ мѣстныхъ газетахъ о ней въ дѣловомъ порядкѣ споровъ и толковъ было не мало; но голландцы не кричатъ на весь міръ, что они создали новую жизнь и начали новую эру въ исторіи человѣчества. А они могли бы многое показать и не только въ области городского строительства. Стоитъ назвать работы по осушенію Зюидерзее. Огромное водное пространство отдѣляется плотинами отъ моря, воду выкачиваютъ электрическими насосами: для крестьянскаго населенія должно освободиться около 600000 акровъ необыкновенной по плодородію земли,— приблизительно десятая часть всей нынѣ обрабатываемой территоріи! Голландцы говорятъ, что они и безъ всякой войны пріобрѣтаютъ новыя провинціи. Расходы по осушенію моря превысятъ 10 милліардовъ

франковъ! Думаю, что эти работы стоятъ разныхъ Днѣпростроевъ, — и мифическихъ, и полумифическихъ и даже не-мифическихъ. Но своихъ работъ голландцы на экранахъ кинематографовъ, къ сожалѣнію, не показываютъ. Построили въ нѣсколько лѣтъ новый великолѣпный городъ, осушили море, отвоевали у него землю для крестьянъ, — чѣмъ же тутъ особенно хвастать? Люди работаютъ, только и всего.

Одинъ французскій писатель сказалъ, что весь міръ создалъ Господь Богъ, но Голландію создали голландцы. Это было трудное дѣло. Какъ извѣстно, Голландія лежитъ ниже уровня моря и защищена отъ наводненій сложнѣйшей системой плотинъ, имѣющей, кстати сказать, и стратегическое значеніе. Весь планъ защиты страны основанъ на возможности затопленія любого участка ея территоріи: онъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ, предусматриваетъ затопленіе Гааги и Роттердама, оставляя, въ качествѣ послѣдняго убѣжища голландской свободы, окруженный наводненіемъ Амстердамъ! Разумѣется, это планъ чисто теоретическій; никто, къ счастью, не собирается воевать съ голландцами. Но они съ гордостью повторяютъ слова, будто бы сказанныя Вильгельму II, незадолго до войны, ихъ королевой. Германскій императоръ на смотру хвасталъ своей гвардіей: «Каждый мой гвардеецъ шести футовъ роста». На что королева якобы отвѣтила: «Для завоеванія Голландіи этого мало: вотъ если бъ они были восьми футовъ, было бы, пожалуй, достаточно: наше наводненіе будетъ въ семь футовъ глубины». Съ такой же гордостью голландскій ученый

Итта говоритъ, что ихъ электрическія лампочки Филипсъ, завоевавшія весь міръ, созданы голландскимъ трудолюбіемъ цѣликомъ изъ чужого матеріала: «стекло, металлъ, дерево, все привозное, — наша только пустота внутри лампочекъ, да еще энергія нашего народа».

Это и есть духъ Голландіи, и многому могли бы у нея поучиться другія западно-европейскія страны, немного утомленныя своей пышной великолѣпной исторіей. Сколько лѣтъ, напримѣръ, мы слышимъ о великомъ африканскомъ желѣзнодорожномъ пути, который общими усиліями должны соорудить Англія, Франція, Германія. Къ нему и не думаютъ приступать, хотя «безработица и отсутствіе рынковъ душатъ Европу». Сколько лѣтъ мы слышимъ о туннелѣ подъ Ламаншемъ. Готовый разработанный планъ проваливаютъ по военнымъ соображеніямъ, хотя «Англія никогда больше не будетъ воевать». Да собственно, большинству европейскихъ правителей и некогда этимъ заниматься: девять десятыхъ ихъ энергіи уходитъ на то, чтобъ держаться у власти. Какіе ужъ тутъ большіе замыслы, когда въ четвергъ опаснѣйшая интерпелляція?

Духъ Голландіи — трудолюбіе и свободная отъ саморекламы дѣловитость. Вѣроятно, это и привлекало къ ней Петра. Онъ тоже не былъ рекламистомъ и безгранично вѣрилъ въ человѣческій трудъ.

Ключевскій говоритъ: «Подъ прикрытіемъ торжественнаго посольства, въ свиту котораго замѣшался и

Петръ подъ вымышленной фамиліей, снаряжена была секретная воровская экспедиція съ цѣлью выкрасть у Западной Европы морского техника и техническое знаніе». Не знаешь, чему приписать это замѣчаніе знаменитаго историка: то ли общей его язвительности или полускрытой враждебности къ личности и къ дѣлу Петра? Что же было дурного въ погонѣ за техническимъ знаніемъ? Выкрасть техника? Мастеровъ и ученыхъ нанимали открыто, нельзя же было вывезти тайно девятьсотъ человѣкъ. Воровская экспедиція? Все всегда покупали за наличныя деньги, — отъ картинъ Рембрандта до «младенцевъ въ спиртусахъ» изъ анатомическаго театра. Вымышленное имя Петра? Конечно, это была маленькая комедія. Петръ въ теченіе всей поѣздки объявлялъ себя то плотникомъ, то царемъ. Въ Кенигсбергѣ бранденбургскій электоръ Фридрихъ, впослѣдствіи прусскій король, принималъ русское посольство, Лефортъ отъ имени делегаціи говорилъ рѣчь, Петръ «инкогнито» стоялъ въ свитѣ. Этикетъ былъ чинный: электоръ сидѣлъ на тронѣ въ шляпѣ и приподнималъ шляпу всякій разъ, какъ Лефортъ въ своей рѣчи произносилъ его, электора, имя. По окончаніи рѣчи, Фридрихъ освѣдомился, здоровъ ли царь; Лефортъ безъ запинки отвѣтилъ, что оставилъ царя въ Москвѣ въ добромъ здоровьѣ. Но послѣ торжественнаго пріема тотъ же электоръ уединился для разговора съ «Петромъ Михайловымъ». Конечно, псевдонимъ Петра не вводилъ въ заблужденіе ни королей, ни плотниковъ. У Андрея Нартова есть очаровательный разсказъ — въ стилѣ голландской живо-

писи — о Саардамскомъ романѣ Петра (о немъ разсказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ и Лейбницъ): «Его Величество хаживалъ въ Саардамѣ послѣ работы съ товарищами въ одинъ винный погребъ завтракать сельди, сыръ, масло, пить виноградное вино и пиво, гдѣ у хозяина находилась въ прислугахъ одна молодая, рослая и пригожая дѣвка». — Петръ увѣрялъ дѣвку, что онъ плотникъ Михайловъ. Дѣвка упорно не вѣрила: слышала, молъ, что не плотникъ, а король Питеръ. — «Государь, желая скорѣе бесѣду кончить, говорилъ: «Любовь не разбираетъ чиновъ, такъ вѣдай, я московскій дворянинъ». — «Тѣмъ хуже и неприличнѣе для меня», — отвѣчала она, — «вольнаго народа свободная дѣвка не можетъ любить дворянина; я сердца своего ему не отдамъ». При семъ словѣ хотѣлъ было онъ ее поцѣловать, но она, не допустивъ, пошла отъ него прочь. Государь, видя, что иначе раздѣлаться съ нею не можно, какъ сказать яснѣе, удержалъ и спросилъ ее: «А саардамскаго корабельщика и Русскаго царя полюбила ли бы ты?» На сіе, улыбнувшись, весело вдругъ сказала: «Это, Питеръ, дѣло другое. Ему сердца не откажу и любить буду»[1]). Какая же это была хитрость, если вымышленное имя царя не вводило въ заблужденіе никого, отъ бранденбургскаго электора до «вольнаго народа свободной дѣвки»?

Большого практическаго значенія Саардамская ра-

---

[1]) Андрей Нартовъ. Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго, Сборникъ отд. русск. яз. и слов., т. 52, 1891 г.

бота Петра не имѣла. Вольтеръ пишетъ, что царь работалъ плотникомъ два года. Другіе иностранные историки такъ далеко не идутъ: говорятъ, два мѣсяца или семь недѣль. Въ дѣйствительности, Петръ въ Саардамѣ пробылъ ровно восемь дней, — отъ 18-го по 25-ое августа 1697 года. За это время никакому ремеслу онъ на Саардамскихъ верфяхъ, конечно, научиться не могъ (да онъ еще въ Россіи зналъ четырнадцать ремеселъ). Порою преувеличиваются и тѣ «сокровища знанія», которыя вывезли изъ Европы взятые туда Петромъ молодые люди. Одинъ изъ нихъ (отправленный въ Венецію) просидѣлъ все назначенное ему время въ своей комнатѣ, ибо считалъ грѣхомъ общеніе съ басурманами. Другой такъ описывалъ памятникъ Эразму въ Роттердамѣ: «Сдѣланъ мужикъ вылитой мѣдной съ книгою въ знакъ тому, который былъ человѣкъ гораздо ученый и часто людей училъ, и тому на знакъ то сдѣлано».

Но если практическое значеніе путешествія Петра, быть можетъ, нѣсколько и преувеличивается, то его символическій смыслъ достаточно очевиденъ. Разумѣется, я никакъ не собираюсь здѣсь, въ небольшомъ очеркѣ, поднимать вопросъ о Петрѣ, все еще не исчерпанный послѣ трудовъ Щербатова, Карамзина, Соловьева, Кавелина, Костомарова, Ключевскаго, Милюкова, Платонова, и вновь встающій передъ каждымъ русскимъ поколѣніемъ. Споръ о Петрѣ не сводится къ борьбѣ «славянофиловъ» и «западниковъ», будь это въ старомъ или современномъ значеніи обоихъ словъ. Если сто лѣтъ тому назадъ лѣвый западникъ Бѣлин-

скій вслѣдъ за Вольтеромъ былъ восторженнымъ поклонникомъ Петра, то вѣдь въ настоящее время вождь лѣваго и западнаго направленія русской политической мысли считается въ исторической наукѣ его противникомъ. Съ другой стороны, Петръ имѣлъ горячихъ почитателей среди славянофиловъ. Со всѣмъ тѣмъ, онъ, конечно, сталъ фигурой огромнаго символическаго значенія.

Это было очень живописное, почти фантастическое посольство. Среди скромныхъ голландскихъ купцовъ, среди бѣдныхъ голландскихъ ремесленниковъ неожиданно появились странные люди, носившіе въ августѣ собольи шубы поверхъ раззолоченнаго длиннаго платья, люди въ высокихъ мѣховыхъ шапкахъ, при сабляхъ, усыпанныхъ драгоцѣнными камнями. За ними слѣдовало семьдесятъ гайдуковъ, нарочно подобранныхъ въ Москвѣ по гигантскому росту[1]), выпивавшіе въ день, къ ужасу и изумленію голландцевъ, три боченка пива и тридцать огромныхъ кувшиновъ водки, затѣмъ калмыки въ какихъ-то еще болѣе странныхъ костюмахъ, — и кого только не было еще! И тащилъ это посольство съ собой повсюду, — на верфи, на фабрики, въ кунстъ-камеры, въ больницы, въ анатомическій театръ, — великанъ со страшнымъ лицомъ, въ красномъ короткомъ бострокѣ, «какъ одѣваются ватерлантскіе жители», зачѣмъ-то называвшій

[1]) Одинъ изъ нихъ, «гренадеръ мочной, плотной, бывалый въ Москвѣ часто на бояхъ кулачныхъ», свалилъ knock outомъ въ Лондонѣ знаменитаго боксера: «не допустивъ его до себя, въ мигъ кулакомъ своимъ треснулъ англичанина по нагбенной шеѣ въ становную жилу»...

себя плотникомъ, — «голосъ сиповатый, не тонокъ и не громогласенъ, лицомъ смуглъ, ростомъ не малымъ, сутуловатъ; когда отъ пристани идетъ до церкви, изъ народу виденъ по не малому росту, головою стряхивалъ: токмо одинъ его великанъ цесарецъ выше былъ полуаршиномъ»[1]).

Вотъ и онъ, домикъ-символъ, крошечный, покрившійся, едва держащійся подъ своимъ каменнымъ колпакомъ. Почтенная голландка выходитъ изъ садика, получаетъ плату, предлагаетъ открытки, — и начинаетъ объяснять: здѣсь Петръ спалъ, здѣсь онъ работалъ, и т. д. Историки не считаютъ безусловно доказаннымъ даже и то, что царь жилъ именно въ этомъ домикѣ, — это лишь почти достовѣрно: традиція и большинство историковъ указываютъ, что Петръ поселился у кузнеца Геррита Киста; но запись лютеранской общины того времени говоритъ, что «Petrus Alexeewitz magnus Dominus Tzar et Magnus dux Moscoviae» жилъ у ремесленника Тисена. Оба дома находились на одной улицѣ. Вдобавокъ, устная традиція о пребываніи Петра въ Саардамѣ заглохла въ серединѣ 18-го вѣка. Домикъ перемѣнилъ нѣсколько владѣльцевъ. Продавался онъ очень дешево: за 178, потомъ за 200 флориновъ; исторической достопримѣчательностью онъ сталъ лишь послѣ того, какъ его посѣтили Павелъ Петровичъ и императоръ Іосифъ II. Позднѣе побывалъ въ домикѣ и Наполеонъ I: «L'Empereur examina

---

[1]) Никита Кашинъ, Памятники Древней Письменности, 1895 г.

tout sans paraître y prendre le moindre intérêt», у него и собственныхъ историческихъ мѣстъ было достаточно. А послѣ окончанія Наполеоновскихъ войнъ домикъ пріобрѣлъ голландскій король Вильгельмъ: его сынъ и наслѣдникъ въ ту пору женился на великой княгинѣ Аннѣ Павловнѣ. Голландскій король поднесъ въ подарокъ своеой невѣсткѣ домикъ Петра Великаго, купленный имъ у ремесленника Бюльзинга за шесть тысячъ флориновъ. Вѣроятно, тогда же была выгравирована и надпись: «Niets is den grooten Man te klein», равно какъ и ея русскій переводъ, сдѣланный, должно быть, какимъ-нибудь голландскимъ филологомъ: «Ничего главному чѣловеку мало».

Домикъ описывался много разъ: двѣ комнаты, огромный каминъ-очагъ, лѣстница, три стула, широкое окно, стѣны, испещренныя, какъ водится, надписями. Преобладаютъ надписи на иностранныхъ языкахъ, но есть и русскія, очень старыя. «Отцу отечества Петру благодарный Стефанъ Савинъ 1827-го майя 4—16»... Есть любопытныя записи и въ книгѣ. Въ старину какой-то шведъ добился у сторожа разрѣшенія провести ночь въ домикѣ и написалъ на этотъ случай стихи, а къ нимъ добавилъ: «Dans le même lit ou reposa Pierre Alexiewitz moi aussi je vais gouter les douceurs du repos».

Изреченій самого Петра здѣсь не видно. Жаль: онъ былъ превосходный стилистъ, — въ немъ, какъ въ Иванѣ Грозномъ, не получилъ развитія и оцѣнки замѣчательный писатель. Его письма и приказы особенно хороши дѣловитостью, трезвостью, сжатостью. Изъ Парижа онъ пишетъ женѣ о визитѣ семилѣтняго

Людовика XV: «Объявляю вамъ, что въ прошлый понедѣльникъ визитовалъ меня здѣшній королище, который пальца на два болѣе Луки нашего (карлика), дитя зѣло изрядная образомъ и станомъ, и по возрасту своему довольно разуменъ, которому седмь лѣтъ». Въ Германіи, какъ свидѣтельствуетъ «Юрналъ», Петръ осматривалъ комнату, гдѣ «Мартынъ Люторъ въ дьявола чернильницу бросилъ, и тѣ чернила будто тутъ на стѣнѣ доднесь остались». «Тутошные пасторы» просили царя расписаться въ книгѣ. Петръ осмотрѣлъ пятно на стѣнѣ и сердито написалъ: «Чернила новыя, и совершенно сіе неправда»[1]).

Этотъ домикъ символъ идеи, которую и теперь приходится доказывать, какъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Разумѣется, не только свѣта, что въ окнѣ въ Европу; однако, своимъ появленіемъ здѣсь, позднѣе въ Лондонѣ, въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей въ русской исторіи сказалъ (не первый, конечно), что Россія часть европейскаго міра и русская культура часть европейской культуры. Петръ учился вѣдь не только у плотниковъ, но и у Лейбница.

Выхожу изъ домика, — едва ли опять когда-либо попаду въ эти мѣста. Крошечный каналъ кончается, начинается «главная улица». На углу сюрпризъ. Здѣсь только что были выборы. Виситъ плакатъ съ цифрой 8 и съ надписью «Kiest List Communisten»: призывъ голосовать за коммунистическую партію. Въ

---

[1]) Русская Старина, октябрь 1901 г., стр. 226.

витринѣ портретъ лысаго человѣка, всѣмъ намъ, къ несчастью, знакомый.

Я, все-таки, не думалъ, что онъ популяренъ и въ Саардамѣ!

Высокій старинный домъ на «Iodenbreetstraat». Двадцать пять лѣтъ тому назадъ художникъ Іосифъ Израэльсъ напомнилъ амстердамскому муниципалитету, что существуетъ и медленно разваливается домъ, о которомъ не мѣшало бы позаботиться. Городъ всполошился, деньги нашлись, домъ отремонтировали и «привели въ такой видъ, въ какомъ онъ былъ въ семнадцатомъ вѣкѣ». Тамъ собрали коллекцію гравюръ великаго художника, книги, написанныя о немъ на разныхъ языкахъ. Теперь это достопримѣчательность Амстердама, значащаяся во всѣхъ путеводителяхъ по Голландіи: «домъ, въ которомъ жилъ Рембрандтъ».

Правильнѣе было бы назвать: «домъ, изъ котораго выгнали Рембрандта».

Это довольно обычная исторія, часто повторявшаяся во всѣ времена въ разныхъ странахъ міра. Человѣкъ былъ въ модѣ, и ему платили деньги, — очень смѣшныя по теперешнимъ цѣнамъ на его картины, но по тому времени немалыя. Потомъ онъ вышелъ изъ моды, и ему перестали платить деньги. Онъ былъ художникъ, — вмѣсто того, чтобы въ лучшія времена копить флорины и относить сбереженія въ банкъ, онъ тратилъ ихъ довольно безразсудно, да еще дѣлалъ долги. Заказы перестали приходить, стали приходить

кредиторы. Выяснилось, что у него нѣтъ большого дарованья, да собственно никогда и не было. Въ будущее должника заимодавцы не вѣрили. Однимъ словомъ, имущество Рембрандта было продано съ молотка. Протоколъ распродажи теперь «хранится, какъ святыня», въ архивѣ города Амстердама, — въ качествѣ предмета гордости можно было бы хранить что-либо другое. У Рембрандта были картины, старинныя вещи, разныя бездѣлушки. Одинъ глубокомысленный изслѣдователь весьма серьезно пишетъ, что изъ протокола распродажи коллекцій видно, что обитатель дома былъ знатокъ, — этотъ цѣнный выводъ можно было сдѣлать и безъ протокола распродажи коллекцій.

До сихъ поръ исторія, повторяю, обыкновенная, съ тѣмъ, разумѣется, осложненіемъ, что ея жертвой оказался одинъ изъ величайшихъ художниковъ всѣхъ временъ. Конецъ же нѣсколько необыченъ и въ «лѣтописяхъ искусства», хотя всего онѣ, эти лѣтописи, насмотрѣлись. Богатство смѣнилось бѣдностью, бѣдность перешла въ нищету. Слава ушла безъ рецидива. Новыхъ заказчиковъ не было, это отбило охоту и у старыхъ. Въ 1661 году по чьей-то протекціи городъ Амстердамъ заказалъ Рембрандту для ратуши картину на историческій сюжетъ. Ободрившійся старикъ написалъ самую большую изъ всѣхъ своихъ картинъ: въ ней было около двадцати квадратныхъ метровъ. Картина не понравилась и вдобавокъ была признана слишкомъ громоздкой. Изъ нея нарѣзали ломтей; сохранился только одинъ, — присяга заговорщиковъ на мечахъ, теперь составляющая главную гор-

дость галлерей Стокгольма. Это одно изъ самыхъ мрачныхъ произведеній Рембрандта.

Неуспѣхъ большого заказа, повидимому, добилъ старика. О концѣ его жизни мы лишь недавно кое-что узнали, да и то очень немного. Въ бывшей у меня статьѣ о Рембрандтѣ, написанной еще только семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, сообщается, что на старости онъ ничего не писалъ, — между тѣмъ, въ это время были созданы, быть можетъ, самыя совершенныя его картины. Извѣстный историкъ живописи Филиппо Бальтинуччи писалъ въ концѣ 17-го вѣка, что Рембрандтъ переселился въ Швецію и тамъ умеръ. Другіе историки сообщали, что онъ окончилъ свои дни гдѣ-то въ Англіи. Только въ недавнее время, по разнымъ стариннымъ документамъ, преимущественно, по сохранившимся архивамъ амстердамскихъ нотаріусовъ, удалось выяснить, какъ Рембрандтъ провелъ послѣдніе годы жизни. Бумаги эти напечаталъ съ нѣмецкимъ переводомъ Гофстедъ де Гротъ въ третьемъ томѣ «Источниковъ исторіи голландскаго искусства».

Въ этомъ сборникѣ можно отыскать самые удивительные документы. Такъ, напримѣръ, мы находимъ въ книгахъ нотаріуса Пэрслакена за 1667 г.[1]) протоколъ описи имущества поэта Асселина. У него была картина Рембрандта, — какая, не сказано, — ее оцѣнили для залога, въ придачу къ мебели, въ десять флориновъ. Изъ другой нотаріальной записи выясняется, что въ 1662 году Рембрандтъ долженъ былъ про-

---

[1]) C. Hofstede de Groot, Die Urkunden über Rembrandt, Haag, 1906, S. 354.

дать могилу съ останками своей жены (мѣсто для кладбища пріобрѣталось для другого умершаго); въ протоколѣ этой сдѣлки владѣлецъ могилы, кстати сказать, названъ Рембландтомъ[1]), — такъ забытъ онъ былъ въ ту пору. Мы узнаемъ еще, что для пропитанія онъ нанимался свидѣтелемъ на разныя церемоніи, гдѣ требовались платные свидѣтели[2]). Выяснено также и то, что молодые голладскіе художники иногда за небольшую плату, приглашали старика — въ качествѣ натурщика. Такъ, онъ «позировалъ» Фабрицію для картины, изображавшей смертную казнь: престарѣлый подслѣповатый Рембрандтъ (зрѣніе его очень ослабѣло въ послѣдніе годы), съ засученными рукавами и поднятымъ топоромъ, представлялъ палача. Жаль, что тогда не было фотографіи: эту сцену стоило бы запечатлѣть для потомства. Можетъ быть, онъ давалъ молодымъ художникамъ и совѣты; можетъ быть, они его совѣтовъ не слушали: авторитеты того времени мало цѣнили живопись Рембрандта. Самый модный, загребавшій деньги художникъ-портретистъ конца 17-го вѣка Лэрессъ писалъ: «Рембрандту удается только гниль. Онъ видитъ въ сюжетѣ лишь мѣщанскую и вульгарную сторону; своимъ желто-рыжимъ колоритомъ онъ далъ пагубный примѣръ того, какъ»... и т. д. «Все же его живопись не совершенно плоха», — снисходительно заканчиваетъ свою оцѣнку Лэрессъ.

Сохранившійся протоколъ о какой-то распродажѣ далъ возможность установить, что живописецъ Рем-

---

[1]) I. c., S. 304.
[2]) I. c., S. 317.

брандтъ, родомъ изъ Лейдена, умеръ въ Амстердамѣ въ октябрѣ 1669 года. Разыскали лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ и опись имущества, оставшагося послѣ несчастнаго старика, — этотъ протоколъ тоже гордость какого-то архива. Рембрандтъ оставилъ рисовальныя принадлежности, нѣсколько стульевъ, носовые платки, шапочки, — все больше съ краткой характеристикой «дешевое» въ описи, — и «еще кое-какой хламъ, не стоящій перечисленія», — говоритъ опись. Можетъ быть, въ хламѣ были и его послѣдніе рисунки? На похороны ассигновано было пятнадцать флориновъ; мѣсто могилы Рембрандта въ точности не извѣстно: не записали. Не такъ давно въ старой амстердамской церкви, при ремонтѣ, было найдено нѣсколько гробницъ. Кто-то почему-то предполагаетъ, что одна изъ нихъ — «забытая могила бѣдняка»[1]).

Мнѣ говорили въ Голландіи, что за Гаагскихъ и Амстердамскихъ Рембрандтовъ американцы предлагали шестьдесятъ милліоновъ долларовъ. Должно быть, это невѣрно, — хотя бы уже потому, что подобнаго рода предложеніе можно было бы сдѣлать только совѣтскому правительству. Но такова приблизительная «рыночная стоимость» небольшой части[2]) наслѣдства, оставленнаго амстердамскимъ нищимъ.

---

[1]) «The paupers fortgotten grave» (C. Holmes).

[2]) Въ Голландіи находятся знаменитѣйшія картины Рембрандта, но общее число ихъ невелико. Лувръ со своими 20 Рембрандтами, занимаетъ одно изъ первыхъ въ мірѣ мѣстъ. Самой же богатой въ мірѣ коллекціей (43) было собраніе нашего Эрмитажа — о немъ теперь, къ несчастью, осторожнѣе говорить въ прошедшемъ времени.

Муниципалитетъ города Амстердама устроилъ въ честь Международнаго Конгресса писателей большой вечерній пріемъ въ залахъ Государственнаго Музея. Часть амстердамскаго общества, — къ сожалѣнію, небольшая, — явилась на этотъ пріемъ въ старинныхъ національныхъ костюмахъ. Это была очень счастливая мысль. По ярко освѣщеннымъ заламъ шли дамы въ платьяхъ стиля 17-го столѣтія, мужчины въ бархатныхъ кафтанахъ съ кружевными воротниками, при шпагахъ, въ желтыхъ ботфортахъ съ отворотами. И точно такіе же дамы и мужчины смотрѣли на нихъ со стѣнъ.

Въ вестибюлѣ былъ устроенъ буфетъ. Къ нему примыкаетъ длинная зала, если не ошибаюсь, самая большая въ Музеѣ. Въ концѣ ея находятся витрины съ великолѣпными образцами стараго оружія; около нихъ открывался входъ въ залу гораздо меньшихъ размѣровъ, таинственно и слабо освѣщенную въ отличіе отъ другихъ залъ. Гости въ нее входили — и останавливались: на особой, нарочно воздвигнутой стѣнѣ, къ которой ведутъ ступени, виситъ «Ночной Дозоръ».

Это былъ главный эффектъ пріема. Такъ, у Пруста свѣтская дама, знакомя новаго гостя съ завсегдатаями своей гостиной, называетъ одно имя за другимъ, — и вдругъ небрежно роняетъ: «мосье Анатоль Франсъ...»

«Ночной Дозоръ» былъ освѣщенъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. На потолкѣ за системой щитовъ горѣлъ электрическій фонарь. Оставляя комнату въ полутьмѣ, свѣтъ падалъ на полотно слѣва и сверху: такъ онъ долженъ падать и на картинѣ.

Эта картина — вмѣстѣ съ «Джокондой», съ Дрезденской «Мадонной», съ «Семьей Филиппа IV» — относится къ самымъ знаменитымъ изъ всѣхъ существующихъ на землѣ. Ее видѣлъ каждый бывшій въ Амстердамѣ туристъ. Но очень немногіе видѣли ее при вечернемъ свѣтѣ. Въ искусственномъ освѣщеніи необычайно усиливается волшебно-фантастическій характеръ картины.

Ея происхожденіе общеизвѣстно. Шестнадцать богатыхъ людей, входившихъ въ составъ отряда такъ называемой гражданской гвардіи, пожелали, чтобы извѣстный художникъ изобразилъ ихъ на одномъ полотнѣ. Это въ ту пору было обычаемъ,— какъ теперь снимаются товарищеской группой у фотографа. Рембрандъ, къ которому обратился отрядъ капитана Франца Боннинга Кока, все сдѣлалъ по своему: изобразилъ выходъ отряда въ моментъ разбора оружія. Съ его картиной случилось нѣчто необыкновенное. Казалось бы, ясно по сюжету, по фактамъ, по заданію заказчиковъ, что ея дѣйствіе происходитъ днемъ. Между тѣмъ перешла она въ потомство подъ названіемъ «Ночного Дозора». Казалось бы, ясно, что на картинѣ изображена обыкновенная церемонія, которой тѣшили себя игравшіе въ военныхъ штатскіе люди. Между тѣмъ, историки искусства еще до сихъ поръ спорятъ: что же такое изобразилъ Рембрандтъ? гдѣ происходитъ написанная имъ сцена? когда она происходитъ? днемъ? ночью? въ лучахъ ли невидимыхъ фонарей или при солнечномъ свѣтѣ, падающемъ изъ невидимыхъ оконъ?

Отъ этой странной картины, отъ этихъ людей, бѣгущихъ неизвѣстно куда, возбужденныхъ неизвѣстно чѣмъ, бьющихъ въ барабанъ неизвѣстно для чего, отъ этой картины вѣетъ безуміемъ.

Петербургскій чиновникъ изъ Коломны былъ влюбленъ въ дѣвицу. Въ городѣ произошло наводненіе. Чиновникъ спасся, оказавшись «на звѣрѣ мраморномъ верхомъ», недалеко отъ памятника Петра Великаго. По окончаніи наводненія, онъ поспѣшилъ къ дѣвицѣ и увидѣлъ, что ея домика больше нѣтъ. Чиновникъ тутъ же сошелъ съ ума. Затѣмъ онъ прожилъ почти годъ въ Петербургѣ, гуляя на свободѣ, питаясь «въ окошко поданнымъ кускомъ». Однажды онъ попалъ на площадь, на которой стоитъ памятникъ. Сумасшедшему чиновнику показалось, что во всемъ виноватъ Петръ. Злобно задрожавъ, онъ обратился было къ царю съ гнѣвной рѣчью, но испугался, бросился бѣжать и вскорѣ затѣмъ умеръ.

Таково въ грубомъ пересказѣ содержаніе геніальной поэмы. Извѣстны толкованія ея символическаго смысла. Они исходятъ изъ антитезы: Петръ — Евгеній. Борьба индивидуальной воли съ коллективной. Мятежъ и самодержавіе. Думаю, что чисто политическое толкованіе «Мѣднаго Всадника» для него слишкомъ узко. Быть можетъ, и самъ Петръ взятъ въ поэмѣ, преимущественно, какъ символъ судьбы, — не какъ государственный дѣятель, а какъ русская стихія. Недаромъ Пушкинъ, наряду съ Петромъ, такъ искусно

навязываетъ читателю Неву: Петръ, Нева, Нева, Петръ... Словесная сила выраженія обоихъ символовъ, безпрестанно возвращающихся, какъ навязчивая идея, растетъ непрерывно: «... Нева металась, какъ больной въ своей постелѣ безпокойной»... «... Нева всю ночь рвалася къ морю противъ бури»... «...Но силой вѣтра отъ залива перегражденная Нева», — и т. д. Одновременно «вдалбливается» Петръ: «И обращенъ къ нему спиною, въ неколебимой вышинѣ, надъ возмущенною Невою, стоитъ съ простертою рукою кумиръ на бронзовомъ конѣ»... «...И прямо въ темной вышинѣ надъ огражденною скалою кумиръ съ простертою рукою сидѣлъ на бронзовомъ конѣ»... Наконецъ, въ важнѣйшемъ своемъ явленіи оба символа разрѣшаются съ такой звуковой силой, равной которой нѣтъ въ русской литературѣ: «Нева вздувалась и ревѣла, котломъ клокоча и клубясь»... «...И, озаренъ луною блѣдной, простерши руку къ вышинѣ, за нимъ несется Всадникъ Мѣдный на звонко скачущемъ конѣ. И во всю ночь безумецъ бѣдный, куда стопы ни обращалъ, за нимъ повсюду Всадникъ Мѣдный съ тяжелымъ топотомъ скакалъ».

Чиновникъ, странно — по имени — названный въ поэмѣ, прогулялъ сумасшедшимъ годъ по улицамъ Петербурга; ему изъ оконъ добрые люди подавали пищу, — и никто, очевидно, не замѣчалъ, что онъ сошелъ съ ума. Это довольно мало вѣроятно, однако, могло быть; Пушкинъ увѣряетъ даже, что было. Точно также въ отрядѣ Баннинга Кока, при мирной церемоніи выхода, одинъ изъ воиновъ могъ безъ на-

добности палить надъ ухомъ другого. Могла затесаться въ отрядъ и какая-то непонятная дѣвочка съ мертвой птицей на поясѣ. Все это могло быть. Однако, и Пушкинъ, и Рембрандтъ вѣрно сумѣли бы сдѣлать свое произведенiе и нѣсколько болѣе правдоподобнымъ. Очевидно, это имъ было ненужно. Въ школьныхъ терминахъ скажемъ, что нѣкоторая (не очень большая) доля неправдоподобiя способствуетъ превращенiю реалистическаго искусства въ символическое. У Рембрандта и свѣтъ, какъ нарочно, падаетъ на самые неправдоподобные эпизоды картины; а вѣдь у него свѣтъ опредѣляется не только «радостью глаза». Мы не знаемъ, что онъ хотѣлъ сказать. Но, конечно, дѣло у Рембрандта не въ капитанѣ Кокѣ и не въ лейтенантѣ Рейтенбургѣ, какъ у Пушкина дѣло не въ чиновникѣ Евгенiи и не въ его невѣстѣ Парашѣ. За ними

Судьба съ невѣдомымъ извѣстьемъ,
Какъ съ запечатаннымъ письмомъ...

Мы, собственно, такъ и не знаемъ, что онъ былъ за человѣкъ. Нѣкоторые бiографы утверждаютъ, будто Рембрандтъ не обладалъ большой культурой. Въ живописи, въ смежныхъ съ ней видахъ искусства, и это возможно. На Колонiальной выставкѣ показывали Анкгорскiй храмъ — настоящее чудо искусства, въ своемъ родѣ стоящее Парижскаго Собора Божьей Матери. Кто его создалъ? Дикари, — или, во всякомъ случаѣ, люди, которыхъ мы привыкли считать дикарями.

Рембрандтъ наименѣе голландскiй изъ всѣхъ голландскихъ художниковъ. Вѣдь классическая голланд-

ская живопись, при всей своей правдивости, нѣсколько веселѣе, чѣмъ жизнь, — какъ классическая итальянская живопись нѣсколько красивѣе, чѣмъ жизнь, и даже гораздо красивѣе. Въ этомъ смыслѣ, Рембрандтъ — первый вполнѣ честный человѣкъ въ исторіи искусства, первый, не злоупотреблявшій красотою: онъ убавилъ красоты и въ природѣ, и въ людяхъ. Премированныя красавицы, древнія и не древнія, въ его изображеніи не выиграли. Въ Гаагскомъ Музеѣ виситъ его изумительный «Саулъ», — кто до Рембрандта рѣшился бы на такой картинѣ изобразить Давида рыжимъ некрасивымъ человѣкомъ? Кто прибавилъ бы легкое (еле замѣтное) самолюбованіе Гомеру, — въ немъ Рембрандтъ показалъ не только генія, но и «литератора». Такъ онъ писалъ и портреты своихъ заказчиковъ. Вѣроятно, поэтому онъ и умеръ на соломѣ. «Онъ видитъ въ сюжетѣ лишь мѣщанскую и вульгарную сторону», — говоритъ Лэрессъ. То же самое говорили впослѣдствіи о Гете! «Когда дѣло доходитъ до возвышенныхъ чувствъ, онъ ихъ слегка поливаетъ грязью, чтобы не оставить ничего божественнаго въ человѣческой природѣ», — писалъ объ авторѣ «Фауста» очень близкій ему человѣкъ.

«Міръ великое крушеніе, девизъ людей: спасайся, кто можетъ», говоритъ Вольтеръ. Чѣмъ «спасался» Рембрандтъ, мы не знаемъ. Едва ли одной вѣрой въ свое правдивое искусство. Первое впечатлѣніе отъ его живописи: этотъ человѣкъ органически не можетъ лгать, — онъ пишетъ то, что видитъ. Второе впечатлѣніе: но видитъ онъ и многое такое, чего нормальные

люди не видятъ. На свой основной вопросъ: «а дальше что?» искусство отвѣчаетъ по разному, — отъ старомоднаго отвѣта: «дальше идея», до нынѣшняго (или, быть можетъ, вчерашняго): «дальше ровно ничего». Въ реалистическомъ искусствѣ Рембрандта даже мясная туша — съ тяжелой ирраціональной начинкой.

Изъ жилищъ Декарта въ Голландіи осталось одно.

Это, впрочемъ, не домикъ, а замокъ, — правда, небольшой. Онъ находится въ окрестностяхъ Лейдена и называется Эндегестъ. Стоитъ въ старомъ тѣнистомъ саду, по которому протекаетъ ручеекъ. Изъ башенъ видъ на поля. Садъ, вѣроятно, мало измѣнился съ той поры, когда здѣсь жилъ Декартъ.

Его жизнь мало извѣстна; плохо установлена и хронологія его великихъ открытій. Какія именно изъ идей, вызвавшихъ переворотъ въ математикѣ, въ философіи, въ физикѣ, открывшихъ новые пути десяти наукамъ, зародились въ замкѣ Эндегестъ, — сказать съ точностью трудно. Во всякомъ случаѣ, здѣсь, въ этихъ башняхъ, въ аллеяхъ этого тѣнистаго сада, было то, что современный философъ назвалъ «великимъ побѣднымъ торжествомъ разума на порогѣ новой исторіи». И въ самомъ дѣлѣ Декартъ, — по крайней мѣрѣ, въ этотъ періодъ своей жизни, — твердо вѣрилъ, что разумъ преобразитъ жизнь, что онъ побѣдитъ самую смерть: благодаря успѣхамъ медицины и гигіены, люди будутъ жить долгія сотни лѣтъ.

Я никакъ не думаю, что муниципалитетъ города Лейдена, которому принадлежитъ замокъ Ундегестъ, поставилъ себѣ мудреныя символическія цѣли съ дешевымъ дьявольскимъ оттѣнкомъ: профессія муниципальнаго совѣтника явно не заключаетъ въ себѣ ничего демоническаго. Однако, никакой Мефистофель не могъ бы дать этому замку болѣе изумительное назначеніе:

Въ замкѣ Эндегестъ теперь помѣщается Лейденскій домъ умалишенныхъ!

Въ пріемной докторъ окинулъ меня быстрымъ, хмурымъ, профессіональнымъ взглядомъ: зачѣмъ пожаловалъ? — Въ этотъ домъ рѣдко приходятъ безъ трагедіи: что еще, если не о себѣ, то объ отцѣ, о женѣ, о братѣ разскажетъ новый человѣкъ?

Выслушалъ меня вѣжливо, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, безъ большого любопытства.

— Декартъ? Философъ Декартъ?... Онъ жилъ здѣсь? Не слыхалъ... Вы увѣрены, что онъ жилъ здѣсь?

— Совершенно увѣренъ.

— Никогда не слыхалъ... Очень интересно... Къ сожалѣнію, я не имѣю права впустить васъ безъ разрѣшенія директора. Вамъ придется обратиться къ нему.

Директоръ, извѣстный лейденскій психіатръ Штюрманъ, разрѣшилъ мнѣ осмотрѣть замокъ Эндегестъ. И въ замкѣ едва ли многое измѣнилось со временъ

Декарта. Кабинетъ его былъ, повидимому, въ правой башнѣ: здѣсь теперь помѣщается администрація.

— Во второмъ этажѣ больные, но ихъ тамъ не много. Большая часть помѣщается въ новыхъ корпусахъ въ саду. Докторъ васъ проводитъ.

Въ большой комнатѣ со стариннымъ бревенчатымъ потолкомъ радіоаппаратъ игралъ веселую нѣмецкую пѣсенку. Ее сверху слушали сумасшедшіе. Докторъ съ улыбкой на меня смотрѣлъ.

— Васъ, вѣроятно, интересуетъ беллетристическая сторона дома умалишенныхъ? Этого здѣсь не много. Если хотите, я покажу вамъ королеву...

Корпуса въ саду. Мужчины, женщины, дѣти... Зрѣлище слишкомъ тяжелое для того, чтобы его описывать въ газетѣ. Отчего такъ много сумасшедшихъ въ этой процвѣтающей счастливой странѣ?

Небольшая комната. Десять или двѣнадцать женщинъ въ сѣро-зеленыхъ халатахъ усердно работаютъ за общимъ столомъ. Только одна, не разговаривая съ другими, сидитъ, ничего не дѣлая, на стулѣ въ углу комнаты. Это и есть королева. Полагалось бы сказать, что «въ ея глазахъ бѣгали безумные огоньки». Нѣтъ, никакихъ огоньковъ не было. Сѣдая благообразная женщина. Докторъ поздоровался съ ней, что-то сказалъ обо мнѣ по-голландски и задалъ нѣсколько вопросовъ, переводя тутъ же ея отвѣты. Она отвѣчала очень спокойно, увѣренно, съ большимъ достоинствомъ: да, она королева, ее лишили престола четырнадцать лѣтъ тому назадъ... Каждый ея отвѣтъ вызывалъ бурный взрывъ смѣха у другихъ сумасшедшихъ. Короле-

ва обвела ихъ презрительнымъ взглядомъ, затѣмъ кивнула мнѣ головой и отвернулась.

Вотъ и Рембрандтовскій сюжетъ.

— Вы удовлетворены? — съ той же улыбкой спросилъ докторъ. — Тогда пойдемъ?..

Мы вышли въ садъ. Докторъ, видимо, очень скучая, занималъ меня разговоромъ. «Бабинскій, конечно, замѣчательный человѣкъ. Однако, онъ нѣсколько устарѣлъ.. Фрейдъ? Очень выдающійся писатель»...

Изъ открытыхъ оконъ вдругъ донеслись дикіе отчаянные крики.

— Не безпокойтесь, ничего страшнаго тамъ не происходитъ: это просто кричатъ идіоты... Да, у насъ очень много больныхъ: всего около шестисотъ человѣкъ. Излечимы ли? Есть и излечимые... Большинство, къ несчастью, неизлечимо, несмотря на большой прогрессъ психіатріи. Наука очень быстро идетъ впередъ, — говорилъ докторъ, улыбаясь и ускоряя шаги. Идіоты продолжали выть въ саду Декарта.

ВЪ ШВЕЙЦАРІИ

Говоритъ португальскій делегатъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, Фернандо Аугусто Бранко, еще молодой, очень тоненькій человѣкъ съ огромной жемчужиной въ галстухѣ, съ побѣдоноснымъ выраженіемъ лица. Глава португальской делегаціи въ полномъ восторгѣ отъ всего: отъ «пакта», отъ конференціи, отъ рѣчей другихъ ораторовъ. «Никогда — восклицаетъ онъ, — никогда историческая дискуссія не велась съ большимъ благородствомъ и съ большей широтой взгляда... Талантъ ораторовъ, ихъ авторитетъ, инструкціи ихъ правительствъ, были на высотѣ величія проблемы... Cedant arma togae! Да уступитъ сила закону, таково высокое вожделѣніе народовъ» [1]).

Португальскій министръ говоритъ съ необычайнымъ энтузіазмомъ, но нѣсколько дольше, чѣмъ нужно. Немного вредитъ ему еще и то, что говоритъ онъ на французскомъ языкѣ «самоучителя въ двѣ недѣли» («Ne dites pas: si j'aurais. Dites: si j'avais»). Пока Фернандо Аугусто Бранко читаетъ по бумажкѣ, еще ничего.

[1]) Переводъ вездѣ дословный по оффиціальному тексту.

Но какъ только министръ отъ бумажки оторвется, онъ съ непостижимымъ постоянствомъ начинаетъ говорить «la pacte», «de la pacte», «à la pacte» (жаль, что въ самоучителѣ это не было предусмотрѣно («Ne dites pas: la pacte. Dites: le pacte»). Французская делегацiя слушаетъ хладнокровно, она здѣсь ко всему привыкла.

Министръ категорически заявляетъ (къ общему успокоенiю), что Португалiя рѣшила не вести никакихъ завоевательныхъ войнъ. Это соотвѣтствуетъ и ея историческимъ традицiямъ. «Въ теченiе восьми столѣтiй своей исторiи Португалiя никогда не вооружалась для завоевательныхъ цѣлей. Рыцари, основавшiе наше государство, боролись лишь за его независимость и позднѣе за его территорiю. Отважные мореплаватели нашихъ каравеллъ...»

Отважные мореплаватели португальскихъ каравеллъ не въ состоянiи бороться со скукой, все крѣпче овладѣвающей высокимъ собранiемъ. Во второмъ ряду креселъ сiяетъ радостной улыбкой какой-то долговязый негръ, — не знаю и до сихъ поръ, какую страну онъ представлялъ и что именно такъ его радовало; но свѣтлая улыбка не покидала негра на всѣхъ засѣданiяхъ, на какихъ мнѣ довелось быть. Другiе делегаты вполголоса вяло переговариваются съ сосѣдями. Многiе читаютъ газеты. Въ кiоскѣ, рядомъ съ заломъ, продаются газеты на всѣхъ языкахъ мiра. На делегатскихъ пюпитрахъ все же преобладаютъ свѣжiе номера «Journal de Genève».

Швейцарскiя газеты очень благожелательно отно-

сятся къ конференціи. Онѣ, разумѣются, не могутъ печатать всѣ рѣчи полностью, но изъ каждой воспроизводятъ наиболѣе сильныя мѣста, сопровождая ихъ одобрительными примѣчаніями вродѣ: «Mais oui!» или «On ne saurait mieux dire» или «De longs et unanimes applaudissements saluent ce vibrant appel».

Насчетъ «продолжительныхъ единодушныхъ апплодисментовъ», это не всегда исторически точно. Но, во первыхъ,такъ выходятъ двѣ лишнихъ строки, — надо жить и швейцарскому собрату; а во вторыхъ, масломъ каши не испортишь, — такой сладкой хорошей каши. Рукоплесканія, кстати сказать, разрѣшаются только делегатамъ. Въ ложахъ для дипломатическаго корпуса, для печати, для публики, вездѣ висятъ надписи: «Просятъ не апплодировать».

Глава португальской делегаціи всецѣло присоединяется къ мысли о томъ, что нужно установить предѣлы и для тяжелой артиллеріи, и для супердредноутовъ, и для воздушнаго флота. Португалія готова пойти на всѣ эти ограниченія. Она согласна поддержать соотвѣтственныя предложенія, — разумѣется, если они будутъ приняты и всѣми другими державами.

Затѣмъ Фернандо Аугусто Бранко отмѣчаетъ одно важное обстоятельство, впрочемъ скромно добавивъ, что на это обстоятельство уже до него обратили вниманіе Конференціи и нѣкоторые другіе ораторы: въ мірѣ, оказывается, сейчасъ происходитъ экономическій кризисъ, съ которымъ несомнѣнно связанъ и вопросъ о вооруженіяхъ. Однако Португалія, по рѣшительному заявленію министра, въ міровомъ экономиче-

скомъ кризисѣ совершенно не виновата: напротивъ, она все сдѣлала для того, чтобы смягчить міровой кризисъ. Тутъ министръ иностранныхъ дѣлъ ссылается на дѣятельность своего товарища по правительству, португальскаго министра финансовъ, доктора Оливейра Салазаръ «qui a bien mérité de son pays et de la communauté internationale».

На высокомъ предсѣдательскомъ креслѣ мирно дремлетъ Артуръ Гендерсонъ. Слѣва отъ него что-то рисуетъ на бумажкѣ сэръ Эрикъ Дреммондъ. Во второмъ ряду сіяетъ улыбкой долговязый негръ. Скука въ залѣ принимаетъ истинно-трагическій характеръ; не помогъ и геніальный финансистъ докторъ Оливейра Салазаръ, существованіе котораго «Конференція по сокращенію и ограниченію вооруженій» приняла къ свѣдѣнію безъ бурнаго волненья и безъ страстнаго любопытства. Вопросъ, вѣроятно, занимающій многихъ посторонних людей въ залѣ: «Какъ ему не совѣстно, этому Фернандо Аугусто Бранко?» — не существуетъ для делегатовъ Конференціи по сокращенію и ограниченію вооруженій. Каждый изъ нихъ либо уже сказалъ, либо еще скажетъ приблизительно такую же рѣчь. Степень интереса къ ней будетъ зависѣть главнымъ образомъ отъ военно-политическаго могущества державы делегата.

— ...«Monsieur le Président, Mesdames, Messieurs!..»

Всѣ мгновенно оживляются: такое обращеніе послѣ пятидесяти минутъ рѣчи явно означаетъ близость ея конца. Оно всегда подчеркивается торжественной интонаціей оратора, приступающаго къ вдохновенной

peroraison. Но Фернандо Аугусто Бранко произнесъ заключительное обращеніе еще торжественнѣе, чѣмъ это обычно дѣлаютъ ораторы. Причина выясняется немедленно. Оказывается, главный свой эффектъ португальскій министръ иностранныхъ дѣлъ приберегъ подъ конецъ. Конференцію ждетъ весьма важное и пріятное извѣстіе:

— ... La délégation du Portugal a la satisfaction, en ce moment, de vous annoncer...

Голосъ читающаго по бумажкѣ оратора прерывается отъ радостнаго волненія.

— ... comme gage positif de sa sincérité...

Послѣдняя передышка передъ сенсаціей, — зачѣмъ такъ насъ мучитъ этотъ жестокій человѣкъ?

— ... que le Gouvernement de la République Portugaise a décidé de donner son adhésion à l'Acte général d'arbitrage!»

Рукоплесканія. Ораторъ сходитъ съ трибуны съ видомъ Наполеона, отказавшагося отъ міровой власти ради всеобщаго примиренія народовъ. Возвращаясь на свое мѣсто, онъ, по классическому выраженію, «принимаетъ поздравленія своихъ друзей».

Изъ-за бархатной коричневой портьеры торопливо входитъ въ залъ Андре Тардье. Онъ опоздалъ на засѣданіе и пропустилъ рѣчь оратора. Можетъ быть, ему еще не извѣстно, что Португалія согласилась присоединиться къ всеобщему договору объ арбитражѣ! Можетъ быть, онъ даже не знаетъ, къ кому именно относятся рукоплесканья Конференціи. Это

ничего не значитъ: Тардье разсѣянно, на ходу, присоединяется къ апплодисментамъ высокаго собранія, — здѣсь никогда не мѣшаетъ похлопать.

Похлопавъ, французскій министръ, такъ же на ходу, любезно здоровается съ другими делегатами, — повидимому, говоритъ каждому что-то очень пріятное: о погодѣ? о державѣ делегата? объ его вчерашней блестящей рѣчи? У послѣдняго стола — между двумя дипломатическими ложами — Литвиновъ снисходительно протягиваетъ руку. На лицѣ Андре Тардье появляется его автоматическая привѣтливая улыбка. Онъ пожимаетъ руку народному комиссару и, не сказавъ ни слова, торопливо проходитъ дальше.

По моимъ наблюденіямъ (быть можетъ, кое-въ чемъ и ошибочнымъ, хотя я проводилъ въ залѣ долгіе часы), члены Конференціи могутъ быть раздѣлены на три разряда: одни съ большевиками не здороваются (небольшое меньшинство, во главѣ съ американцами), другіе сдержанно-учтивы, третьи разсыпаются въ любезностяхъ. Не приходится судить по этому признаку о государственномъ строѣ страны или о политическихъ убѣжденіяхъ делегата. Такъ, напримѣръ, весьма холодны венгры, — вѣроятно, пріятное воспоминаніе, оставленное у графа Аппоньи Бэлой Куномъ, сильнѣе всякихъ политическихъ соображеній. Зато чрезвычайно, прямо на диво, любезны итальянцы. Съ итальянскими фашистами въ проявленіяхъ симпатій къ большевикамъ могутъ поспорить только германскіе антифашисты. Изъ англичанъ Гендерсонъ ведетъ себя до-

вольно сдержанно — вродѣ Тардье. А столпъ Національнаго правительства сэръ Джонъ Саймонъ, говорятъ (я при этомъ не былъ), послѣ рѣчи Литвинова подошелъ къ народному комиссару и демонстративно пожалъ ему руку, — вѣроятно, эта умная демонстрація относилась къ идеѣ разоруженія...

Рѣчь португальскаго делегата была первая, которую я слышалъ въ Женевѣ. Нѣкоторые другіе ораторы говорили потомъ много лучше. Но большинство говорило точно такъ же. О формѣ и упоминать незачѣмъ. Хорошій тонъ здѣсь требуетъ цвѣтистости. Очень приняты латинскія цитаты. Одинъ знаетъ: cedant arma togae, другой: vae victis, третій: non multa sed multum, четвертый: homo sum et nihil humani...

Оффиціальный оптимизмъ, пышная словесность, — все это, конечно, безобидно. Но своей словесностью эти люди сами себя загипнотизировали. Они хотѣли вызвать въ мірѣ симпатію къ своему учрежденію — и сами влюбились въ себя безъ памяти. Теперь ихъ любовнымъ изліяніямъ аккомпанируютъ шанхайскія пушки. Это ничего не измѣнило. Они все-таки «на высотѣ величія проблемы».

Новый ораторъ радостно излагаетъ исторію вопроса. Первая конференція по занимающему насъ вопросу состоялась въ Гаагѣ въ 1899 году. Вторая конференція по занимающему насъ вопросу состоялась въ Гаагѣ въ 1907 году. Третья конференція по занимающе-

му насъ вопросу должна была состояться въ 1915 году, но не состоялась...

Дѣйствительно, въ 1915 году было неудобно созывать конференцію по сокращенію и ограниченію вооруженій.

Хоть бы онъ поперхнулся на этомъ мѣстѣ рѣчи! Нѣтъ, его лицо сіяетъ.

Незачѣмъ вспоминать прошлое. «До войны» — это теперь значитъ приблизительно то же, что «до потопа». Нѣкоторое уныніе могъ бы вызвать и балансъ самой Лиги. Такіе балансы на собраніяхъ акціонеровъ секретарь обычно оглашаетъ скороговоркой, со смущеннымъ видомъ и безъ латинскихъ цитатъ.

Что до сихъ поръ удалось Лигѣ Націй? Да собственно ничего не удалось. Либо она склонялась передъ силой, даже довольно относительной (какъ въ польско-литовскомъ спорѣ о Вильнѣ). Либо она, по разнымъ соображеніямъ, выносила явно-нелѣпое и опасное рѣшеніе (какъ въ Мемельскомъ вопросѣ). Либо она вообще не могла принять спора на разсмотрѣніе (какъ въ дѣлѣ о Кареліи). Либо отъ нея споръ уходилъ въ другую инстанцію (какъ при столкновеніи Боливіи съ Парагваемъ). Либо ея услуги любезно отклонялись одной изъ сторонъ (какъ при столкновеніи Италіи съ Греціей). Либо, наконецъ, она въ болѣе или менѣе пристойной формѣ, по возможности незамѣтно, хоронила дѣло (какъ объ этомъ могли бы разсказать разныя «меньшинства»). Удавались Лигѣ Націй дѣла совершенно невинныя (напримѣръ, «оп-

тантскіе» споры, да и то не всѣ), или же такія дѣла, которыя въ прежнія времена были бы тотчасъ прекращены, а, можетъ быть, и предотвращены, великими державами (какъ греко-болгарское столкновеніе 1925 года).

Событія на Дальнемъ Востокѣ поставили надъ этимъ «і» ярко-кровавую точку. Если-бъ Японія нарочно поставила себѣ цѣлью насмѣяться надъ «Ковенантомъ», она не могла бы дѣйствовать иначе, чѣмъ дѣйствовала. Японскія войска вторглись въ Манчжурію въ то самое время, когда въ Женевѣ засѣдали и общее собраніе, и Совѣтъ Лиги Націй. Общее собраніе благополучно разошлось, Совѣтъ съ грознымъ видомъ отсрочилъ свою сессію: надо дать время одуматься нарушителямъ Ковенанта. Потомъ Совѣтъ собрался снова и еще грознѣе назначилъ Японіи срокъ для эвакуаціи занятыхъ ею частей Манчжуріи. Японія заняла всю остальную Манчжурію какъ разъ къ этому сроку. Совѣтъ собрался въ третій разъ, и, сдѣлавъ видъ, что никакого срока не назначалъ, постановилъ, для выясненія характера событій, послать въ Манчжурію особую комиссію. Комиссія еще не успѣла завѣрить Совѣтъ въ томъ, что Манчжурія дѣйствительно занята японцами (что собственно она могла бы сообщить еще?), какъ японцы высадились и въ Шанхаѣ. Совѣтъ собрался въ четвертый разъ и рѣшилъ, для выясненія характера событій, подождать изъ Шанхая доклада другой комиссіи, образованной на мѣстахъ. На послѣднемъ — истинно-трагическомъ — засѣданіи Совѣта Лиги Націй, на которомъ я присутство-

валъ, рѣчь уже шла только о томъ, какъ бы добиться продленія ультиматума, предъявленнаго Японіей не Китаю — Боже избави! — а командованію 19-ой китайской арміи. Но ультиматумъ не былъ отсроченъ даже на четверть часа.

«Просятъ не апплодировать».

Смѣяться грѣхъ, но отчего же не сказать правду? Очень многіе изъ насъ вѣрили въ идею президента Вильсона. Идея остается прекрасной, — ради нея, ради принципа, ради будущаго и теперь имѣетъ смыслъ поддерживать фикцію, съ большой затратой труда, времени, денегъ. Клубъ, расположенный на берегу Лемана, самый дорогой клубъ въ мірѣ, — одни членскіе взносы составляютъ 125 милліоновъ франковъ въ годъ. Не надо съ благоговѣйнымъ видомъ смотрѣть на матчъ политическаго пингъ-понга. Клубъ слѣдуетъ называть клубомъ, а школу лицемѣрія школой лицемѣрія. Женевскій король голъ, — этого не скроешь даже затрачивая ежегодно сотни милліоновъ на разные фиговые листочки. Лига Націй не вода на чью-то мельницу, хорошую или плохую. Это вода безъ всякой мельницы. Слушая торжественные женевскіе дебаты, я испытывалъ чувство, которое всѣхъ насъ, вѣроятно, тяготитъ на разныхъ эмигрантскихъ собраніяхъ: за этимъ ничего нѣтъ. Есть, конечно, и существенная разница. На эмигрантскихъ собраніяхъ, по общему правилу, каждый говоритъ то, что думаетъ. А изъ Женевскаго «Bâtiment Electoral» я выходилъ съ тягостнымъ созна-

ніемъ, что въ теченіе трехъ часовъ слушалъ рѣчи, въ которыхъ не было ни одного слова правды.

Лига Націй — то, чѣмъ ее сдѣлали державы, входящія въ ея составъ. Правительства этихъ державъ никакъ не вправѣ на нее жаловаться: «націи» имѣютъ ту Лигу, которой заслуживаютъ. И если «духъ мѣста» здѣсь хуже, чѣмъ въ министерствахъ и посольствахъ многихъ современныхъ государствъ, то это объясняется просто: въ министерствахъ не говорятъ о добродѣтели или, во всякомъ случаѣ, говорятъ о ней гораздо меньше. Къ нимъ и требованья другія.

Знамена арміи, находящейся подъ командой сэра Эрика Дреммонда, намъ извѣстны. Извѣстна и ея словесность. Но духъ? Боюсь «мелкаго, вульгарнаго подхода», и все-же какъ могу я не чувствовать, что надъ этимъ учрежденіемъ носится легкій запахъ казеннаго пирога? По словесности Лиги, цинизмъ, навѣрное, разсматривается какъ злѣйшій внутренній врагъ, — лишь бы этотъ внутренній врагъ не погубилъ Лигу Націй! Всякія могутъ быть соображенія о психологіи тѣхъ ея дѣятелей, которые пять, шесть, десять лѣтъ получаютъ огромныя деньги за свои женевскіе труды, за этотъ торжественный культъ пустословія.

Если-бъ Лига Націй не существовала, сэръ Эрикъ Дреммондъ былъ бы теперь, вѣроятно, англійскимъ посланникомъ гдѣ-нибудь въ Гватемалѣ, и его рѣшительно никто не зналъ бы на свѣтѣ. Теперь онъ міровая знаменитость. Женевская арена создаетъ международную извѣстность. У каждаго министра ино-

странныхъ дѣлъ есть сейчасъ два поприща и двѣ карьеры: у себя дома и въ Женевѣ. Женевское производство быстрѣе мѣстнаго, но и оно требуетъ выслуги лѣтъ.

Добавлю, что нигдѣ не платятъ такихъ жалованій, какъ въ многочисленныхъ учрежденіяхъ Лиги Націй. Появилась новая порода международныхъ карьеристовъ мира, бросившихся послѣ войны въ Женеву и въ Гаагу, какъ прежде предпріимчивые люди бросались въ Трансвааль или Клондайкъ. Самое выгодное это быть финансовымъ экспертомъ Лиги по тѣмъ займамъ, которые она устраиваетъ бѣднымъ государствамъ, вродѣ Австріи. О жалованьяхъ и доходахъ этихъ комиссіонеровъ пацифизма въ «кулуарахъ» Лиги Націй ходятъ удивительные разсказы. Займы, устроенные Лигой, (т. е. съ ея благословенія размѣщенные тѣми же банкирами, которые устраиваютъ и всякіе другіе займы), очень дорого обошлись странамъ, не имѣющимъ возможности безъ нихъ обходиться.

Въ частномъ порядкѣ — жалованья. Въ междугосударственномъ — займы. Многія страны горячо поддерживаютъ проектъ Тардье. Но за женевскую поддержку представляется счетъ въ Парижѣ. На Quai d'Orsay платятъ. Въ «Palais-Bourbon» рвутъ на себѣ волосы.

Да можетъ быть, такъ всегда было? По всей вѣроятности. На Вѣнскомъ, на Берлинскомъ конгрессахъ, вмѣсто пиджаковъ, были раззолоченные мундиры. Въ Женевѣ нѣтъ ни Таллейрана, ни Бисмарка. Но сред-

ній уровень, и умственный, и моральный, здѣсь не ниже и не выше.

Выше стали только наши требованія. Слишкомъ много обѣщаній и векселей было выдано. Слишкомъ дорого по нимъ заплачено.

Завтракъ въ честь венгерскаго делегата графа Альберта Аппоньи. Онъ на исходѣ девятаго десятка, и считается патріархомъ Лиги Націй. Это одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ ея людей, и любятъ его здѣсь чрезвычайно: все способствуетъ популярности Аппоньи, — отъ ораторскаго таланта до звучнаго имени и осанистой наружности. Ораторъ онъ дѣйствительно прекрасный, притомъ на разныхъ языкахъ: произносилъ въ Женевѣ рѣчи по-французски, по-англійски, по-нѣмецки и даже по-латыни: въ пору молодости графа, въ его кругу умѣнье разговаривать на латинскомъ языкѣ было обязательнымъ. На этотъ разъ застольную рѣчь Аппоньи сказалъ по-англійски, — въ публикѣ преобладали англичане и американцы. Не заглядывая въ бумажку, говорилъ гладко, изящно, непринужденно. Не глядя на часы, говорилъ пятнадцать минутъ, — ровно столько, сколько было нужно; однако ясно чувствовалось, что если-бъ нужно было говорить экспромтомъ два часа, то это нисколько не затруднило бы графа Аппоньи. Сколько тысячъ застольныхъ рѣчей онъ произнесъ въ жизни?

Говорилъ — ни о чемъ: о томъ, какая прекрасная вещь миръ, о томъ, какая ужасная вещь война. Вскользь сослался на свой жизненный опытъ: онъ

помнитъ три царствованья. Если принять во вниманіе, что одинъ Францъ-Іосифъ царствовалъ шестьдесятъ восемь лѣтъ... Жаль, что о своемъ жизненномъ опытѣ этотъ глубокій старикъ говорилъ вскользь и въ тонѣ застольной рѣчи. Онъ родился при князѣ Меттернихѣ, прошелъ черезъ Бэлу Куна и пришелъ къ адмиралу Хорти. «Вѣчныя возвращенія исторіи», злополучные «періоды» Вико? Какія ужъ тутъ вѣчныя возвращенія! Альбертъ Аппоньи выросъ въ традиціяхъ Священной Римской Имперіи: теперь онъ, черезъ Лигу Націй, выпрашиваетъ грошевые займы для остатковъ своей родины. Онъ самъ — историческое недоразумѣніе. А жизнерадостный видъ его — недоразумѣніе психологическое.

Графъ Аппоньи послѣдній ученикъ Монталамбера. Съ Монталамберомъ его связывали и личная дружба, и общіе политическіе взгляды. Слѣдующій ораторъ, американецъ, назвалъ Аппоньи «апостоломъ правъ угнетенныхъ народовъ». Это ужъ такъ принято въ Женевѣ. Собственно, здѣсь тоже недоразумѣніе — біографическое; бывшіе угнетенные народы бывшей имперіи Франца-Іосифа вспоминаютъ о бывшемъ министрѣ Альбертѣ Аппоньи съ чувствами, отъ благодарности весьма далекими. Но онъ самъ справедливо сказалъ, что многому научился у исторіи. Если такъ подробно входить въ біографіи всѣхъ дѣятелей Лиги Націй, что же это будетъ? Въ числѣ многихъ другихъ своихъ обликовъ, Лига еще служитъ нѣкоторымъ подобіемъ политическаго монастыря, гдѣ замаливаютъ свои грѣхи разные государственные дѣятели міра.

Послѣ завтрака, внизу, одинъ изъ распорядителей клуба, предлагаетъ карточку: приглашеніе на слѣдующій завтракъ.

— Въ субботу, въ часъ дня... Будемъ очень рады.

Завтракъ, оказывается, въ честь Литвинова! Отказъ отъ любезнаго приглашенія, видимо, огорчаетъ распорядителя: какъ можно быть такимъ нетерпимымъ?

— О, да, конечно! — говоритъ ему по-англійски старая дама въ мѣхахъ. — Но нельзя ли мнѣ также получить карточку для моей дочери?..

Видъ у нея встревоженный: вдругъ ея дочери нельзя будетъ чествовать Литвинова?..

Недавно гдѣ-то появился рисунокъ талантливаго французскаго каррикатуриста: «кто что читаетъ?» На рисункѣ была изображена маркиза, — передъ ней лежалъ романъ Карко, изъ быта парижскихъ апашей. Рядомъ художникъ изобразилъ апаша, — онъ читалъ романъ Поля Бурже, описывающій жизнь маркизовъ. Это не только остроумно, но и вѣрно. «Будущій историкъ» (ужъ такъ принято ссылаться на будущаго историка), вѣроятно, остановится на вопросѣ, почему въ тридцатыхъ годахъ нашего вѣка такъ потянуло къ Литвиновымъ всевозможныхъ маркизъ, — и желѣзнодорожныхъ, и хлопчатобумажныхъ, и нефтяныхъ, и самыхъ настоящихъ. Хватитъ ли только у историка чутья для того, чтобы не искать глубокихъ причинъ у одного изъ наиболѣе комическихъ проявленій глупости въ ея чистомъ, неумирающемъ видѣ?

Путеводитель предписываетъ: изъ Женевы съѣздить въ Ферней, — всего двадцать минутъ въ трамваѣ, и вы увидите домъ, въ которомъ Вольтеръ прожилъ долгіе годы. Я поѣхалъ — и не увидѣлъ дома Вольтера. Ферней послѣ войны перешелъ къ нѣкоему мосье X. Онъ не считаетъ нужнымъ показывать домъ посѣтителямъ и даже, по слухамъ, производитъ тамъ какія-то передѣлки. Это общественный скандалъ, но право собственности священно. Спрашиваю въ деревенской кофейнѣ, кто такой мосье X. Оказывается, очень гордый человѣкъ, «заработалъ» во время войны огромное состояніе, и на свои кровныя (именно кровныя) деньги пріобрѣлъ Ферней. Это не домъ Вольтера, это его домъ. И посѣтители, сворачивающіе съ большой дороги на узкую аллею № 28, ведущую къ двухъэтажному бѣлому зданію, — въ концѣ ея, у воротъ сада, натыкаются на то, что Эдуардъ Эрріо назвалъ «le mur d'argent». Оборванный садовникъ, представляющій власть денегъ, непреклонно отвѣчаетъ: «Мосье X. не разрѣшаетъ осматривать усадьбу».

Хорошо, что я ее видѣлъ лѣтъ двадцать тому назадъ, когда она еще принадлежала болѣе культурнымъ людямъ. За эти страшные годы у каждаго изъ насъ прошла жизнь; открылись новыя главы въ безсвязномъ и безтолковомъ авантюрномъ романѣ исторіи. Съ каждой новой главою мѣняется и отношеніе къ великимъ людямъ.

Это былъ, конечно, очень большой человѣкъ. Если теперь писательское званіе пользуется уваженіемъ, — по крайней мѣрѣ, въ теоріи, — то этимъ мы, прежде

всего, обязаны Вольтеру. Онъ былъ первымъ писателемъ, на котораго снизу вверхъ смотрѣли владѣтельныя особы, притомъ нисколько не «вольтерьянцы» (вѣдь и владѣтельный мосье X. купилъ Ферней, все таки, изъ-за него). Но это такъ, къ слову. Къ слову и то, что понятіе «вольтерьянства» было очень сложнымъ и по разному преломлялось въ умахъ Фридриха и Скалозуба. Время, какъ ему полагается, должно было бы «отбросить преходящее и оставить вѣчное». Оно задачи не выполнило и отбросило все. Этотъ геніальный упроститель сложнаго былъ раздавленъ. Не туда пошла исторія; едва ли она еще когда-либо свернетъ по аллеѣ № 28, по направленію къ Меккѣ политическаго раціонализма.

А вотъ нынѣшнимъ международнымъ гостямъ Женевы заглянуть въ Ферней не мѣшало бы: здѣсь когда-то преподавался «un petit cours de sens-communologie».

За рѣшеткой часовня со знаменитой надписью «Deo erexit Voltaire». Домъ немного напоминаетъ яснополянскій. Только Ясная Поляна, насколько я ее помню, гораздо красивѣе Фернея. У Вольтера не было ни чувства красоты, ни любви къ ней. Окрестности Женевы знамениты на весь міръ, жили здѣсь или бывали извѣстнѣйшіе люди Европы (было бы интересно прослѣдить, — кто что предпочиталъ на берегахъ Лемана). Вольтеръ былъ очень богатъ и могъ купить имѣніе, гдѣ угодно. Онъ выбралъ Ферней, разбилъ этотъ некрасивый, печальный садъ. Быть можетъ, ему нравился мрачный Фернейскій пейзажъ: старику было не такъ

весело, со всей его вѣрой въ побѣдное торжество разума. О прочности этой вѣры тоже можно было бы сказать многое.

У Вольтера, кстати сказать, есть нѣсколько злыхъ страницъ и по тому вопросу, который сейчасъ волнуетъ Женевскую Конференцію. По чистой случайности, эти давно забытыя страницы имѣютъ забавно-злободневную форму. Въ 1761 году Жанъ-Жакъ Руссо выступилъ съ проектомъ вѣчнаго мира, основаннымъ на извѣстномъ трудѣ аббата Сенъ-Пьера. Вольтеръ терпѣть не могъ Руссо, Сенъ-Пьеръ былъ католикъ, проектъ дышалъ сантиментальнымъ оптимизмомъ, — въ совокупности, этого было достаточно для того, чтобы старикъ пришелъ въ ярость, несмотря на вѣру въ торжество разума. Вѣчный всеобщій миръ! Какой вѣчный всеобщій миръ, когда въ Европѣ тысячи причинъ и поводовъ для всевозможныхъ войнъ? А если даже удастся установить миръ въ Европѣ, то вѣдь есть и другія части свѣта, есть цѣлые континенты, населенные дикими людьми. Такую глупость могъ написать только Жанъ-Жакъ! Одно изъ писемъ Вольтера, въ непристойной формѣ, свидѣтельствуетъ объ его бѣшенствѣ. Безъ труда можно себѣ представить, какъ онъ, въ день полученія брошюры Руссо, поднялся въ комнату второго этажа, гдѣ обычно работалъ, сѣлъ, предвкушая удовольствіе, въ высокое кресло, крытое зеленымъ бархатомъ, надѣлъ бѣлую шелковую ермолку и заварилъ кофе, — ежедневно выпивалъ будто бы

пятьдесятъ чашекъ («кофе, конечно, ядъ, но, повидимому, очень медленно дѣйствующій», — съ улыбкой говорилъ на 99-мъ году жизни Фонтенелль, также злоупотреблявшій кофе до послѣднихъ своихъ дней). Вольтеръ написалъ «Рескриптъ китайскаго императора по случаю проекта вѣчнаго мира» [1]). Выданъ этотъ рескриптъ, естественно, Жанъ-Жаку Руссо, «въ Пекинѣ, 1-го числа мѣсяца Хи-Хана, въ годъ отъ основанія нашего дома 1898436500-ый». — «Мы внимательно прочли», — пишетъ китайскій императоръ, — «трудъ возлюбленнаго нашего Жанъ-Жака... И очень горько было намъ убѣдиться, что, излагая легчайшіе способы подарить Европѣ вѣчный миръ, возлюбленный нашъ Жанъ-Жакъ позабылъ о существованіи другихъ частей свѣта... Велико было наше императорское изумленіе отъ того, что не нашли мы себя въ его проектѣ... Незаслуженно обидно и то, что въ міровой конфедераціи позабыта Японія». Перечисляя, все въ формѣ рескрипта, возможности новыхъ войнъ и въ Европѣ, и въ другихъ частяхъ свѣта, Вольтеръ грустно высказываетъ предположеніе, что «ces petites combinaisons pourraient déranger la paix perpétuelle». Со всѣмъ тѣмъ, китайскій императоръ не отчаивается въ вѣчномъ мирѣ и предлагаетъ, для его осуществленія, созвать въ Женевской республикѣ общеміровой парламентъ, избрать первымъ предсѣдателемъ возлюбленнаго нашего Жанъ-Жака, затѣмъ запретить всѣмъ правителямъ какія бы то ни было ссоры и войны, — а нарушителей мира наказывать чтеніемъ трудовъ перваго предсѣдателя.

[1]) Oeuvres de Voltaire (édition Garnier), t. 24, pp. 231-3.

О Женевѣ Вольтеръ здѣсь упомянулъ, конечно, потому, что въ этомъ городѣ родился «нашъ возлюбленный Жанъ-Жакъ» (а, можетъ быть, впрочемъ, и духъ города казался ему подходящимъ для проекта). Но сейчасъ это сочетаніе: Женева — Китай — Японія, пришедшее въ голову старому умницѣ сто семьдесятъ лѣтъ тому назадъ, производитъ не только увеселяющее впечатлѣніе, — особенно если принять во вниманіе, какъ удачно осуществлялся въ теченіе этихъ ста семидесяти лѣтъ проектъ вѣчнаго всеобщаго мира.

Совѣтъ Лиги Націй засѣдаетъ въ томъ зданіи на Набережной Вильсона, которое Лига пріобрѣла за четыре милліона швейцарскихъ франковъ (въ ожиданіи постройки своего новаго дворца въ паркѣ). Это бывшая Національная гостиница. Въ ея номерахъ размѣстились многочисленные комиссіи, отдѣлы и подотдѣлы. Засѣданія же Совѣта происходятъ въ большомъ залѣ, выходящемъ стеклянной стѣной на озеро. Вѣроятно, здѣсь прежде былъ ресторанъ гостиницы. Теперь пристроено новое зданіе для печати, состоящее изъ нѣсколькихъ удобныхъ залъ. Къ нему примыкаетъ прекрасная библіотека, — лучшее изъ всего, что я видѣлъ на Набережной Вильсона. Въ коридорѣ—витрины съ разными достопримѣчательностями: «договоръ дружбы между Афганистаномъ и Персіей (Тегеранъ, 1921 годъ)», «Труды комиссіи Лиги по борьбѣ съ заразными болѣзнями», «Образецъ золотой монеты, ко-

торую Аргентина предлагаетъ ввести въ качествѣ международной денежной единицы», и другія цѣнныя реликвіи.

Къ печати въ Женевѣ относятся въ высшей степени любезно и предупредительно. Къ ея услугамъ, въ зданіи Лиги, почта, телеграфъ, книжный магазинъ, табачная лавка, кофейня со множествомъ газетъ на всѣхъ языкахъ, и т. д. Все устроено по послѣднему слову техники, — отъ металлическихъ креселъ до свѣтовой сигнализаціи. Такъ оно и должно быть: Лигѣ Націй, естественно, соотвѣтствуетъ style moderne, несмотря на почтенный возрастъ ея основныхъ идей.

Этотъ возрастъ можно опредѣлять различно: отъ двухсотъ до двухъ тысячъ лѣтъ. Первый храмъ мира (тоже съ библіотекой, съ музеемъ и пр.) началъ строить императоръ Клавдій. О немъ римскій историкъ говоритъ, что онъ убивалъ людей съ той же легкостью, съ какой собака убиваетъ дичь: «tam facile homines occidebat quam canis excidit». Въ храмѣ Клавдія на Священной дорогѣ стояла статуя богини мира. Ей приносились человѣческія жертвы; но такъ какъ богиня не выносила крови, то жертвы эти убивались далеко, за оградой храма. Клавдій былъ горячій сторонникъ идей мира и разоруженія — какъ Литвиновъ, проектъ котораго такъ поразилъ и увлекъ своей новизной и смѣлостью многихъ членовъ общаго собранія Лиги Націй.

За однимъ изъ столовъ кофейни большевики ведутъ бесѣду съ итальянцами. Бесѣда имѣетъ чрезвычайно дружественный характеръ, — прямо сбылось видѣніе

пророка Исайи: «И корова будетъ пастись съ медвѣдицей, и дѣтеныши ихъ будутъ лежать вмѣстѣ. А грудное дитя положитъ руку на гнѣздо василиска». Идиллія была бы однако еще полнѣе, если-бъ около стола не гуляли беззаботно два человѣка въ синихъ курткахъ. На воротникахъ куртокъ золоченые иниціалы Лиги Націй: S. d. N.; но, безъ всякаго риска ошибиться, можно предположить, что люди въ синихъ курткахъ принадлежатъ къ совершенно иному учрежденію. Такіе же два человѣка, на засѣданіяхъ конференціи по разоруженію, беззаботно гуляли въ коридорѣ, шедшемъ къ столу совѣтской делегаціи. Въ «Bâtiment Electoral» делегатскіе столы размѣщены въ алфавитномъ порядкѣ французскихъ названій странъ. Но, кажется, для большевиковъ былъ произведенъ нѣкоторый нажимъ на алфавитъ: ихъ столъ какъ разъ оказался между двумя дипломатическими ложами, — это, конечно, самое безопасное мѣсто въ залѣ. Въ день выступленія Литвинова, полиція приняла чрезвычайныя мѣры предосторожности. Таковы непріятныя для хозяевъ послѣдствія пріѣзда дорогихъ гостей съ девизомъ «tam facile homines occidebat»...

Участіе большевиковъ въ работахъ конференціи по разоруженію — одинъ изъ самыхъ удивительныхъ парадоксовъ Женевы. Въ вопросѣ объ отношеніи къ войнѣ совѣтская власть занимаетъ позицію — не безпримѣрную, конечно, въ исторіи, но, во всякомъ случаѣ, своеобразную: большевики мучительно боятся быть вовлеченными въ войну, и не менѣе мучительно жаждутъ, чтобы въ войну были вовлечены другіе. Чѣмъ больше, чѣмъ

кровопролитнѣе будетъ чужая война, чѣмъ скорѣе она начнется, тѣмъ, разумѣется, имъ выгоднѣе. Имъ не трудно подписать договоръ Келлога, — всѣ договоры, которые подписываютъ большевики, есть, по существу, обязательства одностороннія: ужъ ихъ-то эти бумажки не связываютъ ни въ какой мѣрѣ. Лишній разъ себя застраховать, хоть бумажкой, не мѣшаетъ, — но, какъ на бѣду, та же бумажка немного страхуетъ и другихъ! Парадоксъ въ томъ, что, въ женевскомъ заклинаніи духовъ, духъ «интервенція противъ Совѣтскаго Союза» заклинается одновременно съ духомъ «европейской имперіалистической войны». Нѣтъ на землѣ полнаго счастья.

Противъ зданія конференціи (съ надписью изъ Руссо на фасадѣ: «Mon père me disait: Jean-Jacques, aime ton pays») расположена кофейня Ландольта, сыгравшая большую роль въ исторіи большевистскаго движенія. Въ теченіе многихъ лѣтъ до войны это была кофейня Ленина. Здѣсь писались геніальныя брошюры, нынѣ зазубриваемыя сотнями тысячъ несчастныхъ «рабфаковцевъ». Здѣсь вырабатывались резолюціи, изъ которыхъ міровыя событія вытравили комическій оттѣнокъ. Здѣсь былъ созданъ волапюкъ, навсегда отравившій Россію. Весь поразительный историческій путь большевиковъ идетъ черезъ эту площадь: отъ дешевой кофейни Ландольта, съ кружкой пива въ кредитъ, къ пышному зданію, гдѣ, по словамъ восторженной газеты, «лучшіе люди всей земли рѣшаютъ теперь ея судьбы».

Если «лучшіе люди всей земли», то какъ же тутъ не быть Литвинову?

Засѣданіе Совѣта Лиги Націй.

Разсматривается японско-китайское столкновеніе.

Японія предъявила ультиматумъ 19-й китайской арміи въ Шанхаѣ. Срокъ ультиматума истекаетъ завтра въ семь часовъ утра по шанхайскому времени, т. е. по женевскому сегодня въ полночь. Теперь четверть шестого. За семь часовъ необходимо добиться результата: нужно выслушать обѣ стороны, дать высказаться всѣмъ членамъ Совѣта и принять рѣшеніе. Потомъ снестись съ японскимъ правительствомъ и японскимъ командованіемъ въ Шанхаѣ.

Если этого не сдѣлать, то къ утру тысячи людей будутъ убиты, изувѣчены, отравлены.

На мрачныхъ уголовныхъ процессахъ рѣчь обычно идетъ объ одной жизни.

Здѣсь и обстановка напоминаетъ судъ.

Надо ли говорить, что настроеніе въ залѣ имѣетъ мало общаго съ тѣмъ, которое было на конференціи по разоруженію. Тамъ плохіе актеры играютъ скучный растянутый фарсъ. Здѣсь разыгрывается самая настоящая трагедія.

Огромный залъ переполненъ до отказа. Люди тихо переговариваются, нервно поглядывая на часы.

Люстры вспыхнули. «Судъ идетъ!»

Бѣдный судъ!

Поль Бонкуръ занимаетъ мѣсто посрединѣ большого стола подковой. На лѣвомъ концѣ подковы са-

дится японскій делегатъ Сато. На правомъ — китаецъ, докторъ Іенъ. Позади каждаго изъ нихъ секретари и эксперты. Совѣтъ Лиги Націй занимаетъ мѣста вдоль стола.

Старый адвокатъ, такъ удивительно напоминающій лицомъ Робеспьера, открываетъ засѣданіе. Онъ произноситъ вступительное слово. Поль-Бонкуръ говоритъ прекрасно, — но его рѣчь отняла десять минутъ изъ тѣхъ семи часовъ, которые осталось жить тысячамъ людей. Затѣмъ рѣчь переводится на англійскій языкъ. Едва ли среди членовъ Совѣта есть люди, не понимающіе по-французски. Но женевскій этикетъ не зависитъ ни отъ какихъ ультиматумовъ: оба языка равноправны.

— Слово принадлежитъ представителю Японіи, — говоритъ по-французски Поль-Бонкуръ.

— Слово принадлежитъ представителю Японіи, — отзывается англійское эхо.

Японскій делегатъ говорилъ вяло, очень медленно, на затрудненномъ французскомъ языкѣ. Но онъ говорилъ д ѣ л о, и это было пріятно послѣ фонтановъ слащавой лжи, бьющей на Конференціи по разоруженію. Сато не говорилъ, что Японія строжайшимъ образомъ соблюдаетъ принципы международнаго права, что договоръ Келлога безусловно ей разрѣшаетъ занять Манчжурію, и что бомбардировка Шанхая вполнѣ согласуется съ ковенантомъ Лиги Націй. Онъ говорилъ, что японцы задыхаются на своихъ крошечныхъ островахъ, что имъ некуда податься, что ихъ не пускаютъ ни въ Соединенные Штаты, ни въ Австралію, что Япо-

нія вложила огромные капиталы въ манчжурскія предпріятія, и что всѣ эти капиталы погибнутъ, если за ними не будетъ стоять внушительная вооруженная сила. Далѣе онъ говорилъ, — правда, намеками, но намеками весьма прозрачными, — что и другія державы поступали и поступаютъ приблизительно такъ же, какъ его страна. Всѣ ли договоры, нынѣ дѣйствующіе въ мірѣ, всецѣло основаны на правѣ? Японія въ мысляхъ не имѣетъ аннексировать Манчжурію; между тѣмъ, нѣкоторыя другія державы твердо обосновались въ колоніяхъ. Китайцы недовольны японцами; но вѣдь, можетъ быть, и въ нѣкоторыхъ колоніяхъ есть люди, недовольные нѣкоторыми державами? Да и въ Шанхаѣ не такъ давно, всего лишь пять лѣтъ тому назадъ, были высажены иностранныя войска, и эти войска не были японскими...

Говорилъ онъ все это неохотно, безъ оживленія, со скучающимъ видомъ, — ясно чувствовалось: ему довольно безразлично, что скажутъ члены Совѣта, и что подумаетъ избранная публика. Эти странные далекіе люди очень просто усвоили завѣтъ отца Руссо: «Jean-Jacque, aime ton pays», но толкуютъ они его для двадцатаго вѣка все же нѣсколько своеобразно. Во всякомъ случаѣ, разговоръ пошелъ на чистоту. Тонъ Сато нѣсколько раздражилъ аудиторію; рѣчь его, вдобавокъ, всѣхъ утомила, онъ ее затянулъ, — быть можетъ, умышленно? Каждое движеніе стрѣлки на большихъ часахъ зала дѣлаетъ это засѣданіе все менѣе нужнымъ, все болѣе безсмысленнымъ. Лордъ Лондондерри, англійскій делегатъ, человѣкъ удивительно невозмутимаго

вида, неподвижно смотритъ на одну точку, гдѣ-то на кремовой портьерѣ, — слова о нѣкоторыхъ державахъ явно относились не къ нему. Пріятно улыбается итальянскій делегатъ. Поль-Бонкуръ устало слушаетъ, опустивъ на руки голову. Американскіе журналисты, не отрываясь, съ удивительной быстротой пишутъ на телеграфныхъ бланкахъ, — каждыя двѣ-три минуты въ залъ на цыпочкахъ входитъ служитель и получаетъ у нихъ бланки: женевскій телеграфъ заработаетъ въ этотъ день не одну сотню тысячъ.

На другомъ концѣ стола китайскій делегатъ, докторъ Іенъ, внимательно слушаетъ Сато, приложивъ руку къ уху. Его лицо ничего не выражаетъ. Но со стула позади Іена на японца уставился огромный китаецъ страшнаго вида, — на него просто тяжело смотрѣть: такое выраженіе нескрываемой, жгучей ненависти запечатлѣлось на этомъ страшномъ лицѣ...

Японскій делегатъ какъ разъ переходитъ къ Китаю. Онъ доказываетъ, что страна, въ которой продажные генералы десятилѣтіями ведутъ гражданскую войну, не можетъ быть приравниваема къ другимъ государствамъ. Японія не разъ пыталась установить добрыя отношенія съ китайскими правителями, въ частности съ Чангъ-Со- Линомъ, но изъ этого, къ сожалѣнію, никогда ничего не выходило. Она и теперь готова прекратить военныя дѣйствія въ шанхайскомъ округѣ, если только командованіе 19-ой арміи отведетъ войска отъ города на разстояніе въ двадцать километровъ. Здѣсь, наконецъ, въ заключеніе своей рѣчи, Сато впервые упомянулъ объ ультиматумѣ. Но сказалъ онъ объ этомъ

ровно два слова и притомъ такъ, что ничего толкомъ понять было нельзя.

Легкій гулъ раздраженныхъ голосовъ поднялся въ залѣ. Поль-Бонкуръ устало прикоснулся къ звонку.

— Слово принадлежитъ представителю Китая.

Китайскій делегатъ откинулся на спинку кресла и заговорилъ.

И вдругъ, несмотря на общее утомленіе, съ первыхъ же его словъ стало ясно, что надо слушать, что передъ нами замѣчательный ораторъ, подлинный ораторъ милостью Божьей. Въ залѣ мгновенно установилась мертвая тишина.

Онъ говорилъ по-англійски, на превосходномъ англійскомъ языкѣ, ни разу, ни на секунду не запнувшись. Отвѣчая по пунктамъ своему противнику, докторъ Іенъ, конечно, импровизировалъ: онъ никакъ не могъ предвидѣть, что именно скажетъ Сато. Однако, въ рѣчи его, продолжавшейся двадцать пять минутъ, не было ни одного лишняго слова: каждая фраза, съ безукоризненной точностью, била въ цѣль. Онъ не только не оралъ, какъ орутъ, срывая апплодисменты европейскіе народные трибуны, — онъ говорилъ не громко, но каждое его слово было отчетливо слышно во всѣхъ концахъ большого зала. Лишь самые лучшіе изъ ораторовъ могутъ себѣ позволить роскошь подобной рѣчи, — такъ Шаляпинъ поетъ безъ тремоло и безъ фермато. Чувствовалось, что, импровизируя на чужомъ языкѣ, этотъ китаецъ съ одинаковымъ совершенствомъ владѣетъ и мыслью, и голосомъ, и интонаціей. Іенъ не кричалъ, а только чуть-чуть повы-

шалъ голосъ въ курсивныхъ мѣстахъ рѣчи; онъ не стучалъ кулакомъ по столу, а только изрѣдка вдругъ отрывался отъ спинки кресла, и, наклонившись впередъ, опустивъ руки на столъ, съ усмѣшкой, замолкая, вглядывался въ Сато. Впечатлѣніе было неотразимое. «Кто такой? что за человѣкъ?» — спрашивали потомъ въ публикѣ. Китайскіе журналисты, сіяя, объясняли, что отъ этого человѣка очень многаго ждутъ въ Китаѣ (хоть Іенъ не молодъ: ему на видъ лѣтъ 55). «Нашъ новый Сунъ-Ятъ-Сенъ!» — сказалъ съ восторгомъ кто-то изъ делегаціи. Ужъ не знаю, такъ ли это, но я неожиданно услышалъ въ Женевѣ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ политическихъ рѣчей, какія мнѣ когда-либо приходилось слышать.

Ея содержанія я излагать не буду, — это заняло бы слишкомъ много мѣста. Скажу только, что вся рѣчь китайскаго делегата представляла собой обвинительный актъ противъ Японіи, и что въ выраженіяхъ онъ совершенно не стѣснялся: дѣло, повторяю, пошло на чистоту. — «Анархія въ Китаѣ?» — говорилъ въ концѣ рѣчи Іенъ. — «Да кто же ее поддерживаетъ и раздуваетъ нарочно, если не вы? Наши генералы продажны? Да, къ несчастью, многіе изъ нихъ продажны. Но вѣдь это вы ихъ подкупаете именно для того, чтобы помѣшать возстановленію у насъ порядка! Чангъ-Со-Линъ?.. Ради Бога!» — сказалъ онъ, вдругъ припавъ къ столу и вытянувъ впередъ руку, — «ради Бога, не ссылайтесь на Чангъ-Со-Лина, онъ былъ моимъ другомъ. Въ свою роковую минуту Чангъ-Со-Линъ продался вамъ, какъ многіе другіе. Но потомъ въ немъ заго-

ворила совѣсть, и тогда», — не сказалъ, а какъ-то прошипѣлъ Іенъ, — «тогда вы подослали къ нему убійцъ».

Я думаю, этотъ крытый сукномъ дипломатическій столъ подковой никогда подобныхъ словъ не слыхалъ. Вѣроятно, никогда ихъ не слыхали и сидѣвшіе за столомъ послы и министры. Въ залѣ произошло то, что въ парламентскихъ отчетахъ принято называть «движеніемъ». Поль-Бонкуръ нерѣшительно протянулъ руку къ звонку — и не позвонилъ. Элегантный японскій делегатъ поблѣднѣлъ. Что-то пробѣжало даже на лицѣ маркиза Лондондерри. Страшный китаецъ позади Іена дернулся на мѣстѣ. Я не знаю, правду ли говоритъ Іенъ. Но бѣшеная ненависть, связывающая сотни милліоновъ этихъ непонятныхъ намъ, таинственныхъ людей, вдругъ сказалась съ потрясающей силой.

Нѣтъ, дѣло вѣчнаго всеобщаго мира нельзя считать совершенно обезпеченнымъ и послѣ этой конференціи.

Еще краткій обмѣнъ репликъ, нѣчто вродѣ послѣдняго слова. Китайскій делегатъ тѣмъ же шипящимъ голосомъ спрашиваетъ: срокъ ультиматума истекаетъ черезъ четыре часа, — что намѣренъ сдѣлать Совѣтъ Лиги Націй?

Поль-Бонкуръ заговорилъ. Разумѣется, онъ опять говорилъ прекрасно, разсыпаясь въ любезностяхъ и въ то же время мягко, чрезвычайно мягко, упрекая въ равной мѣрѣ обѣ высокія стороны: мягкій упрекъ одной сторонѣ еще смягчался отъ мягкаго упрека другой сторонѣ, — ахъ, было бы такъ хорошо, если бы обѣ высокія стороны помирились? Или если-бъ одна

изъ сторонъ, по крайней мѣрѣ, продлила срокъ ультиматума другой?..

Потомъ эту рѣчь перевели на англійскій языкъ. Потомъ къ словамъ предсѣдателя присоединились поочередно представители Англіи, Италіи, Германіи, Испаніи, Гватемалы, Польши, Норвегіи, Югославіи, Перу, Ирландіи и Панамы, — никто не отказался отъ слова, и всѣ рѣчи были переведены. Потомъ Поль-Бонкуръ прочелъ проектъ резолюціи. Совѣтъ Лиги Націй постановляетъ созвать общее собраніе. Оно будетъ созвано черезъ десять дней. Но ультиматумъ истекаетъ сегодня въ полночь! Что же можетъ сдѣлать Совѣтъ? Онъ надѣется, онъ проситъ, онъ приглашаетъ обѣ стороны, — «приглашаетъ принять мѣры къ тому, чтобы генеральному секретарю Лиги были вручены, для сообщенія общему собранію, записки объ ихъ требованіяхъ, съ приложеніемъ обоснованныхъ фактовъ и оправдательныхъ документовъ» [1]). Ко дню созыва общаго собранія могутъ появиться еще кое-какіе faits pertinents, — нѣсколько тысячъ убитыхъ людей [2]), — вотъ только кто выдастъ на нихъ «оправдательные документы»? Да что же можетъ сдѣлать Совѣтъ? Притомъ все это происходитъ очень далеко.

---

[1]) «Invite les parties au différent à faire toute diligence pour commmuniquer au secrétaire général, à l'usage de l'assemblée, l'exposé de leur cause avec tous faits pertinents et pièces justificatives», — только адвокатъ могъ написать такую резолюцію.

[2]) Число погибшихъ за это время у Шанхая исчисляется различно, отъ 2.000 до 7.000 человѣкъ.

Богиня мира не выноситъ крови. Жертвы убиваются за оградой храма.

Резолюція принимается единогласно. Уже очень поздно. Члены Совѣта идутъ обѣдать. Бой въ Шанхаѣ начнется къ дессерту.

А выводы?

Я во всей этой книгѣ излагаю только свои впечатлѣнія. Нѣсколько словъ однако скажу.

Говорятъ, если-бъ Лиги Націй не было, было бы еще хуже.

Это отчасти вѣрно даже въ отношеніи нынѣ «дѣйствующаго» учрежденія (о прекрасномъ принципѣ Лиги Націй и говорить не приходится). Но не во всемъ это вѣрно и не всегда.

Если-бъ Лиги Націй не было, то Китай, по всей вѣроятности, тотчасъ капитулировалъ бы передъ Японіей. Результатъ былъ бы близокъ къ нынѣшнему, — и нѣсколько тысячъ людей остались бы живы.

Кромѣ того, ненависть 400 милліоновъ китайцевъ тогда сосредоточилась бы на Японіи. Теперь она — не безъ основанія — распространяется на весь міръ.

У Лиги Націй сомнительное прошлое и почти никакого настоящаго. Но у нея есть будущее, — если только она, неизмѣнно питаясь патокой, не погибнетъ отъ сахарной болѣзни.

Есть у Паскаля глубокое слово: «Такъ какъ нельзя сдѣлать сильной справедливость, то потребовалось

объявить справедливой силу. Это необходимо для мира. А миръ есть высшее благо».

Однако, для э т о г о незачѣмъ было создавать Лигу Націй.

Нынѣшняя Лига Націй, какъ дочь Халдеевъ Священнаго Писанія, «изнѣженная, живущая беззаботно, говорящая въ сердцѣ своемъ: я, и нѣтъ еще другой какъ я; не буду сидѣть вдовою и не буду знать потери дѣтей».

О ней сказано:

«И будетъ бѣдствіе на тебѣ, отъ котораго ты не отмолишься, и постигнетъ тебя несчастіе, отъ котораго ты не откупишься, и внезапно придетъ на тебя гибель, которой ты не предвидѣла. Оставайся, пожалуй, при своихъ чародѣяхъ и при разныхъ волхованіяхъ твоихъ, надъ которыми ты трудилась съ юности своей. Ты утомилась отъ множества совѣщаній твоихъ... Каждый пойдетъ, блуждая, въ свою сторону; никто не спасетъ тебя».

ОГЛАВЛЕНІЕ

Того же автора:

ЗАГАДКА ТОЛСТОГО

С.-Петербургъ, 1914. — Берлинъ, 1922

ОГОНЬ И ДЫМЪ

Парижъ, 1922

СЕРІЯ «МЫСЛИТЕЛЬ»:

I. ДЕВЯТОЕ ТЕРМИДОРА

Третье изданіе. Берлинъ, «Слово», 1928

II. ЧОРТОВЪ МОСТЪ

Берлинъ, «Слово», 1925

III. ЗАГОВОРЪ

Берлинъ, «Слово», 1927

IV. СВЯТАЯ ЕЛЕНА, МАЛЕНЬКІЙ ОСТРОВЪ

Второе изданіе. Берлинъ, «Слово», 1926

ПОРТРЕТЫ

Берлинъ, «Слово», 1931

КЛЮЧЪ

Берлинъ, «Слово», 1930

БѢГСТВО

Берлинъ, «Слово», 1932

ДЕСЯТАЯ СИМФОНІЯ

Парижъ, «Современныя Записки», 1931

СОВРЕМЕННИКИ

Второе изданіе. Берлинъ, «Слово», 1932

ХАОСЪ

Готовится къ печати

Складъ изданія:
PETROPOLIS-VERLAG A. G.
Berlin W 15
Для Франціи и Бельгіи
MAISON DU LIVRE ETRANGER
Paris VI

Printed in Germany